АѲОНСКІЕ РАЗСКАЗЫ

Η ΜΡ   Η ΘΥ

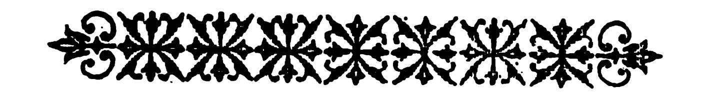
Η Ηγουμένη καὶ Προστασία τοῦ Κλήρου της Ἁγίου Ὄρους

ВЛ. МАЕВСКІЙ

АѲОНСКІЕ РАЗСКАЗЫ

ПАРИЖ
1950

ЧУДЕСНОЕ ПРЕДАНІЕ

Сотворилось это чудесное событіе тогда, как гласит преданіе, когда вознесшійся во славѣ с горы Елеонской Спаситель міра уже занимал Свое мѣсто одесную Отца Бога... Только Пречистая Богородица оставалась на землѣ, окруженная святыми апостолами, продолжавшими жить в Іудеѣ.

И пронеслось первое лѣто, наступившее вслѣд за всѣм тѣм Великим и Свѣтлым, что совершилось на Голгоѳѣ и в Іерусалимѣ... Подошла осень. И задумались двѣнадцать апостолов, видя, как стремительно протекает земное время...

— Возможно-ли нам медлить дальше? — говорили они. — Неугасим огонь Христова ученія в сердцах наших... Но для того-ли Іисус Распятый и учил нас, и страдал на Крестѣ, чтобы мы оставались без дѣла в Іудеѣ, а не шли бы во всѣ стороны проповѣдывать Слово Божіе?..

И, сказав это, направились святые апостолы к самой Богоматери и, поклонившись до земли, просили Ее принять участіе в общем совѣтѣ.

— Прости нас, Владычица! — сказал Матери Божіей апостол Петр. — Но нужно всѣм нам спѣшить в путь, дабы не оставлять в невѣденіи людей иных стран, еще не вѣдающих ничего о Твоем Пресвятом Сынѣ!.. Благослови нас на дальнюю и трудную дорогу... Мы пойдем во всѣ страны земли, дабы просвѣщать мір силою нашего слова.

Поклонилась, в свою очередь, Богоматерь апостолам и сказала:

— Истину говоришь, Петр! пора нам всѣм итти по свѣту, оповѣщая людей о Словѣ Моего Сына... Нельзя и мнѣ оставаться здѣсь. А потому и я пойду туда, куда укажет воля Того, чье ученіе мы понесем с собою.

В отвѣт Богородицѣ опять поклонились апостолы, и вмѣстѣ с Нею рѣшили бросить жребій: кому и куда итти для Божественной проповѣди.

Понадѣлали дощечек с надписями и, накрыв их хитоном апостола Петра, стали брать из-под него дощечки одну за другою... Протянула руку Богоматерь и вынула свой жребій.

«Иверія» — прочли на дощечкѣ апостолы. — Дальній путь предстоит Тебѣ, Пречистая Матерь!.. Земля эта лежит среди трудно проходимых гор и стремительных горных потоков и люди, ее населяющіе, живут набѣгами и войной... Трудно будет Тебѣ, Владычица, проповѣдывать среди них ученіе Твоего Сына и Господа нашего!..

— Таков мой жребій! — сказала Богородица. — Так, видимо, желает Он, Мой Пресвѣтлый Сын, вознесшійся на небеса... И не взойдет два раза солнце, как я уйду в Иверію!

Но не пришлось Владычицѣ отправиться в далекія Кавказскія горы. В ту же ночь снова явился к Матери Божьей архангел Гавріил, болѣе тридцати лѣт назад впервые представшій перед скромнѣйшею Пречистою Дѣвой с великою и благою вѣстью.

— Будь благословенна, Божественная Матерь! — произнес архангел. — Но не трудись направлять Свои стопы туда, куда указал Тебѣ вынутый жребій... Далекая Иверія просвѣтится Словом Божьим в свое время и без Твоих забот... А Тебѣ, Пречистая, будет

дана другая страна и удѣл... Так желает Твой возлюбленный Сын на небѣ... такова Его воля!..

— Какая же это страна? — спросила архангела Богородица.

— Невѣдома она и мнѣ, Владычица!.. Познаешь ее, когда Твоя нога ступит на берег ея.

И улетѣл архангел от Божьей Матери в селенія небесныя.

Жил в эти времена на островѣ Кипрѣ благочестивый епископ Лазарь, впослѣдствіи причисленный к лику Божьих святых. И весь народ, населявшій Кипр, хорошо знал, что был не простым человѣком этот епископ, а таким, подобнаго которому нельзя было найти и среди милліонов смертных, населявших землю. Ибо не было среди них такого смертнаго человѣка, какой успѣл-бы познать смерть послѣ жизни — и послѣ смерти вновь возвратиться в жизнь... А епископ Лазарь из Виѳаніи был именно таким человѣком, ибо в прошлом его воскресил из мертвых Сам Господь Іисус Христос послѣ четверодневнаго пребыванія во гробѣ.

И рѣдкій из жителей Кипра не увѣровал в ученіе Спасителя міра, преподанное впослѣдствіи воскресшим Лазарем, который был высоко почитаем на островѣ — и как епископ и как удивительный подвижник Божій.

Неизмѣнно была наполнена тихим свѣтом любви и благодарности к своему Великому Учителю душа епископа Лазаря. Хорошо и радостно жилось ему на островѣ Кипрѣ.

Но была у епископа одна великая забота, одна тоскливая мысль, не дававшая ему покоя, несмотря на всѣ молитвы. Этой заботой являлось стремленіе хотя бы еще только один раз в жизни повидаться и побесѣдовать с Пречистою Матерью его Пресвѣт-

лаго Учителя, давшей епископу обѣщаніе посѣтить его на Кипрѣ, если это окажется возможным.

— Кипр отдѣлен от Палестины морем, — сказала Лазарю при прощаніи Владычица. — Будет корабль, приплыву к тебѣ Лазарь!

И пришло время, когда смог епископ, пользовавшійся любовью своих учеников, послать от Кипра к палестинским берегам новый, крѣпкій корабль за Богоматерью. И узнала о его прибытіи к палестинскому берегу Богородица на слѣдующее утро послѣ метанія жребія и явленія Ей архангела Гавріила... Вмѣстѣ со св. апостолом Іоанном, сѣла Она на присланный корабль и двинулась в дальній путь по морским просторам.

Но, когда корабль с Богородицею вышел в открытое море, поднялась сильная буря. И хрупкое деревянное судно со снастями, поломанными вѣтром, долгое время носилось по суровым волнам, готовое ежеминутно погибнуть.

Но такой конец и был сужден слабой ладьѣ, принявшій на свой борт Пречистую Матерь Сына Божьяго... При свѣтѣ восходящаго солнца, буйныя волны прибили полуразбитый корабль к какой-то неизвѣстной странѣ, с первых же мгновеній поразившей взор усталых морских путников своею необыкновенною красотою.

Высокая, упиравшаяся своею вершиною в облака, невиданная гора уходила к голубому, южному небу. А вся поверхность этой горы — ея склоны и долины — были покрыты вѣковыми прекрасными деревьями самой различной и причудливой формы. Густолиственные, поднимавшіеся до небес кедры, украшенные вьющимися по их стволам цвѣтами омелы, капризные певги, стройные кипарисы, тѣнистые платаны, черные тополи, плакучія ивы, громадные каштаны, маслины, миртовыя, миндальныя, апельси-

новыя и лимонныя деревья — все это чудесно благоухало и как бы радовалось своему существованію под солнцем, сотворенным Богом.

Посмотрѣла Божья Матерь на всю эту прелесть, залюбовалась ея красотою. и обратилась к апостолу Іоанну:

— Что это за великолѣпный край перед нами, и что за люди обитают среди этих роскошных рощ и цвѣтов омелы?

— Не знаю, Владычица! — отвѣтил апостол, пытливо всматриваясь в даль. — Но вижу, что живущіе здѣсь люди еще бродят среди адской тьмы и обольщены злыми ученіями, мѣшающими им приблизиться к царству Вѣчнаго Свѣта...

И, протянув руку, святой апостол указал Богородицѣ на ряды каких-то каменных изваяній, разставленных среди прибрежных кипарисовых рощ... Это были идолы служителей Аполлона, в числѣ многих тысяч населявших прекрасный уголок этой южной земли.

Низко опустила свою голову опечаленная Мать Сына Божьяго.

— Что дѣлать? — с грустью сказала она. — Не легкій удѣл достался нам... Но, что бы ни ожидало нас в этих мѣстах, мы должны оставить корабль и итти к заблудшим, дабы повѣдать обо всем — скорбном и чудесном, — что совершилось на Голгоѳѣ...

И смѣло сойдя с полуразбитаго судна, Пресвятая Дѣва легко ступила на золотой песок невѣдомаго берега.

Но едва ступила Она на берег, — совершилось неслыханное и невиданное чудо, наполнившее трепетом даже сердца старых матросов корабля Богородицы, упавших в ужасѣ у ног Ея.

Нежданным грозным гулом неслыханных голосов наполнился воздух чудеснаго полуострова. И яс-

но видѣли тогда, сбѣгавшіеся со всѣх сторон, жители, как открывались и закрывались уста каменных идолов, чудесно оживших и испускавших вопль:

— Люди, обольщенные Аполлоном!— возглашали изваянія,— идите на Климентову пристань и примите Марію, Матерь Великаго Бога Іисуса!..

И народ все бѣжал и бѣжал на этот каменный зов...

Кроткая, тихая и прекрасная, как вѣчная жизнь праведника, стояла на береговом пескѣ Богоматерь... И весь народ благоухающаго полуострова пал перед Нею на колѣни и поклонился Ей, и увѣровал в Іисуса Христа Распятаго и Воскресшаго.

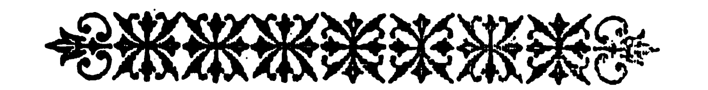
И благословила Богоматерь всѣх, склонившихся перед Нею язычников.

— Благодать Сына Моего да пребудет на мѣстѣ сем! — сказала Она. — И не оскудѣет милость Сына Моего на мѣстѣ сем до скончанія вѣка!.. А я буду горячей ходатайницей о мѣстѣ сем пред Сыном Моим...

И утвердилась с тѣх пор на полуостровѣ том истинная Христова Вѣра — вѣра православная. И один за другим выростали на нем храмы православных подвижников и молитвенников Божьих.

Далеко понеслась по свѣту тихая слава о чудесном краѣ, просвѣщенном Христовой Истиной Самою Ею — Пречистою Матерью... И познал весь мір, что имя тому краю А ѳ о н или по гречески: Athos.

А Матерь Божья, оставив аѳонскому народу апостольскаго мужа для укрѣпленія и наставленія в вѣрѣ, вскорѣ уплыла на Кипр для встрѣчи и бесѣды с Лазарем - Четырехдневным, с великою радостью встрѣтившим Пречистую гостью.

СВЯТАЯ ГОРА АѲОН

В числѣ святых мѣст Ближняго Востока, привлекающих к себѣ взоры всего христіанскаго міра и до недавняго времени служивших цѣлью благочестиваго паломничества, — Святая гора занимает особое исключительное положеніе. Болѣе тысячи лѣт она является главным пріютом православнаго греко-славянскаго монашества. А послѣднее, во все время своего здѣсь существованія, стояло на высотѣ иноческих идеалов и служило образцом истинной религіозно-созерцательной жизни.

Здѣсь находили себѣ тихое пристанище всѣ тѣ, кои стремились путем молитвы и поста, вдали от міра и его прелестей достигнуть высокаго нравственнаго совершенства. Здѣсь успокаивались мірскія страсти, забывались невзгоды и бѣдствія бурной политической и общественной жизни. Здѣсь царило полное духовное довольство, при скудости внѣшней обстановки; непрерывно совершались высокіе аскетическіе подвиги, возгрѣвалась истинная любовь к Богу и ближним.

Оставаясь всегда вѣрными завѣтам и преданіям древних христіанских аскетов и пустынножителей, аѳонскіе иноки были строгими ревнителями ученія православной церкви и просвѣщенными его защитниками. Их принципом при этом было строгое соблюденіе христіанских догматов и канонов.

Всякій раз, когда церкви угрожали ложныя и гибельныя ученія, аѳонскіе монахи смѣло выступали

на борьбу с ними и энергично защищали чистоту церковных истин. И свой обличительный голос они поднимали даже против византійских императоров.

Затѣм Аѳон всегда был очагом просвѣщенія... Многіе из святогорских монахов достигали замѣчательных успѣхов в научных своих занятіях и ознаменовали себя выдающимися учено-литературными трудами в различных областях знанія. У них в обычаѣ было учреждать при монастырях школы для приготовленія клириков из среды иноков, а также устраивать библіотеки.

И нынѣ на Аѳонѣ сохранились богатѣйшія собранія греческих и славянских рукописей и книг, привлекающія к себѣ вниманіе ученых всего міра. Эти библіотеки собирались в теченіи вѣков трудами самих иноков, которые считали переписку рукописей дѣлом благочестивым.

Аѳонскія библіотеки имѣли громадное просвѣтительное значеніе не только для греков, но и для славян, в частности, и для нас русских. Отсюда именно, чрез посредство славянских обителей, наши предки черпали свои познанія по вопросам религіозно-нравственным, историческим, философским. Здѣсь именно скрывался тот кладезь духовной мудрости, которую наше отечество получило в наслѣдіе от византійских греков.

Далѣе, Аѳон всегда был строгим хранителем церковно-богослужебнаго устава и ревностным его исполнителем. И здѣсь, — в обителях греческих и русских, — нынѣ церковный устав является главным основоположеніем всей жизни, которая всецѣло и регулируется в зависимости от литургических и обрядовых его предписаній.

Кромѣ того, единством духовных цѣлей *Аѳон* издревле роднил всѣ племена и *соединял* в одну общину *представителей разных народностей*. Всѣ стре-

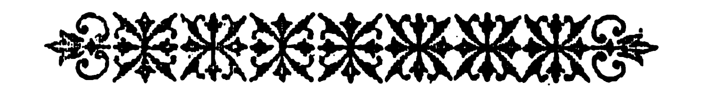
мились на Святой горѣ к одной лишь цѣли: вѣчному спасенію. Для всѣх Аѳон был самой высшей школой православно - христіанскаго подвижничества... Это был монашескій рай, мѣсто святое, дом Божій и врата небесныя.

Чудесны и храмы в святогорских обителях!.. Чудесны не только, как вѣковыя святыни, но весьма интересны они в архитектурном и художественно - иконописном отношеніях. Аѳонская живопись, иконы, фрески, мозаика, древняя утварь и пр. — служат предметом весьма тщательнаго изслѣдованія со стороны не только православных, но и многочисленных инославных ученых. На Святую гору Аѳон предпринимаются цѣлыя экспедиціи и командируются ученыя комиссіи для тщательнаго изученія аѳонской живописи, исторически выработавшейся в особый стиль и вылившейся в своеобразныя формы (Панселин).

Наконец, аѳонскіе монахи всегда чутко прислушивались и к несчастіям внѣшняго міра: всякій раз, когда православному Востоку угрожали тѣ или иныя бѣдствія, — они шли к нему на помощь. Щедро благотворили бѣдным и неимущим, во время голода или послѣ нашествія врагов; снабжали греков деньгами на устройство школ, церквей, благотворительных учрежденій и т. п.

Таким образом, с полным правом можно сказать, что Святая гора Аѳон в теченіи ряда вѣков является центральным очагом религіозно-созерцательной жизни православнаго Востока, главною школою аскетических подвигов для всего православнаго міра. Она является ревностным хранителем церковнаго преданія и христіанскаго просвѣщенія, необоримою твердыней православія и замѣчательным культурно-историческим памятником — Горою Святою по преимуществу.

Таково историческое значеніе Аѳона.

ПО ПУТИ НА АѲОН

Цвѣтущіе берега живописной Греціи...

На пути по Средиземному морю — это первая ступень величественной лѣстницы в глубь вѣков, по которой шло развитіе человѣчества. И в исторіи древней Греціи — это поэтическое сказаніе; это очаровательная книга, гдѣ все встает в ярких образах и картинах. Проходя мимо классических памятников искусства, окруженный тѣнями героев-полубогов, цѣлым сонмом поэтических образов исчезнувшаго міра, — путешественник невольно склонен забывать дѣйствительность. И это естественно в странѣ, вѣчно согрѣтой лучами солнца, разливающаго повсюду свой лучезарный блеск; в странѣ, не знающей никогда туманов, напоенной ароматом удивительнаго воздуха и омытой волнами вѣчно-голубого моря.

Шаловливое море покачивает нас на зеленоватых волнах... По тѣм же волнам тысячелѣтіями двигались ладьи человѣка. И онѣ избороздили эти сине-зеленыя воды во всѣх направленіях, не зная иного простора. Десятки вѣков сложили грандіозныя ступени, от первобытной стадіи человѣческаго существованія до позднѣйшей культуры безконечной вереницы племен и народов. Произошла знаменательная смѣна великих религій, политических форм правленія, философских школ и разнообразнѣйших принципов и идеалов.

Но все это прожито. Пройден далекій путь...

Когда взгляд окинет безконечную морскую ширь, охватившую нас отовсюду, возбужденной фантазіи кажутся доступными всѣ отдаленные уголки этого поэтическаго царства: вот далеко впереди вправо, за синей чертой небосклона, сокрыты от глаз очертанія высокой пустынной горы — мы идем к ней, к Аѳону; а влѣво, далеко в глубинѣ, за сотни километров — колыбель народов, библейская родина человѣчества... Первый шаг перваго дикаря запечатлѣл дѣвственную почву Азіи, переступил в Африку, достиг Европы и, пройдя путь многих вѣков, окрѣп на огромном пространствѣ.

На пути к Аѳону, я почти не сходил с палубы, непрерывно любуясь все новыми и новыми картинами, с каждым часом становившимися все прекраснѣе, все восхитительнѣе. Не даром Байрон называл острова Архипелага драгоцѣнным ожерельем вѣчно-прекраснаго моря... Восхищались ими и суровые, закаленные в битвах крестоносцы, сравнивавшіе Архипелаг с разбросанным по водѣ, цвѣтником. И этот гигантскій цвѣтник, подобно которому я никогда не встрѣчал на Божьем свѣтѣ, не прерывается нигдѣ во время плаванія по Цикладам: едва из поля зрѣнія скрывается один остров, как на смѣну ему встает другой, еще болѣе красочный.

И синими, слишком синими кажутся в этом благословенном краю волны Архипелага, доводящаго в то же время изумительную прозрачность своих вод до эффекта незнакомаго ни одной странѣ, ни одному морскому простору. Так и чудится, что кромѣ яркаго полуденнаго солнца, сіяющаго над головою, гдѣ-то внизу, под волнами, горит и блещет второе такое же свѣтило, дающее возможность простому человѣческому глазу постигать всѣ тайны неизмѣримо глубоких волн.

Чѣм дальше наш путь — тѣм скалистѣе берега,

вдоль которых движется бѣгущее к завѣтной цѣли судно. В одних мѣстах отроги этих берегов круто спускаются в море, производя величественно-грозное впечатлѣніе; в иных — им на смѣну внезапно приходит мирная тишина обширных зеленых лугов или полоска золотого песчанаго берега, залитаго лучами непобѣдимаго солнца.

Пароход теперь держит путь еще опредѣленнѣе в сторону Аѳона.

На голубом просторѣ всплывают цвѣтущіе берега, как прихотливыя корзины цвѣтов. Они кажутся плавающими на этих волнах, отражающих и яркую зелень, и красноватыя скалы, и караваны опаловых облаков, едва скользящих в прозрачной пеленѣ неба... Справа на горизонтѣ встает гористый Имброс; за ним обозначается фіолетовый абрис Самофраки, а прямо вдали — поднимается из пѣнистых вод мраморная чаша Лемноса... Сзади нас слабо зарисовываются остроконечныя пики Тенедоса, отдѣленныя тонкою водною чертой Безикской бухты.

С каждым оборотом винта мы уходим все далѣе в глубь поэтических легенд и сказаній Эллады. И старый, древній мір незамѣтно встает перед нами с веселою, вѣчно юною улыбкой, с изящным пониманіем искусства и вдохновенным философским воображеніем...

Не помню, сколько времени плыл я таким образом, ни на минуту не отрываясь от созерцанія прекрасных картин, среди которых находился. Помню только, что пароход уже миновал живописнѣйшій остров Тассо, с раскинувшимся напротив него городом Кавалой, когда со мной неожиданно заговорил этот интересный человѣк, по одной интуиціи узнавшій во мнѣ своего соотечественника. Но впослѣдствіи выяснилось, что здѣсь играла роль не только одна интуиція: стоя на пароходной палубѣ и созер-

цая красоты Архипелага, я все время держал в руках русскую книгу — и это обстоятельство не ускользнуло от наблюдательнаго соплавателя.

— Любуетесь? — сказал он просто. — И есть чѣм любоваться: дивный, благословенный край... его не забудешь до конца жизни!.. А что дальше, сами увидите. Я ѣду к Святой горѣ второй уже раз... был там впервые еще в ранней молодости и при совсѣм иных обстоятельствах.

Говорившій, был вполнѣ приличнаго вида русским человѣком лѣт шестидесяти, хранившим на своем лицѣ отпечаток глубоких душевных переживаній... Мы познакомились. Он оказался бывшим крупным землевладѣльцем, а в переживаемое время, подобно мнѣ, таким же обездоленным скитальцем-изгнанником по свѣту и, вдобавок, доживающим свой вѣк на чужбинѣ в полном одиночествѣ, без родины и близких.

— Представьте себѣ, что это кровавое безуміе, этот пир Сатаны, разыгравшійся в Россіи, пожрал всю мою семью... Восемнадцатилѣтняго юношу-сына «они» разстрѣляли еще в 1919 году... Ничего не подѣлаешь: паж и «враг народа»... Дочь Наташа умерла от сыпняка в Ростовѣ... Если бы только видѣли вы, какая это была красавица!.. Кое-как мы с женою выбрались в Костантинополь, и уже оттуда в Париж. Вмѣстѣ работали долго, даже недурно жили. Но и на нее пришел свой черед: три года тому назад похоронил и ее... умерла от бѣлокровія... Остался один, продолжая работать в конторѣ Рено — безцѣльно и безсмысленно. И вдруг явился смысл,— смысл удивительный и захватывающій... Я вспомнил, как еще лицеистом ѣздил с отцом на Аѳон; вспомнил, какое громадное впечатлѣніе произвело на меня это великое мѣсто... И вот я рѣшил отказывать себѣ рѣшительно во всем, чтобы накопить извѣстную сумму на доро-

гу... Представьте, мнѣ удалось с поразительной легкостью этого достигнуть: всего каких-нибудь два года откладывал и собрал порядочно. Видно, само Провидѣніе помогало... Теперь счастлив так, как только может быть счастлив человѣк в моем положеніи: так и чувствую, что приближаюсь к Богу... Вы еще и не знаете, мой новый друг, что такое Аѳон!.. Но довольно: мнѣ кажется он уже видѣн из-за тумана.

Дѣйствительно, за голубоватою туманною завѣсой, под узорчатою каймой горизонта, начал вырисовываться силуэт Святой горы,— желанной цѣли нашего путешествія.

Мы напряженно стремимся к этим скалистым берегам. Но они еще надолго, неподвижно и гордо, нисколько не приближаясь, как будто застыли пред нами.

Бывшій помѣщик, а впослѣдствіи горемычный конторщик с заводов Рено, так и впился в него восторженными глазами, на которых заблестѣли слезы.

Казалось, что цѣль была уже совсѣм близка, но затѣм выяснилось, что нам пришлось плыть еще часа три, пока наш пароход поравнялся с южной частью Аѳонскаго полуострова. И только тогда мало-по-малу очертанія Святой горы стали дѣлаться яснѣе. А южное солнце, тѣм временем медленно переходило полдень, окружая вершину ея чуть примѣтным золотым нимбом.

Картина была поразительная, чарующая, незабываемая!

— Кто же эти счастливцы? — спросил я.

— Эти счастливцы: отшельники, иноки, монахи... высшіе служители духа. Впрочем, вы сами их скоро увидите и не будете нуждаться в моих поясненіях... Аѳон — это удивительный уголок земли, равнаго которому нѣт на свѣтѣ. И каких там можно встрѣтить монахов, каких поистинѣ чудесных монахов!

Святая гора, между тѣм, все приближалась и приближалась, обнаруживая свои детали, до того времени незамѣтныя и скрывавшіяся за туманною далью.

Но все же суровостью дышет величественная природа южной части Аѳона. Мощно-спокойным взглядом отшельника смотрит она в туманную даль, гдѣ укрылась беззаботно-веселая Грецiя.

Дикіе камни, кое-гдѣ по вершинам зеленыя пятна растительности, одиноко застывшія деревья и скалы... скалы кругом. А внизу шаловливое море источило базальт и песчаник неустанно бьющими в берег волнами. Красноватые гребни утесов нависли и смотрят вниз на подошвы уступов, одѣтых пѣной прибоя... Не видно жизни, не замѣтно движенія! И все же именно этому грустному одиночеству позавидовал геніальный англійскій поэт Чайльд-Гарольд, увѣковѣчив в чудных стихах свое посѣщеніе Аѳона.

— Вот видите, напримѣр, эти темныя пятна на горных скатах? — сказал мой спутник. — Присмотритесь хорошенько... вы их легко замѣтите!.. Видите теперь?

Я с интересом послѣдовал его указанію и вскорѣ, дѣйствительно, увидѣл то, на что он указывал: на неприступной высотѣ оголеннаго ската, уступами к верху, на различном разстояніи одно от другого, на золотившейся от солнца скалистой поверхности Святой горы, разбросаны были чернѣвшія пятна - точки. Число их с каждою минутою увеличивалось, по мѣрѣ приближенія парохода.

— Это пещеры и кельи спасающихся в отшельничествѣ иноков! — пояснил он. — Не мало таких же келій и в ущельях скал, и в чащѣ лѣсов, покрывающих .....

(Восточный вѣтер пробѣжал по Архипелагу, покрыв легкою зыбью его синюю гладь, по которой

всего только на нѣсколько минут забѣгали бѣлые барашки.

— Зыбь, — задумчиво проговорил мой спутник. — Но это сейчас же и пройдет... и море станет еще болѣе спокойным, чѣм раньше... Скоро мы поравняемся с юго-восточной частью Аѳона.

Вдали, дѣйствительно, уже выходили из солнечнаго тумана скалистые утесы, лишенные всякой растительности и земляных покровов, круто нависшіе над морем и как бы готовые ежеминутно низринуться в его бездну от малѣйшаго толчка.

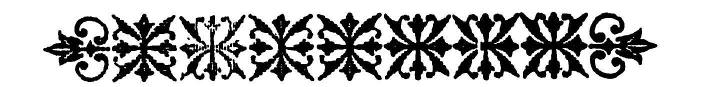
— Собственно говоря... вся наша жизнь это такое же волнующееся море! — задумчиво продолжал мой новый знакомый. — Как вѣрно, как прекрасно это старое сравненіе... Так же, как и в морѣ, в нашей жизни одна постоянная, непрерывная смѣна разных теченій... Вѣками борются между собою тщеславные и алчные люди, сталкивается множество разнообразных и подчас совершенно противоположных интересов, неистово борются людскія самолюбія и страсти. И наше море, море суетной человѣческой жизни, волнуется и бурлит вѣчно, оставаясь в результатѣ все тѣм же морем, не дающим ничего новаго...

Мой новый знакомый говорил, увлекаясь все больше и больше и в то же время ни на мгновеніе не отрывал глаз от выявлявшихся впереди нас очертаній Аѳона, становившихся все крупнѣе и отчетливѣе.

— А вот существуют же на землѣ люди, для которых остаются чуждыми всѣ эти жизненныя бури... люди, которые не участвуют и не желают участвовать ни в дѣлах государств, ни в жизни человѣческих обществ. Существуют такіе счастливцы, но их немного... очень немного. И таких людей вы не встрѣтите в нашей средѣ: они живут уединенно и скрыто...

Но как я завидую им, как жалѣю, что не пошел по их торной стезѣ смолоду.

Аѳонскую гору... Вот в эти то пещеры и уходят тѣ особенные и рѣдкіе люди, у которых высшіе духовные интересы преобладают над интересами житейскими... Да и что для них эти житейскіе интересы, когда их неудержимо влечет нѣчто высшее, чего они не найдут ни в дворцах, ни в шумных столицах, ни среди богатства и мірской славы. Для таких избранников религіозно-нравственное созерцаніе, уход в пустыню для молитв и приближеніе к Богу — единственная цѣль в жизни. И какими счастливцами они бывают, какими счастливцами!.. И какого удивительнаго развитія духа они достигают!.. Попробуйте обрѣсти такое спокойствіе и счастіе гдѣ-либо при других условіях жизни!.. Впрочем, повторяю, вскорѣ вы сами в этом убѣдитесь. Во всяком случаѣ, заранѣе радуюсь тому, что и вы скоро ступите на священный берег чудеснаго Аѳона.

В РУССКОЙ ОБИТЕЛИ

Лязгают цѣпи. Якорь ныряет в морскую пучину, и мы останавливаемся. К нам несутся от пустыннаго берега лодки, ныряя по волнам: они доставляют полицейских чиновников и пассажиров-монахов. И черныя рясы, черныя камилавки и блѣдныя лица монахов рѣзко бросаются в глаза на окружающем фонѣ нѣжных красок моря.

Загремѣла лебедка: стали выгружать что-то из трюма. А греческіе чиновники приступили к провѣркѣ документов тѣх пассажиров, которые собирались съѣхать на берег. Процедура эта обѣщала затянуться, но обстоятельства мнѣ благопріятствовали и, удовлетворив всѣ требованія представителей власти, я вскорѣ уже вступил на берег Дафны*), едва успѣв попрощаться с моими спутниками.

И какая пріятная неожиданность встрѣтила меня на берегу, какую только и можно было объяснить исключительным радушіем и гостепріимством милых аѳонских хозяев-иноков:

— Не вы ли господин М.? — послышался около меня спокойный, мягкій голос, произнесшій мою фамилію. — Отец намѣстник прислал за вами лодку... Из монастыря цѣлителя Пантелеимона... Вѣдь это вы, не правда-ли?

---

*) Дафна, в древнія времена — языческое селеніе, с храмом богини Дафны; а нынѣ — это единственная пристань Аѳона.

Передо мной стоял высокій и очень худой, сѣдоватый монах в сѣром подрясникѣ, с открытым лицом, сильно обвѣтренным при постоянной работѣ лодочника. Это был милѣйшій іеросхимонах отец Петр, впослѣдствіи мой большой друг и интересный собесѣдник.

Растроганный рѣдкою любезностью о. намѣстника, а также вниманіем добродушнаго о. Петра, с ласковою и дѣтски-спокойною улыбкою все время смотрѣвшаго на меня, — я назвал себя. Послѣ этого покорно послѣдовал за ним к колыхавшейся у берега лодкѣ.

— Пожалуйте!— привѣтливо пригласил о. Петр. — Путь недолгій, да и море спокойно... быстренько доберемся в нашу обитель...

В лодкѣ было еще два монаха: средних лѣт схимонах о. Веніамин, с окладистой черною бородой, и сѣденькій старичек.

Они погрузили сначала вещи в лодку, потом сошли туда мы, паломники, и вскорѣ уже поплыли по морской глади, как по бархату.

Заходило солнце и зелень цвѣтущаго Аѳона и в ней утопающія святыя обители — монастыри, скиты и келліи — представляли неописуемую и чудную картину полной тишины и присутствія Божіей благодати. И, пока плыли в лодкѣ, все время мы смотрѣли на эту красоту, Самим Господом устроенную и данную в удѣл Своей Пречистой Матери для воздѣлыванія на ней цвѣтов неувядаемых — святых душ, которыя растут и благоухают своими подвигами, трудами и постоянной борьбой со всякаго рода искушеніями...

Но вот лодка причалила к пристани св. Пантелеимонова монастыря и нас радушно встрѣтила группа ласковых старцев, присланных внимательным игуменом для оказанія услуг прибывшим впервые в эту обитель.

Начиналась моя жизнь в чудеснѣйшем монашеском царствѣ, слава котораго уже много вѣков разносится по всему міру.

Я поднимался все выше и выше, сопровождаемый услужливым иноком, двигавшимся слѣдом за мною с тяжелыми вещами. И это обстоятельство смущало меня до крайности. Но монашек, в выцвѣтшей от солнца скуфейкѣ, пребывал в самом благодушном настроеніи и, повидимому, был охвачен непритворною радостью от возможности услужить и помочь.

— Вот все же Господь приводит к нам русских людей! — сказал он просто. — Рѣдко, очень рѣдко, но все же приводит... Что сотворилось с Россіей-то, Царица Небесная!..

Нѣсколько утомившійся от непривычнаго подъема в гору, я не мог вести опредѣленной бесѣды с моим милым спутником, что, впрочем, он и сам хорошо понимал.

— Ну, теперь уже скоро кончится! — обнадеживал он меня. — Спервоначалу так с каждым гостем бывает, а опосля обвыкаются!.. Вот сейчас отдохнете на фондаричкѣ*) у отца Паисія... Вот она уже видна, гостиница-то... Умоетесь, чайку попьете.. отдохнете...

Направо и налѣво от меня высились громадныя каменныя зданія монастырских корпусов, среди которых ступеньками пробѣгала наша дорога. И их бѣлыя стѣны теперь казались золотисто-розовыми от лучей солнца. Такими же чудесными цвѣтами были окрашены роскошные олеандры и пальмы, по аллеям коих мнѣ пришлось пройти на пути в гостиницу. И я по-

---

*) Монастырская гостиница с пріемными залами для гостей.

нынѣ, как на-яву, вижу эти ярко красные цвѣты, казавшіеся под лучами солнца совсѣм огненными...

Прошло еще нѣсколько минут — и я уже находился на фондарикѣ, в длинном и чистеньком корридорѣ солидной монастырской гостиницы. Но едва я очутился под сводами этого тихаго и гостепріимнаго пріюта, как на встрѣчу мнѣ вышел любезный и дѣловитый гостинник, отец Паисій, тотчас-же распахнувшій предо мною отличный и свѣтленькій номер. Это было помѣщеніе, дѣйствительно, выше всяких похвал, как благодаря своему уюту, удобствам и чистотѣ, так и тому поистинѣ чудесному виду, какой открывался из его окон.

Помню, как пройдя на балкончик, увитый янтарными гроздями винограда, я долго не мог оторвать взгляда от прекрасной картины тихих вод Монте-Санто, омывавших находившійся справа гористый выступ полуострова Лонгоса... Невыразимо чудесно свѣтилось море, нѣжно зеленѣли южныя рощи, покрывавшія горныя склоны и уже слегка подернутыя синими туманами умирающаго дня. А значительно ближе, прямо перед моими глазами, цѣлою панорамой развертывался он — наш истинно русскій монастырь, представляющій по своему положенію и богатству построек одно из живописнѣйших мѣст на Святой горѣ.

— Полюбуйтесь! — тихо прозвучал за мною голос моего любезнаго проводника. — Отсюда наш «Цѣлитель» видѣн, как на ладони... Вот это храм святого Митрофанія, там дальше — святого Пантелеимона и церковь Покрова Матери Божьей... Всего у нас до двадцати пяти больших и малых храмов... Большая наша обитель!..

Я с восторгом смотрѣл на эту «большую обитель», сіявшую своими золотыми главами и чувствовал, что искреннія и хорошія слезы подступают к горлу: так сильно было впечатлѣніе ею производи-

мое... Мнѣ ясно чуялось, что от всего того, что я видѣл перед глазами, вѣяло Россіей, дорогою родиной — настоящей Россіей, Святою Русью — каковая так дорога каждому нашему изгнаннику...

— Чудесно! — вырвалось у меня. — Как хорошо у вас здѣсь, батюшка!..

— Да, хорошо! — просто отвѣтил монах. — Не оставляет нас, грѣшных, своею милостью Царица Небесная, хотя и трудныя времена переживаем... Теперь самим приходится обходиться, потому что на родинѣ-то, сами знаете, что дѣлается... Тяжело Аѳону без матери - Россіи!..

Начались южныя сумерки, перешедшія скоро в мягкій, полный тишины и прелести, аѳонскій вечер.

Изрядно утомившійся послѣ морского путешествія и непривычных впечатлѣній, я вскорѣ улегся спать... А утром проспал бы, вѣроятно, еще значительно дольше, если бы в слух мой не ворвался неожиданный и осторожный, но все же упорно-настойчивый звук, тотчас же напомнившій мнѣ о мѣстѣ моего пребыванія. Стучал в дверь фандаричный, о. Паисій, одновременно со стуком произнесшій обычное монашеское привѣтствіе, так чудесно звучащее во всѣх православных обителях неизвѣстно с каких пор:

— Молитвами святых отец наших Господи Іисусе Христе.. Боже, помилуй нас!

Я тотчас же отозвался, по монашески «поаминил»... Отец Паисій явился ко мнѣ оповѣстить о весьма важном дѣлѣ, а именно: о предстоящем визитѣ к их знаменитому игумену, отцу архимандриту Мисаилу, старцу 82 лѣт и гордости не только этой славной обители, но и всего русскаго монашества на Аѳонѣ.

— Первоначально вас просит зайти к себѣ о. на-

мѣстник! — весело и любезно сообщил инок. — Пожалуйте за мною, о. намѣстник уже ждет!...

Я быстро собрался и через нѣсколько минут, длинным и прохладным коридором, уже подходил к низенькой двери келійки о. намѣстника, в которую так же постучался мой спутник, произнося традиціонное «молитвами святых отец»...

Дверь нам открыл келейник отца намѣстника, симпатичный и с открытым лицом схимонах о. Іаков. И через минуту я уже находился в обществѣ іеросхимонаха о. Іоанникія, произведшаго на меня с перваго же знакомства самое отрадное и в то же время серьезное впечатлѣніе. Это — образец хорошаго русскаго инока, дополненный качествами от природы смышленнаго русскаго человѣка. А вышел он из своеобразной, одной только старой Россіи извѣстной, крѣпкой и патріархальной семьи второй половины 19-го столѣтія, когда эта среда еще не была заражена упадком нравов.

Интересна сама по себѣ личность пантелеимоновскаго намѣстника отца Іоанникія. Помимо высокой религіозной настроенности, примѣрной монашеской жизни и трудов по экономіи, — он принес монастырю огромную пользу и завидной стойкостью своих убѣжденій. Так, во время имябожской смуты, он стал опредѣленно на сторону противников этого движенія, удерживая слабых и мятущихся. И, в качествѣ опытнаго типографа, он оказал значительныя услуги неимябожеской части братіи и представителям св. Синода печатаніем воззваній, обращеній и т. д. Большую стойкость проявил о. Іоанникій и в другом исключительном событіи монастырской жизни. В 1913 году, возвращаясь из Палестины, в св. Пантелеимонов монастырь на Аѳонѣ прибыл злополучный Григорій Распутин. В то время он находился в расцвѣтѣ своего вліянія на многих высоких лиц русской

церковной и государственной жизни. По своей непосредственности и малокультурности, он часто этим чрезвычайно кичился, запугивал окружающих и нерѣдко злоупотреблял этим своим вліяніем, принося жалобы на неповинующихся его притязаніям. И вот здѣсь, в Пантелеимоновом монастырѣ, Распутин сразу же стал оказывать дурное вліяніе на нѣкоторых малодушных и темных монахов. Он вносил в их среду свойственный ему дух сектантскаго изувѣрства и отрицанія духовной дисциплины. Но сила его вліянія в Петербургѣ казалась так велика, что скромное монашеское начальство растерялось... Только молодой, стремительный и крѣпкій духом о. Іоанникій не сробѣл. Он лично отправился к Распутину, смѣло указал ему на вред для обители от его в ней дальнѣйшаго пребыванія и вносимаго им соблазна, — и потребовал немедленнаго ухода из монастыря... Не взирая на сопротивленіе, дьявольскую злобу и угрозы — Григорій Распутин все же вынужден был немедленно покинуть стѣны св. Пантелеимонова монастыря и первым пароходом выѣхал в Россію...

Конечно, злопамятный Распутин не преминул отомстить стойкому аѳонскому иноку. Когда понадобилось о. Іоанникію отправиться в Россію по сбору милостыни, то лукавый «старец Григорій» добился синодальнаго запрещенія ему на въѣзд туда!.. Но как было бы хорошо, если бы в свое время «силу имущіе» в Петербургѣ так же рѣшительно поступили со зловредным сектантом Распутиным, как это сдѣлал скромный монах на Аѳонѣ... во имя блага Церкви и родной обители!...

Сидѣли мы с намѣстником о. Іоанникіем, попивали чаек и так оживленно, дружески разговаривали, будто были хорошо знакомы много, много лѣт. При этом я искренно наслаждался его рѣчью, от которой

так и вѣяло крѣпким сѣвером далекой и милой родины.

Отец Іоанникій чистой воды великоросс, несмотря на долгій срок пребыванія на Аѳонѣ, сохранившій характер подлинной русской народной рѣчи, казавшейся мнѣ теперь особенно дорогой и очаровательной... А она так и лилась, эта замѣчательная рѣчь «говорком», сверкая мѣткими народными словцами и поговорками, поражая своею находчивостью и остроуміем, знаніем людей и человѣческой жизни.

Так говорили когда-то в старой и доброй Россіи торговые люди; так, вѣроятно, говорили русскіе бояре и замоскворѣцкіе купцы при Алексѣѣ Михайловичѣ и Великом Петрѣ... И отец Іоанникій, перенеся эту русскую рѣчь через десятилѣтія, — теперь щедро ею обдаривал меня.

Время проходило быстро в пріятной бесѣдѣ и жаль было уходить от такого замѣчательнаго русскаго самородка. В его лицѣ соединялась ревность о славѣ Божіей и высоком достоинствѣ русскаго монашества на Аѳонѣ с личным подвигом иноческаго житія; неослабное попеченіе о строгой уставности богослуженія и жизни родной обители, с несокрушимой энергіей в настойчивой работѣ для устраненія вопіющей матеріальной нужды иноков во всем.

Вездѣ он успѣвал побывать, все видѣть и во всем принимать личное участіе... При такой наклонности и горѣнію к работѣ, по волѣ Божіей, ему естественно было взять на свои крѣпкіе рамена и управленіе обителію, когда богомудрый старец игумен монастыря, архимандрит о. Мисаил, изнурительным недугом лишен был способности передвигаться.

ИГУМЕН МОНАСТЫРЯ

Отец игумен уже ждет вас! — сказал намѣстник. — Выходить из своих покоев он никуда не выходит, но дорогих гостей принимает с любовью и радостью... Что подѣлаешь, такова, видно, Господня воля: приходится о. игумену не покидать кресла... паралич. Да и возраст преклонный: больше восьми десятков годков... Но голова у нашего отца игумена и понынѣ свѣтлая — дай, Господи, такую голову каждому и молодому. Впрочем, сами убѣдитесь...

Отец Іоанникій был прав.

Прошло не болѣе получаса — и я уже уходил от архимандрита Мисаила овѣянный настоящим обаяніем, явившимся слѣдствіем прекрасных впечатлѣній, полученных мною послѣ визита к этому удивительному, маститому старцу.

Знаменитый игумен, восьмидесяти двухлѣтній старец Мисаил, пожизненный настоятель обители по избранію братіи. Нечего и говорить о том, каким всеобщим уваженіем и почетом пользовался на всем Аѳонѣ этот замѣчательный человѣк — мудрый и заботливый отец многочисленнаго иночества, находящагося у него в братском подчиненіи.

В далеком, очень далеком прошлом, измѣряемом многими десятками лѣт, отец Мисаил, — подобный же его помощнику и другу намѣстнику о. Іоанникію, — «уходец» из патріархальной семьи, из толщи народа. Еще безусым юношей прибыл он на Аѳон по

горячему и полному вѣры побужденію, и поступил в Пантелеимонов монастырь. Тогда началось длительное и упорное прохожденіе монашеской школы под строгим руководством опытных старцев постепенно возводивших молодого инока на непонятную для мірского человѣка, духовную высоту, открывавшую ему путь к высоким подвигам. И он прошел много послушаній, из которых самое важное — многолѣтнее настоятельство в Константинополѣ, на монастырском подворьѣ. Именно это послушаніе дало ему большой житейскій опыт и сильно расширило его кругозор.

Вообще, несмотря на почти полное отсутствіе какого-либо школьнаго образованія, о. Мисаил всегда отличался не только большим природным умом, но и умѣніем себя держать с представителями самого различнаго общества. Он обладал природным большим тактом в разговорѣ, житейскою мудростью и находчивостью. Иногда только нѣкоторая природная застѣнчивость замѣчалась в этом выдающемся монахѣ, но отвѣты его всегда были мѣтки и живы. Лишняго он не говорил никогда и вообще всегда держался скорѣе сдержанно, с истинным монашеским достоинством и рѣдкой скромностью.

Прошли многіе годы и из молодого инока выработался проникновенный и опытный старец, славившійся своею строгою жизнью и являвшійся образцом истинно-аскетической жизни для других монахов... И пришло время, когда братія сама, с любовію и уваженіем, возложила на о. Мисаила игуменство над собою. Но это явилось для него наиболѣе тяжким послушаніем в безконечном ряду всѣх других, исполненных тогда, когда он сам еще находился под игуменскою властью.

Монастырь св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона на Аѳонѣ громаден. Хозяйство его разно-

образно и сложно. Братія в прежнія времена была многочисленна и необходимо было обладать колоссальными силою воли, опытностью и умом, чтобы нести отвѣтственность за благополучіе обители и поддерживать престиж и высоту духовной власти. И этих качеств с избытком хватало у отца Мисаила, несмотря на его возраст и развившіяся под конец жизни недомоганія, приковавшія маститаго старца к креслу. Но это обстоятельство, однако, ничуть не мѣшало отцу игумену принять меня у себя с исключительною любезностью, отеческой ласковостью и заставить искренно наслаждаться интересною бесѣдою с ним и отеческими наставленіями, исполненными жизненной мудрости и душевной ясности...

В обликѣ игумена отца Мисаила было что-то патріархальное, нѣчто от идеальнаго монаха добраго стараго времени. Не входя сам в подробности и мелочи административно-хозяйственной жизни огромнаго монастыря, о. Мисаил имѣл дар избирать хороших помощников, которым довѣрял веденіе монастырских дѣл. При этом он всегда любил покровительствовать людям с образованіем, прекрасно относился к ним и старался дать им подходящія послушанія. Вообще, в нем никогда не было и тѣни какого-либо обскурантизма. Это был человѣк мира. Благодатное спокойствіе, сіяющая ясность духа, кротость и терпѣніе — вот отличительныя черты характера этого необыкновеннаго, воистину святого и благодатнаго человѣка... «Стяжи мир и вокруг тебя спасутся тысячи» — вспоминаются при мысли о нем слова преп. Серафима Саровскаго. И, как плоды этой святой жизни, у отца Мисаила были несомнѣнные дары Св. Духа: дар прозорливости и предвидѣнія. Но выше всего — дар отеческой любви.

. .   . .

Шло время.

А я все с большим и большим наслажденіем прислушивался к густому баску мудраго старца, который продолжал ласково обдаривать меня своими отеческими наставленіями, как безконечно дорогим подарком, наполнявшим всю мою душу самыми лучшими чувствами.

Отец Мисаил как то невольно подчинял себѣ всѣх окружающих своими богатыми душевными и физическими качествами, вліяніе которых в значительной степени подкрѣплялось еще и внѣшнею импозантностью его величественной фигуры. Этот знаменитый старец являлся как бы настоящим аллегорическим изображеніем добраго и могучаго духа старой, довоенной Россіи — той самой «Святой Руси», о которой я уже говорил выше. Он был высок ростом, широк в плечах и по желѣзному крѣпок тѣлосложеніем. И эти особенности ярко бросались в глаза даже тогда, когда этот гигант старец сидѣл в своем глубоком креслѣ, скованный тяжким недугом.

И в то же время каждаго посѣтителя до трогательности поражала почти дѣтская ласковость и доброта отца Мисаила. В ней, в этой ласковости ребенка, опять так и чудилась Святая Русь с ея тихим свѣтом и необыкновенными возможностями.

— Во имя Отца и Сына, и Святого Духа!— благословил меня при прощаніи отец игумен. — Еще зайдете не раз, конечно, до отъѣзда!..

Поклонившись милому старцу, я вышел из его покоев, согрѣтый исключительной задушевностью.

ЗАУТРЕНЯ У ПАНТЕЛЕИМОНА

В нашем родном и славном монастырѣ св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона довелось мнѣ встрѣтить свѣтлый праздник Христова Воскресенія...

Послѣ молитвенных дней страстной седмицы, настала великая суббота.

Утреня. Чудное пѣніе погребенія Христа. Затѣм, четырехчасовая Литургія Великой Субботы, когда всею душою почувствовалось, что послѣ скорби, страданій и смерти Спасителя, — наступает дѣйствительно великая радость преславнаго воскресенія...

Подошла и пасхальная ночь.

У пантелеймоновцев такой обычай, что свѣтлая Пасхальная заутреня начинается в главном соборѣ, а потом оттуда братія расходится по своим церквам и параклисам с торжественным пѣніем «Христос Воскресе».. Там оканчивают заутреню и сразу же начинают литургію.

Кругом темно. Лампадки тихо мерцают.

Темныя фигуры во мракѣ тихо спускаются по лѣстницѣ к нижнему собору.

В храмѣ Покрова Пресвятыя Богородицы закончилась длинная полунощница. Унесли плащаницу в алтарь. И стало в церкви тихо, пусто, торжественно...

А ровно в полночь раздался колокольный звон. И послѣ него пѣніе в нижнем соборѣ: «Воскресеніе Твое Христе Спасе»... на славянском, а затѣм то же

самое — на греческом. Всѣ монахи с возженными свѣчами в руках выходили из собора, а за ними вышла и масса священнослужителей в праздничных ризах. Послѣ провозглашенія могучаго старца-архидіакона «И сподобитися нам слышанія св. Евангелія Господа Бога молим», отец намѣстник прочел Евангеліе, прерываемое чудным колокольным трезвоном.

Затѣм, соединенные крестные ходы из обоих соборов — Пантелеимоновскаго и Покровскаго — торжественно обошли вокруг собора... Картина поистинѣ незабываемая: чудесное прославленіе в монашеском царствѣ побѣды жизни над смертью! Торжество из торжеств под звѣздным куполом южной ночи: мерцаніе монашеских свѣтильников и проникновенное аѳонское пѣніе при чуть слышных всплесках волн залива.

Картина величайшаго славленія. Впечатлѣніе глубокое и неизгладимое в душѣ!

Масса духовенства в нарядных с крупными цвѣтами облаченіях, иконы, хоругви и зажженыя свѣчи. Все это представляло картину незабываемую, радостную. Но впечатлѣніе величія этой чудесной картины еще больше усиливалось от серебристаго, радостнаго и искуснаго звона колоколов, который разносился далеко по Аѳонской горѣ и таял в водах Архипелага...

Вернувшись, о. намѣстник провозгласил «Слава Святѣй» и прочел стих «Да воскреснет Бог». Затѣм, назначенное для служенія, священство вошло в нижній собор, а остальные — поднялись в Покровскій.

С воскресеніем Христовым все как бы воскресло, ожило и радостью озарило лица. А с клироса на клирос стала теперь перекатываться побѣдная пѣснь и весь храм запылал в освѣщеніи свѣчей и драгоцѣнных лампад.

Ликует земля, вмѣстѣ с небом, радуясь о Воскресшем Спасителѣ...

Всюду, во всем мірѣ, в Святую ночь, в чистом весеннем воздухѣ носится торжественный гимн Воскресшему и гул густых таинственных колоколов, как волнами, застилается перезвоном серебристых маленьких колокольчиков. И когда, соединившись вмѣстѣ, летит он к небесной родинѣ, — тогда в душѣ и мало церковнаго человѣка не может не блеснуть искра радости о Господѣ, не может не пробудиться чувство сердечнаго тепла и духовной радости,

Но особенно звучно и красиво колокольный звон и благовѣст раздается со звониц русских святогорских обителей, в уединеніи пріютившихся по горам и лѣсам Аѳона. И когда он раздается среди никѣм и ничѣм не нарушаемой тишины, воздух как будто вздрогнет от его удара. Как будто разорвется от его звуков, которые, медленно колыхаясь, тогда понесутся между деревьями все дальше и дальше. А потом гдѣ-то потонут, и только отзвук свой оставят пожить еще нѣсколько мгновеній... Когда же замрет и он, раздается другой удар с тѣми же переливами. Потом третій — и затѣм уже звуки сливаются в один властный, призывный гул, особенно чудесный, когда благовѣст перейдет в трезвон.

Тогда, легко и свободно, понесет этот звон колокольный к Богу всѣ молитвы и слезы, которыя приносят люди в храм Божій...

Возвращаясь к описанію церковных служб Пасхальной недѣли, скажу про совершенно особенную, и на Святой горѣ лишь видѣнную, вечерню в Свѣтлое Воскресеніе. Для чтенія Евангелія в Покровском соборѣ священнослужители становились гуськом, на извѣстном разстояніи один от другого: в алтарѣ цар-

ских вратах — о. намѣстник, а в глубинѣ храма — діаконы. При этом Евангеліе читали на разных языках и послѣ каждаго стиха экклезіархи звонили в особые колокольчики, вродѣ бубенцов, давая знак звонарю. А затѣм плавно разносился гул большого колокола.

Это было необычайно, торжественно и красиво.

А в другіе дни Пасхальной недѣли за вечерней кадили экклезіархи, тоже имѣя золоченые ковчеги на плечах, особенными открытыми кадильницами на серебряных блюдах.

Вообще, всюду на Аѳонѣ, богослуженіе прекрасное. Но в Пантелеимоновом монастырѣ, в Андреевском и Ильинском русских скитах — оно к тому же истовое и проникновенное, исключительно благолѣпное и нам родное. Аѳонское служеніе нельзя даже назвать служеніем — это священнодѣйствіе, гдѣ всѣ проникнуты важностью совершаемаго. И ни у кого не замѣчается скуки или желанія поскорѣе дочитать или отслужить. Наоборот, видно лишь общее стремленіе к молитвѣ и высокой настроенности.

МОНАСТЫРСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Время шло незамѣтно.

Утомленный долгим хожденіем по обширной и живописной территоріи монастыря, подошел я к морю.

Уже наступил чудесный южный вечер и на западѣ тихо угасала багрово-золотая полоска зари. А из-за аѳонских горных массивов стыдливо и робко выплывала полная луна, с каждою минутой набиравшаяся большей силы и увѣренности. Вскорѣ она как-бы окончательно оправилась от смущенія и тогда залила своим кротким и мягким свѣтом и небо, и землю.

В эти минуты я случайно посмотрѣл в сторону хребта и пика Святой горы — и положительно замер от удивленія и восторга. Картина, представившаяся моим глазам, была поистинѣ фантастической. Изсиня-темною, исполненною тайны и святости, возвышалась Аѳонская гора под цѣлым царством сверкающаго, зеркально гладкаго простора, каким являлось все море, не волнуемое ни единым движеніем воздуха, ни единым порывом вѣтерка... Ни один пароход, ни одна лодка — не нарушали в эти дивныя минуты божественнаго покоя этого прекраснаго уголка вселенной. И только изрѣдка долетало до слуха едва замѣтное и полное нѣжности плесканіе морских вод о каменистый берег.

Незабываемое настроеніе навѣвают на человѣка эти вечерніе морскіе всплески... таинственные, рѣдкіе и в то же время упорно-неизбѣжные, безгранично-свободные от всего того, что порождено мірскою суетой. И еще глубже, еще ощутительнѣе становится тайна этих всплесков, когда тихій шепот моря начинает смѣшиваться с тихими, рѣдкими ударами колоколов обители, призывающими к всенощному бдѣнію

Прошло уже много времени с тѣх пор, как я, охваченный самыми лучшими чувствами, долго стоял лицом к лицу с этим удивительным видом на величественную Святую гору, охваченную гигантскою рамкою из блеска моря и луннаго свѣта. Но и сейчас эта дивная картина встает передо мною, как на-яву, вмѣстѣ с ея береговыми всплесками и рѣдкими ударами колоколов Святого Пантелеимона. И, о Боже, как благоговѣйно замирает тогда сердце и как неудержимо тянет снова туда, к чудесным красотам Аѳона и его святынь.

И как прискорбно, что эта единственная и величайшая твердыня православія так трудно достижима для громаднаго большинства из нас,— обездоленных и усталых людей, чающих душевнаго покоя, укрѣпленія в вѣрѣ и Божьей помощи.

В этот вечер, по своем возвращеніи в гостиницу, я быстро уснул. Но в полночь внезапно был разбужен плавной, пѣвучей мелодіей, которая неслась ко мнѣ точно райское пѣніе. Проснулся, привстал и в первую минуту со сна вообще не в силах был вспомнить: ни гдѣ я, ни что это?.. Пріоткрыл свою дверь и... понял тогда, что это идет «полунощница» в сосѣднем параклисѣ.

Я быстро одѣлся, прошел корридором и в полутемном храмѣ простоял всю службу. Затѣм снова улегся и тотчас же заснул, как убитый, для того, что-

бы на утро пробудиться полным бодрости и самого радужнаго и благоговѣйнаго настроенія.

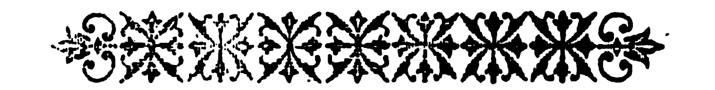
Уже благовѣстили к воскресной обѣднѣ. И за открытыми окнами моего номера снова ярким золотом горѣли всѣ купола монастырских церквей. Горѣли купола собора «цѣлителя Пантелеимона» и храма во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, куда я и поспѣшил направить свои стопы.

И я получил величайшее духовное удовлетвореніе...

Воскресное богослуженіе в Покровском соборѣ совершалось с умилительною торжественностью и по своей благоговѣйности производило очень сильное впечатлѣніе. Чудесно пѣл монашескій хор. Или, вѣрнѣе, два больших хора, на обоих клиросах, из пѣснопѣній которых особенным очарованіем отличалось «Тебѣ поем» — по своему напѣву представлявшее нѣчто рѣдчайшее и нигдѣ ранѣе мною не слышанное. Это напѣв самобытный, аѳонскій. Сами монахи сочинили это «Тебѣ поем», а когда и в чье владычество? — Господь его вѣдает. Может лѣт и пятьсот тому назад: вѣдь здѣсь нѣт земного времени...

Послѣ окончанія литургіи в Покровском храмѣ, мой внимательный проводник, повидимому, не на минуту не упускавшій меня из поля своего зрѣнія за все время службы, с поклоном подошел ко мнѣ и сказал:

— Теперь милости просим пройти в свой номерок и напится чайку послѣ литургіи. А потом отец намѣстник просил вас пожаловать на общую трапезу.

В ТРАПЕЗНОЙ

В урочный час, особый колокольный звон возвѣстил о созывѣ всѣх иноков на монастырскій обѣд.

Я немедленно же оставил гостиницу и, в сопровожденіи фандаричнаго о. Паисія, поспѣшно направился к трапезной. Туда со всѣх сторон огромной обители уже стекались десятки людей в черных рясах и клобуках.

И уже вскорѣ я очутился в этой большой и очень высокой трапезной, сплошь по стѣнам и потолку расписанной живописью духовнаго содержанія и вмѣщавшей — в одной только половинѣ своей — громадное число иноков всѣх монашеских степеней, не говоря уже о послушниках в подрясниках и скуфейках... Длинные и узкіе столы тянулись от одного конца до другого, пріятно лаская глаз чистотою и симетрично разставлеными по мѣстам скромными монашескими приборами, старинными кувшинами и массивными чашками.

Провожатый привел меня в самый отдаленный конец трапезной, к головному столу, гдѣ сидит игумен, намѣстник и наиболѣе заслуженные старцы.

— Отец намѣстник просит вас сѣсть здѣсь, по его лѣвую руку, — пояснили мнѣ любезно ласковые старцы. — Сейчас батюшка и сам выйдет к братіи.

Всѣ иноки, тѣм временем, уже стояли у своих мѣст, занимая их во всю длину громадных столов. Не было слышно ни единаго слова: всѣ чинно без-

молвствовали, ожидая прихода о. намѣстника и, конечно, не позволяя себѣ в эти минуты прикасаться к столу и пищѣ.

Прошла еще минута-другая. И вдруг всѣ монахи почтительно устремили глаза к широко раскрытым входным дверям: вошел о. намѣстник Іоанникій в мантіи, в клобукѣ и с длинным двурогим посохом в рукѣ. И едва он дошел до своего мѣста, по лѣвую сторону коего в смущеніи стоял я, — как мощный хор, составленный из голосов всѣх присутствовавших в трапезной грянул «Отче наш» ...и славословіе. Вслѣд за ним, о. намѣстник благословил «ястіе и питіе», давая тѣм возможность всѣм собравшимся приступить к ѣдѣ.

В тот же самый момент на спеціальную высокую каѳедру, стоявшую слѣва от входа в трапезную, вошел дежурный инок и по звонку о. намѣстника приступил к чтенію Житія Святых — традиція обычная во всѣх православных общежительных обителях, включая сюда, в первую очередь, наши русскіе монастыри.

За трапезой на первое был подан борщ, а на второе — подобіе соуса из различных овощей.

В теченіе всего трапезованія за столами царило неизмѣнно глубокое молчаніе и не только младшіе иноки, но и сѣдобородые старцы, сидѣвшіе по сосѣдству с о. намѣстником в головной части стола, не позволяли себѣ разговаривать. Только один раз, в серединѣ трапезы, монотонное чтеніе «житія» прервал колокольчик отца намѣстника: тогда сидящіе за столами набожно осѣнили себя крестным знаменем и потянулись за кружками с водою.

Наконец, по удару того-же намѣстническаго колокольчика, вся масса иноков покорно поднялась для всеобщаго участія в так называемом чинѣ Панагіи.

«Чин Панагіи» — древнѣйшій православный об-

ряд, в давнія времена соблюдавшійся также и в монастырях Россіи, но впослѣдствіи почему-то забытый. Сохранился он только на Аѳонѣ, пройдя через вѣка до наших дней без всяких измѣненій и сокращеній. Это — особое краткое богослуженіе, совершаемое над лежащею на блюдѣ обыкновенною просфорой, при всеобщем пѣніи «Достойно есть», и колебаніи над нею воздуха нѣсколькими старшими іеромонахами.

Напѣва «Достойно есть», подобнаго тому, какой мнѣ пришлось слышать при «Панагіи» в св. Пантелеимоновом монастырѣ, — тоже я не слыхал ранѣе нигдѣ. И, слушая его впервые, был до глубины души восхищен и поражен торжественностью и своеобразною красотою этого пѣснопѣнія. И опять я узнал об аѳонской же его самобытности: создали это «достойно» сами аѳонскіе иноки, ушедшіе от міра к подножію св. Горы и давно не имѣвшіе ничего общаго со свѣтскими пѣснями и звуками.

И мнѣ стало понятным, что только здѣсь и могут рождаться такіе напѣвы, ибо ни один — даже самый лучшій духовный композитор — не сможет создать того, что постепенно создавали какіе-нибудь пять или шесть безвѣстных и смиренных пѣвунов-иноков, долгіе годы не слышавшіе ничего, кромѣ того же церковнаго пѣнія, чередовавшагося с колокольным звоном или шумом моря.

Пѣніе «Достойно есть», при обрядѣ «Панагіи», продолжается достаточно долго, значительно дольше того, как іеромонахи, колеблющіе над просфорою воздух, закончат свое священнодѣйствіе. Не прекращается пѣніе и тогда, когда послѣ окончанія освященія просфоры, она разламывается на части особыми дежурными «эклессіархами», а затѣм — в сопровожденіи дьяконов со звенящими кадильницами, — разносится на блюдѣ по рядам всей братіи.

Каждый инок тогда, отдѣлив от просфоры-панагіи совсѣм незначительную частицу, благоговѣйно ее съѣдает, предварительно подержав ее над курящейся кадильницей, несомой другим эклессіархом.

Таков этот строго-иноческій и безконечно-древній обряд стараго Аѳона*), от котораго так и вѣет умилительною прелестью нашей чудесной церковной исторіи.

. .

Трапеза окончилась.

Получив благословеніе о. намѣстника, я стал пробираться к выходу, положительно затерявшись в густой толпѣ черных клобуков, мантій и простых послушнических подрясников.

Так же, как и во время трапезы, всѣ иноки двигались молча, не переговариваясь и не окликая друг друга. И, пребывая в их толпѣ, я еще за нѣсколько шагов до выходных дверей замѣтил, как каждый инок, покидая трапезную с полупоклоном обходит кого-то, повидимому, лежавшаго на полу. А уже через нѣсколько секунд и я увидѣл тѣх, кого так бережно обходили монахи. Это были, лежавшіе ниц перед выходившими из трапезной — повар, трапезар и чтец, просившіе таким образом смиренно прощенія у каждаго монаха за какую-либо оплошность, допущенную во время обѣда или изготовленія пищи.

О таком прощеніи эти иноки-работники, согласно древнему аѳонскому обычаю, ежедневно просят своих братьев в знак монашескаго смиренія, которым прочно проникнута вся жизнь многочисленных аѳонских подвижников, из русскаго монастыря св. Пантелеимона.

---

*) В настоящее время, т. е. значительно уже позднѣе революціи, наши ревнители православія — іерархи, — слѣдуя за желаніями благочестивых людей, возстановили обряд «панагіи» и в нѣкоторых зарубежных обителях (Почаевская Лавра).

Устав его, конечно, строг до чрезвычайности. И настолько строг, что нѣкоторые из добровольно испытуемых, при всем желаніи остаться, не выдерживали тяжести монашескаго режима этого монастыря, и впослѣдствіи уходили в другія обители и попросту покидали Святую гору Аѳон.

Сколько же теперь всего братіи у Святого Пантелеимона? — спросил я послѣ трапезы у своего любезнаго проводника и пріятеля, очутившись с ним на залитом солнцем монастырском дворѣ.

— Теперь, конечно, значительно меньше, чѣм бывало ранѣе, особенно до смуты на родинѣ. Господи Милостивый, сколько тогда братіи было у Цѣлителя, и какая братія... какіе труженики!.. Болѣе двух тысяч человѣк тогда пребывало здѣсь, всѣ храмы были переполнены одними иноками... Теперь же нас здѣсь не больше двухсот. Далеко не всѣ мастерскія трудятся и не всѣ работы выполняются... Что дѣлать: нѣт старой и благочестивой Россіи. Наказаніе Господне и нас коснулось. Всѣ мы одинаково прогнѣвили Господа — вот и терпим втунѣ... Вѣдь до войны рѣдкій благочестивый человѣк не знал в Россіи о Святом Пантелеимонѣ на Аѳонѣ. Сколько у нас своих подворій было с храмами: в Москвѣ и Санкт-Петербургѣ, в Одессѣ и Таганрогѣ... Сколько паломников ѣхало, какою милостью пользовался монастырь от самого царя... А теперь кто-же будет нам покровительствовать и помогать из безбожной державы?!. Прогнѣвили, прогнѣвили мы Господа!..

— Быть может, и снимет Господь со всѣх нас свое попущеніе, — сказал я успокоительно. — Недаром у русскаго народа есть пословица: «Бог не без милости»... Не будет же вѣчно так в Россіи, как есть теперь.

— Безпремѣнно будет иначе... безпремѣнно кончится зло и соблазн. Яко исчезает дым, — да исчез-

нут враги Божіи, яко тает воск от лица огня... Так и будет, конечно... Только когда будет — нам невѣдомо: вѣдь у Господа Создателя... сто лѣт — единый человѣческій миг, да и пути Господни неисповѣдимы... Развѣ нам дано знать?.. А Святая наш Русь опять возродится и будет, будет — как же иначе? О, Господи милосерд!

И, произнеся с легким вздохом послѣднее обращеніе, мой спутник-инок просто и искренно перекрестился, устремив взгляд на горѣвшій от солнечных лучей крест Покровскаго собора. Послѣ этого обратился ко мнѣ уже чисто дѣловым тоном:

— А я уже имѣю от отца намѣстника благословеніе снарядить вас в Старый Русик... У меня уже проводник и мулашки для этого приготовлены. Можете и двигаться с Божьею помощью.

Пройдя к себѣ в номер на фондарикѣ, я быстро отобрал необходимыя вещи и, закинув на плечи походный мѣшок и фотографическій аппарат, через полчаса спустился с милѣйшим о. Паисіем на нижнюю площадку. Там меня уже дожидались молодой инок-карпатоpосс, о. Илліодор, и трое мулашек.

В КАРЕѢ

Солнце свѣтило нам прямо в глаза, разсѣкая ослѣпительными лучами легкій туман от лѣсной сырости. А мы медленно все подвигались вперед, спускаясь с густо заросших предгорій Аѳона в глубину Карейской долины.

Стезя наша вилась по самым живописным мѣстам. Было тихо в природѣ и на душѣ... Как вдруг до нас стали долетать звуки радостнаго перезвона русскаго св. Андреевскаго скита и греческаго унылаго благовѣста Карейскаго. Он сзывал к божественной литургіи странное и единственное в мірѣ населеніе не менѣе страннаго и также единственнаго в своем родѣ монашескаго городка — Кареи, столицы этого замѣчательнаго монашескаго царства.

Уже со склонов горы, по которой сбѣгает тропинка в Карею, открывается прекрасный вид на эту старую лавру Аѳонскую — лавру келій. Это удивительный и оригинальный городок, соотвѣтствующаго которому — по характеру населенія и своеобразности быта — вряд ли найдется во всем мірѣ. Мѣсто первоначальнаго жительства безмолвников, по странным судьбам аѳонскаго иночества, сдѣлалось теперь средоточіем их вольнаго и невольнаго шума.

Прежде всего, Карея — город одних мужчин, так как, согласно многовѣковой традиціи, в него не допускается ни одна женщина. За этим строго слѣдят всѣ аѳонцы, не разрѣшая ни одной предста-

вительницѣ слабаго пола даже высаживаться на берег, когда прибывают пароходы с паломниками на Аѳон.

Единственный аѳонскій городок и административный центр этого, единственнаго в мірѣ, монашескаго царства — Карея — живописно расположен в сѣверовосточной части Святой горы, в трех часах пути от пристани Дафни. Он сосредотачивает в себѣ все свѣтское и духовное управленіе этого «царства монахов», при весьма небольшом числѣ свѣтских лиц: греческаго губернатора, почтовых чиновников, полицейских и необходимых всему этому свѣтскому элементу — торговцов и ремесленников. Но, подобно аѳонским инокам, всѣ эти случайные обыватели Кареи живут в безбрачіи или имѣют семьи «за морем»... Весь городок — всѣ дома, келліи и монастырскіе кунаки — все это существует и обслуживается без малѣйшаго прикосновенія женских рук, не появлявшихся здѣсь в теченіи многих столѣтій.

В Кареѣ всего одна улица (если можно ее так назвать) и нѣсколько узких, кривых переулков.

В центрѣ стоит старинный Успенскій собор, низкій и ветхій, имѣющій плоскую крышу. А вблизи от него, в старой усадьбѣ, находится зданіе Протата. Это высшее управленіе Святой горы, главный и единственный огран, являющійся административным и правовым центром всего Аѳона. Это общее судилище Святой горы, гдѣ разбираются всѣ дѣла, касающіяся собственности, св. обителей, монашеских жалоб, споров между монастырями, а также сношеній с Вселенскою патріархіей и греческим правительством.

Спустившись с горы и войдя в городок, я сошел с мулашки по древней аѳонской традиціи, привычки из уваженія к святыням Кареи. Продвигаясь теперь по узким и кривым улицам, встрѣчал исключительно

монашескія фигуры, виднѣвшіяся положительно всюду: и в узких, кривых переулках, и в лавках, и у почты, и в дворах монастырских кунаков. Всюду безмолвно появлялись и смиренно удалялись скромныя иноческія фигуры. А людей «свѣтских», одѣтых в штатское платье, я почти и не видѣл: все населеніе Кареи как бы облечено в одну черную монашескую рясу и клобук с наметкою.

За то какими контрастами являлись на всем этом черном монашеском фонѣ стройныя, красивыя и яркія фигуры сардаров, охранников Протата. В большинствѣ случаев, это — сѣдые, но крѣпкіе и сильные старики, облеченные в живописный національный костюм (фустанепа): богато расшитая золотом безрукавка, бѣлая рубаха с пышными рукавами, бѣлыя гамаши при синих шароварах и низенькая шапочка с отвисающей кистью.

Отец Илліодор доставил меня в карейскій кунак их св. Пантелеимоновскаго монастыря, прямо к их антипросопу архимандриту отцу Сергію. Гостепріимный старик встрѣтил меня с болшим радушіем и сразу же окружил истинно-отеческою заботою, снабдив нужною информаціей.

Здѣсь я умылся, переодѣлся и отдохнул. А затѣм, за чашкою чая, долго наслаждался интересной бесѣдой с отцом Сергіем, который являлся во всѣх отношеніях на рѣдкость культурным человѣком и замѣчательным монахом. Его жизненно-мудрыя сужденія, его отечески-поучительныя наставленія и сердечныя утѣшенія — на всю жизнь врѣзались в мою душу, наполнив ее благодарностью к этому прекрасному человѣку и примѣрному монаху.

Главною цѣлью моего перваго путешествія в Карею являлось соблюденіе выполненія всѣх формальностей церковнаго и гражданскаго управленія

Святой горы, необходимых для каждаго иностранца-паломника, прибывающаго на Аѳон.

В полицейском управленіи, куда я в сопровожденіи любезнаго о. Сергія направился в тот же день, меня задержали не долго. Зарегистрировавшись у вѣжливаго греческаго чиновника, я тотчас же отправился для явки властям духовным.

Вслѣд за моим любезным спутником, я прошел сначала через какой-то небольшой, но солнечный дворик, поднялся по старой и узенькой лѣстницѣ и вдруг очутился в свѣтлой галлерейкѣ, сплошь застекленной. Здѣсь нас встрѣтил красочный протатскій сардар в своем живописном костюмѣ. Не без смущенія прошел я через уже открытую дверь в небольшую, но чистенькую залу, гдѣ вдоль стѣн стояли низкіе турецкіе диваны. Эта зала не была безлюдной: на диванах чинно и неподвижно возсѣдали нѣсколько почтенных и важных иноков с сѣдыми бородами, а один из них имѣл золотой наперстный крест на черной рясѣ.

Как я узнал от своего спутника, о. Сергія, всѣ эти важные монахи являлись членами Священной Эпистасіи, а у стѣны на особом тронѣ возсѣдал и сам предсѣдатель этой рѣдкой коллегіи — протоэпистат, проигумен о. Панкратій, представитель греческаго монастыря Ватопеда.

Отец Сергій легким кивком головы предложил мнѣ слѣдовать за собою. Но я уже ранѣе получил от него соотвѣтствующія указанія и теперь точно уже знал, что мнѣ надлежало дѣлать, согласно ритуалу, вѣками установленному на Святой горѣ.

Подойдя к возсѣдавшему на тронѣ протоэпистату, я попросил у этого почтеннаго инока благословеніе, поцѣловал благословившую меня десницу, а затѣм направился привѣтствовать всѣх остальных эпистатов, сидѣвших на низких турецких диванах

вдоль стѣн. Но благословенія у этих, не менѣе сѣдовласых и важных старцев, я уже не просил и десниц их не цѣловал, слѣдуя ранѣе полученным указаніям о. Сергія. Я только, почтительно склонившись, пожал руку каждаго из них, а затѣм, отвѣсив общій поклон, скромно отошел в сторону, ожидая продолженія этого своеобразнаго и традиціоннаго пріема.

Протоэпистат по гречески сказал нѣсколько слов сидѣвшим у стѣн собратьям своим и, получив их согласіе, любезно пригласил меня сѣсть. Вслѣд затѣм, сопровождавшій меня архимандрит-антипросоп, о. Сергій, вручил стоявшему тут же секретарю привезенный мною пакет с рекомендаціей Вселенскаго патріарха. Это своего рода благословенная грамота, ознакомленіе с которой членов Священной Эпистасіи производится в обстановкѣ особой торжественности. Секретарь приложил деревянный нож к краю патріаршаго конверта и вслѣд затѣм почтительно передал послѣдній, вмѣстѣ с ножем, протоэпистату. Послѣдній торжественно разрѣзал конверт, вынул из него посланіе патріарха и передал секретарю для прочтенія во всеуслышаніе. Послѣдній и выполнил это порученія с неменьшею торжественностью.

Прослушав патріаршее посланіе, эпистаты сначала вполголоса о чем то посовѣщались между собою, причем я отлично понимал, что все это дѣлается лишь для выполненія традиціонной восточной важности. Было ясно, что всѣ эти, полные благолѣпной важности, старцы питают самыя лучшія чувства к их новому гостю и пришельцу, каковым явился я, не без смущенія ожидавшій конца всей этой милой и в то же время глубоко поучительной церемоніи. Но, спустя минуту-другую, она уже подошла к концу и протоэпистат преподав указанія секретарю, напра-

вил его в канцелярію для составленія соотвѣтствующей бумаги. Меня же тѣм временем любезно снова усадили на мягкій диван, послѣ чего всѣ старцы один за другим в весьма корректной формѣ начали мнѣ задавать разнообразные вопросы, касавшіеся моей личности, дѣятельности и тѣх мѣст, откуда я теперь прибыл на Аѳон.

Во время этой моей пріятной бесѣды с любезными старцами, передо мною неожиданно выросла громадная и живописная фигура протатскаго сардара, подносившаго мнѣ традиціонное восточное угощеніе: глико с водою, к каковым через нѣсколько минут присоединилось и ароматное кофе...

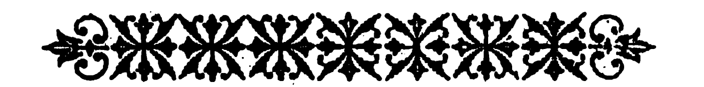
Не прошло и четверти часа, как секретарь возвратился, принеся с собою какую-то бумагу, которую он тотчас же вполголоса и прочел всѣм членам высокаго собранія. Старцы одобрительно закивали головами, очевидно, вполнѣ соглашаясь с содержаніем прочитаннаго им документа.

Затѣм послѣдовало нѣчто еще болѣе интересное... Почтенные эпистаты, вынув из нѣдр своих монашеских ряс какіе-то маленькіе предметы, важно вручили их секретарю: это были четыре части большой печати, прилагаемой к бумагам, исходящим из Протата... Секретарь ловко сложил поданныя ему чертвертушки и, образовав из них уже цѣлую печать, приложил ее к принесенному документу. Вслѣд затѣм, печать оказалась вновь разобранной и ея части были снова возвращены старцам. А бумагу секкретарь вручил проигумену о. Панкратію, послѣ чего подошел ко мнѣ для послѣдней формальности: я должен был вручить ему 100 драхм протатскаго налога, взаимаемаго со всѣх паломников Святой горы. Сидѣвшій на тронѣ, протоэпистат торжественно вручил мнѣ документ с печатью, оказавшійся грамотой Протата, адресованной ко всѣм аѳонским обителям.

В ней предлагалось всѣм настоятелям иноческих населенiй Святой горы принимать меня, как желаннаго гостя, рекомендованнаго Вселенским патрiархом и Элладским митрополитом, и оказывать мнѣ всяческое содѣйствiе при моих паломничествах и научных работах.

Низко поклонившись высокому собранiю благочестивых старцев, я поблагодарил их, испросив разрѣшенiе сфотографировать почтенное собранiе. Затѣм, приняв благословенiе от протоэпистата и распрощавшись с остальными старцами и секретарем, я не без торжественности покинул зал, сопровождаемый моим любезным спутником, отцом Сергiем, и живописным стариком-сардаром.

Теперь, так сказать уже на законном основанiи, я начинал свое паломничество по обителям чудеснаго Аѳона, будучи снабжен столь прочной рекомендацiей, как грамота Протата, скрѣпленая старинною складною печатью.

СВЯТО-АНДРЕЕВСКІЙ СКИТ

Солнце уже клонилось к закату, когда мы остановились у порты русскаго скита Андрея Первозваннаго. Расположен он по сосѣдству с Кареей на одном из прекраснѣйших участков восточнаго склона Аѳона, на землѣ греческаго монастыря Ватопеда.

Свято-Андреевскій скит или, как его называют издавна, «Серай», — живописно стоит среди пирамидальных кипарисов и раскидистых кедров. Он значительно «моложе» своего сосѣда греческаго монастыря Кутлумуша, и был основан в 17 вѣкѣ (первоначально в видѣ келліи) вселенским патріархом Аѳанасіем, умершим впослѣдствіи в Россіи в Лубенском монастырѣ Полтавской губерніи и там нетлѣнно почивавшим вплоть до революціи. А спустя сто лѣт, другой вселенскій патріарх, по имени Серафим, тоже сильно возлюбил эту келлію, расширил ее — и послѣ этого, подобно своему предшественнику, уѣхал в далекую Россію для того, чтобы почить в том же Лубенском монастырѣ, на Украинѣ.

Но окончательно закрѣпилась за русскими эта прекрасная келлія только в серединѣ 19-го вѣка, когда в 1841 году она была пріобрѣтена в собственность русскими подвижниками Виссаріоном и Варсонофіем. А затѣм, по ходатайству вліятельнаго русскаго ученаго и путешественника по Востоку, А. Н. Муравьева, ее переименовали в скит.

.. ..

Еще у порты скита я был очарован любезностью эконома обители, отца Акакія, вышедшаго на встрѣчу моему маленькому «каравану». Тотчас же он проводил меня на фандарик и передал радушному отцу Іову, почтенному гостиннику этой святой обители. Не прошло и нѣскольких минут, как мои вещи уже перекочевали со спины достаточно потрудившейся мулашки в чистый номер. А я, умывшись и переодѣвшись, усѣлся в архондарикѣ*) и с интересом разсматривал замѣчательные портреты царей, іерархов и вельмож великой Россіи.

Но мое любопытливое лицезрѣніе прервал добродушнѣйшій о. Іов:

— Успѣете еще разсмотрѣть наши картины... А теперь пожалуйте в столовую: с дороги надо попить чайку...

И я с удовольствіем принялся за «чаек», поданный в типичных больших чайниках на расписном подносѣ. Милые атрибуты незабвенных до-революціонных времен, полные своеобразной и простодушной простоты!.. От них так и повѣяло на меня нашими ярмарками, московскими чайными и такими же монастырскими гостиницами, гдѣ-нибудь у Троицы-Сергія, Почаева или на берегах Волги и Оки.

— Может прослѣдуете теперь к отцу игумену? — спросил о. Іов, окончательно убѣдившись в том, что я уже вполнѣ удовлетворился предложенным мнѣ чаепитіем. — Он с радостью побесѣдует с вами.

И, спустя нѣсколько минут, я уже находился в обществѣ архимандрита отца Митрофана, игумена и главы всего св. Андреевскаго русскаго скита.

Этот спокойный и вдумчивый инок, с лицом аскета, сразу произвел на меня неизгладимое впечатлѣніе, как всѣм своим внѣшним видом, так и глу-

*) Пріемный зал для гостей, по стѣнам увѣшанный портретами.

боким внутренним содержаніем, обнаруженным почти с первых же фраз нашей первой бесѣды.

Игумен Митрофан — типичный монах аскетическаго склада, могущій служить отличной моделью для хорошаго художника. Он высок ростом, а вмѣстѣ с этим худощав и сух, что несомнѣнно является слѣдствіем его воздержанной и постнической жизни. У него такое же аскетическое, вполнѣ гармонирующее со всею его фигурой, сухощавое лицо, которое озаряют два умных, проницательных, но немного болѣзненных глаза. Отец Митрофан прекрасно духовно начитан и обладает рѣдкою способностью понимать самыя отвлеченныя богословскія сочиненія. В то же время он сам является иноком высокой и строгой жизни.

Строгій к себѣ и снисходительно терпѣливый ко всѣм окружающим, этот игумен, при первом впечатлѣніи, пожалуй, может показаться даже нѣсколько суховатым. Но при дальнѣйшем знакомствѣ — он положительно очаровывает своею сердечностью, простотою и отеческою заботливостью. В разговорѣ о. Митрофан улыбался рѣдко, но если уже улыбался, то дѣлал это увлекательно мягко. И всегда ровно, всегда спокойно звучит его голос, никогда не возвышающійся, но несомнѣнно обладающій громадною силой нравственнаго вліянія.

Поэтому, послѣ нашей первой бесѣды и полученія благословенія, я уходил всецѣло находясь под обаяніем этого рѣдкаго человѣка, несомнѣнно достигшаго духовных высот, совершенно недоступных и незнакомых людям мірской суеты.

Вечером того же дня неожиданно я познакомился с двумя «мірянами», прибывшими на Аѳон для научных изысканій в области миніатюр древних руко-

писных книг. Это были два ученых нѣмца из... Америки — оба люди вдумчивые, солидные и преклонявшіеся перед силою духовных цѣнностей православной Святой горы.

Мы усѣлись на балконѣ, откуда открывался чудесный вид на монастырскія окрестности.

Лунные блики скользили по склонам, покрытым густою растительностью, из которой выглядывали очертанія многочисленных келлій и калив, которыя прятались среди виноградников или в кущах орѣшника и смѣшаннаго лѣса. А, с другой стороны, тихо свѣтилась безмятежная поверхность Эгейскаго моря с его островами...

В оживленном разговорѣ, мы засидѣлись до поздняго вечера... Свѣжая зелень благоухала каким-то особенным чуть горьковатым запахом и кругом была такая благодатная тишина, что мы невольно умолкли. И в этой успокаивающей тишинѣ едва лишь доносился мелодичный звон колокольчиков пасущихся овец. Эта мелодичность является характерной для здѣшних стад, ибо колокольчики особенно искусно подбираются и производят ночью чарующее впечатлѣніе...

— Мы должны встать до разсвѣта, — сказал один из нѣмцев своему коллегѣ. — Было бы непростительным с нашей стороны преступленіем не видѣть отсюда восхода солнца из Эгейских волн... Вѣроятно, это божественно по своему величію.

И нѣмец был прав. Как меня ни удерживал настоящій греческій Морѳей на моем гостиничном ложѣ послѣ утомительнаго дня, — все же мнѣ удалось, вмѣстѣ с нѣмцами наблюдать ту восхитительную картину, о которой они говорили наканунѣ.

Ранним утром, с террасы тихаго пріюта православной молитвенности на Аѳонѣ, я наблюдал восход этого замѣчательнаго «Эгейскаго солнца»... И, ко-

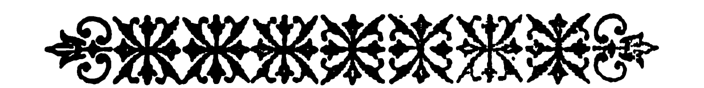
нечно, только могу пожалѣть, что со мною вмѣстѣ не находились тѣ, кому суждено читать эти мои слабыя строки. Мнѣ кажется, что благодаря только одному этому виду с террасы Свято-Андреевскаго скита, он с полным правом может носить древнее названіе — «Серай»*) — той скромной греческой келліи, на мѣстѣ которой теперь широко разбросались величественныя постройки живописнаго русскаго скита, занимающаго первое мѣсто на Святой горѣ по красотѣ своего мѣстоположенія.

С громадным интересом и замираніем сердца ожидали мы восход солнца... Но вот, как громадный — сперва красный, а потом золотой — шар, медленно показалось оно из-за острова Имброса. На мгновеніе задержалось и вдруг своим могучим ослѣпительным свѣтом озарило все вокруг... И на минуту все живое невольно замерло от восторга, прославляя Создателя Вселенной.

С террасы было видно, как блестѣли в ярких лучах солнца золоченые главы и кресты разбросанных по всей горѣ храмов. Было видно, как далеко-далеко, в синѣющую даль уходила, серебрясь на солнцѣ, извилистая лента глади морской... А кругом все цвѣло, улыбалось и пѣло. И вдруг, в эту нѣжную восторженную музыку весенняго утра ворвались, брошенные невидимою человѣческою рукою с высокой колокольни многогласные звуки благовѣста.

Ранняя монастырская служба начиналась.

*) Прекрасный дворец.

СТАРЕЦ ВИВІАН

Я продвигался по узкой и извилистой тропинкѣ, направляясь к уединенному скиту.

Тропинка вилась то по залитым солнцем полянам, то под строгими кущами старых деревьев, смыкавшихся над моею головою прочным зеленым сводом. Но только напрасно неопытный путник стал бы искать под этим вѣтвистым сводом заслуженнаго отдохновенія от духоты и палящаго дневного зноя: там, в узком и тѣнистом корридорѣ, образуемом вѣковыми аѳонскими великанами, было несравненно душнѣе и жарче, чѣм под открытым южным небом, несмотря на то, что на полях и лужайках не имѣлось ни единаго укрытаго уголка, куда, казалось бы, не проникал горячій солнечный луч.

И все же итти по таким открытым мѣстам было и легче, и свободнѣе: едва тропинка выбѣгала на их простор, как путника тотчас же обдавал живительный морской вѣтерок, прерывавшій всякую власть солнечных лучей, которые уже тогда не жгли и палили, а ласково нѣжили лицо и открытую голову.

На одном из лѣсных поворотов я невольно остановился, не будучи в силах оторваться от неописуемо восхитительной картины, открывавшейся перед глазами внезапно и во всем своем грандіозном объемѣ: слѣва от меня разстилались очаровательные просторы зеленых долин, правильных квадратов виноградников и холмистых возвышенностей, покрытых

буйною растительностью южных лѣсов и кустарников. А за всѣм этим царством зелени и полных жизни красок земли сверкало и искрилось прекрасное, лазурное, чуть колыхавшееся море, как озеро, обнесенное сплошь рамою берегов.

Не знаю, чье перо было бы в силах передать на словах всю прелесть, все очарованіе этой картины, которую сотворили богатыя краски волшебной природы!

И стоял я перед нею молча. Стоял долго, позабыв в молчаливом созерцаніи и о цѣли своего путешествія и о томящем знoѣ южнаго дня. Казалось, позабыл и о себѣ самом, так щедро одаренном со стороны Провидѣнія рѣдким счастьем созерцать эти удивительныя красоты природы.

Лазурное море, все залитое солнцем и обнесенное причудливою рамою своих цвѣтистых берегов, как бы млѣло в истомѣ, сливаясь на горизонтѣ с нѣжно-голубою далью небосвода... Живописно выступал из серебряных вод красочный остров Мулине; а под другую сторону, как пышная корзина цвѣтов, в лазурной водѣ моря покоился остров Тассо, рѣзко отличаясь своими красками и линіями от лежавших значительно дальше островных пятен Имброса, Самофраки, и, наконец, уже совсѣм далекаго о. Лемноса. Послѣдній казался совсѣм темно-лиловым, почти призрачным.

Колыхалось и волнами своими дышало на солнцѣ безбрежное море.

А совсѣм близко, за аллеей стройных и строгих, темными свѣчами уходивших к небу, кипарисов, я вдруг увидѣл нѣсколько ярко сверкавших настоящим золотом церковных куполов, таких милых и близких моему сердцу. Это были купола нашего русскаго скита — родные купола старой, безцѣнной «Святой Руси».

Я стоял, как зачарованный, и все не мог оторвать глаз от красоты этого чудеснаго уголка вселенной, от этой исключительной жемчужины божественнаго творчества.

Вспомнив о находившемся при мнѣ фотографическом аппаратѣ, я извлек его из футляра и сдѣлал нѣсколько снимков. Но развѣ способна была фотографія запечатлѣть всю грандіозную прелесть той картины, какая — и то только отчасти — могла бы оказаться покорной кисти самаго сильнаго и вдохновеннаго художника?!.. Слишком чарующи и живы были ея безчисленныя краски, слишком мимолетны и капризны были их переливы, чередовавшіеся ежеминутно в зависимости от безпрестанной и неудержимой игры солнечных лучей... И я прекратил фотографированіе, спрятал свой аппарат. Но сразу же уйти в дальнѣйшій путь не мог, — не мог так скоро разстаться, с овладѣвшим всѣм моим существом, очарованіем.

Я усѣлся под развѣсистым деревом, рѣшив продлить свое наслажденіе лицезрѣніем такого рѣдкаго сочетанія красоты. И в эти минуты я уже ясно чувствовал, что эта вѣчная красота мощною рукою вытѣснила из моей души все, что ею годами владѣло, как земное, суетное, докучно-жизненное, немощно-человѣческое... Еще мгновеніе — и она, сама моя душа, стала такою же глубокой и чудесно-свѣтлой, как небо над Мулине и как морская гладь за островами Самофраки и Имбросом.

Так длилось нѣсколько минут. Не знаю и не помню сколько. Но так было.

Я ощущал всею душою Величіе Божества, находившагося совсѣм близко от меня, и так же ясно чуял, что это Величіе тѣсно сливалось с моею бѣдною людскою душой, неожиданно освободившейся на нѣсколько мгновеній от человѣческой же немощи.

Затѣм мое необычное состояніе стало понемногу проходить и вскорѣ я опять вернулся к обычным земным воспріятіям. И причиною этого явились отчасти какіе-то глухіе звуки, один за другим долетавшіе до моего слуха из простиравшейся справа зеленой рощи... Звуки были похожи на удары и, повидимому, производились или лопатой, или киркой. Несомнѣнно, что гдѣ-то близко находился человѣк, усердно занимавшійся работой среди этого царства красоты и безмолвія.

Я поднялся и начал углубляться в лѣсную чащу по направленію звуков, которые с каждым моим шагом становились слышнѣе, хотя и не отличались особою силою. Так и чувствовалось, что удары наносились рукою немощною и слабой, едва способной вообще нанести такой удар.

Движимый любопытством, я быстро миновал сравнительно легко проходимыя заросли орѣшника и вдруг очутился на лѣсной опушкѣ, за которою начинались обширныя площади одичавших виноградников, разбросанных по отлогому горному склону. И я тотчас же узнал причину, порождавшую загадочные звуки-удары, заставившіе меня предпринять неожиданную развѣдку. В нѣскольких шагах от меня, весь залитый лучами яркаго солнца, усердно копошился какой-то ветхій старец в холщевом подрясникѣ и с такою длинною сѣдою бородою, какую я положительно еще не встрѣчал на Аѳонѣ.

По всему видно было, что старик-инок нес на себѣ такое бремя лѣт, какое едва-ли могло ему позволить выполнять какую-либо работу, а тѣм болѣе ту, какую он все же выполнял под палящим солнцем. А работа эта заключалась в окапываніи довольно тяжелою сапою виноградных лоз, на что в жаркое время лѣтняго дня требуется не мало сил и настойчивости и от молодого, крѣпкаго человѣка.

Но длиннобородый старец продолжал свое дѣло, ни на минуту не поднимая при этом головы, так что мое появленіе на его безмятежно-тихом «горизонтѣ» по прежнему оставалось ему неизвѣстным.

«Не испугать бы!» — подумал я, рѣшив все же привѣтствовать почтеннаго труженика. И совсѣм тихо так, чтобы голос мой все же долетѣл до его слуха, я произнес:

— Христос воскресе, отец!

Старик медленно поднял голову, а затѣм стал разгибаться. Но было ясно, что одно уже это разгибаніе причиняло не мало труда и забот его костям, настолько долго совершал он это дѣйствіе. Наконец, мой длиннобородый дѣдушка выпрямился во весь свой крупный рост и, тяжело опираясь одною рукою на кирку и приложив другую к глазам, стал пристально смотрѣть в мою сторону, стремясь распознать того, кто столь неожиданно нарушил его покой и полное уединеніе.

Я сдѣлал еще нѣсколько шагов и уже вплотную подошел к старцу, дабы дать ему возможность свободно ознакомиться с моею личностью. И, повидимому она произвела на него благопріятное впечатлѣніе, ибо я тотчас же увидѣл уже озаренное доброю улыбкою старческое лицо и такіе же добрые голубые глаза, просто смотрѣвшіе на меня из-под нависших бровей, вполнѣ соотвѣтствовавших своею сѣдиною всей бѣлоснѣжной растительности, окаймлявшей лицо моего новаго знакомаго.

— Воистину! — прозвучал негромкій отвѣт инока. — Воистину воскрес Христос!.. А вы откуда здѣсь обрѣлись, господин? И уж не русскій ли будете?..

— Русскій... конечно, русскій, дорогой отец!.. Самый настоящій русскій... пріѣхал к вам помолиться из Сербіи.

Искренняя радость засвѣтилась в глазах милаго старца, и он даже почти перестал опираться на свою тяжелую кирку, настолько его воодушевило извѣстіе о моей «русскости» и прибытіе из братской страны.

— Владыко милостивый! — заговорил он. — Великая радость для меня ваше посѣщеніе, господин! И как это вы только догадались, что я, грѣшный, здѣсь нахожусь?.. видать, услыхали со стороны мою кирку... А я вѣдь и ковыряю-то ею едва-едва... Вот все же услышали.. что значит молодыя уши.. Воистину, Сам Господь привел вас сюда!.. Так русскій вы человѣк... о, Господи милосерд!..

И не прошло минуты, как мы уже, будто старые друзья, разговаривали со старцем, при чем он сам, оживившійся и весь сіявшій искреннею радостью, так и засыпал меня вопросами.

Отцу Вивіану (таково было имя старца), как оказалось, было 86 лѣт. Возраст настолько уже почтенный, что при нормальных условіях всякая работа была бы уже излишней. И, тѣм не менѣе, этот дряхлый и слабый старец должен был на закатѣ своей многотрудной подвижнической жизни еще трудиться на виноградниках, как обыкновенный и здоровый молодой инок-работник. И притом это являлось для него вовсе не добровольным препровожденіем времени, а настоящим монашеским послушаніем, необходимым для существованія других братій и благосостоянія их обители.

— Ничего не подѣлаешь, господин, при теперешнем нашем бѣдственном положеніи, когда нѣт молодых иноков, а остались только дряхлые старцы! — со вздохом сообщил мнѣ отец Вивіан, поправляя сухою старческою ладонью прядь сѣдых волос, выбившихся из-под старенькой скуфейки.

— Что ни мѣсяц, все меньше и меньше становится нас, русских иноков, на Святой горѣ... оску-

дѣвает наш русскій сосуд монашескій... Не позволяют власти нашим братьям пріѣзжать теперь на Аѳон: закрыли для них всякій доступ. Да и не только для русских людей закрыли они гору святую, а вообще для всѣх славян... не пускают даже румын. Вот и нѣт больше притока новых сил в нашу братію... Мы, старики, кончаем наш грѣховный жизненный путь, а замѣнить то нас вот и некому...

Старец помолчал немного, а затѣм, грустно кивнув на свою кирку, продолжал:

— Вот и с работою тоже бѣда... Все нам самим, старикам, приходится дѣлать: нѣт у нас молодых и здоровых работников. А силы-то падают, едва-едва в руках какой-нибудь инструмент держится... Что подѣлать, если нельзя без работы оставить обитель?.. Как жить-то дальше будем?.. Не окопаешь виноградник, не нарубишь лѣса, не вспашешь поля — и весь скит пропадет, в пустыню превратится!.. Вот, как можем, и тужимся, оставшіеся еще на землѣ грѣшные рабы Господни, дабы не пропасть совсѣм... Власти ввели суровыя правила... суровыя... И, если будет итти все так и дальше, — совсѣм пропадут на Аѳонѣ русскія обители. А не станет русских иноков, какой же тогда будет русскій монастырь?!.

Старец умолк в печальном раздумьи. Не начинал разговора и я послѣ его грустных и правдивых слов.

— А все это идет оттуда, господин, с нашей матушки родины многострадальной... все от нея! — возобновил отец Вивіан свою рѣчь послѣ длинной паузы. — Вѣдь слыхал я не мало о том, что сотворилось в Россіи... доходили и до нас эти скорбныя вѣсти... Испытывает нас Господь Всемогущій!. Ничего не подѣлаешь: попустил Он за наши грѣхи... попустил и вот уже сколько лѣт не хочет помиловать... И никто не знает, никто не скажет, когда же ждать конца нашим испытаніям.

Неожиданно старик поднял одною рукою свою кирку, а затѣм снова опустил ее, ударив при этом с такою силой, что я невольно обратил вниманіе на этот необычайный прилив старческой энергіи.

— Бога забыли... вот и вся причина страшных бѣдствій! — воскликнул старец Вивіан увѣренно. — Забыли заповѣди Господни!.. Вот и мучается так долго весь народ, мятется, как в преисподней, не вѣдая, что творит, и не видя ни в чем ни конца, ни начала!.. Князь Тьмы гуляет по Руси, храмы разрушает, пастырей Христовых убивает, безчестіе и распутство сѣет... Только все же придет и этому конец... придет!.. Дождется и русскій народ своего воскресенія.. дождется!..

Старец легко коснулся моей руки своими сухими пальцами и проговорил совсѣм тихо, одновременно в упор посмотрѣв на меня парою старчески-добрых, голубых глаз:

— Вѣрьте мнѣ, господин, что помилует Господь Бог нашу матушку Россію... И ударит час обѣтованный, когда проснется народ от грѣха своего и опомнится... Придет, ударит этот долгожданный час... только нам, грѣшным, посильнѣе молиться надобно!.. А вы откеля, из каких мѣст матушки Россіи будете, господин хорошій?.. Имѣете жену, дѣток?..

Я, как мог, отвѣчал на всѣ вопросы старца Вивіана, стараясь удовлетворить его вполнѣ понятную и разумную любознательность.

. .

В бесѣдѣ с этим замѣчательным старцем время летѣло незамѣтно. И я не скоро вспомнил о своем намѣреніи пораньше добраться до сіявшаго вдали своими золотыми куполами русскаго скита.

Старец Вивіан заботливо проводил меня обратно к тропинкѣ, оставленной мною около часа тому назад.

— Отселева уже недалеко до обители... поспѣете, пока еще солнышко высоко... Пошел бы и я, да только уж очень плохой я спутник для молодого человѣка: ноги уже не носят, как нужно. Да и работы здѣшней бросить нельзя: некому исполнить послушаніе. А без работы этой не вырастет виноград, как нужно... Уж вы идите один, дорогой наш гость, с Богом... вот так и доберетесь до скита по этой тропинкѣ, не собьетесь!..

При нашем прощаніи старец опять забросал меня вопросами о Сербіи, причем обнаружил большое знакомство со всѣми наиболѣе замѣчательными событіями этой близкой и милой страны, волновавшими ее за послѣдніе годы.

— Ну, а как же там-то, у них... у православных наших братьев сербов послѣ их скорби-то великой? Как послѣ кончины их батюшки-короля Александра, обрѣтшаго вѣнец мученическій? Кто нынче правит страною-то: царь, помазанный Богом, или... господин в пиджакѣ?.. Хотя слышал я, немощный, что есть у них король, есть махонькій... а все же есть!.. Крещеный, православный король-отрок... Ну, и слава Тебѣ, Господу Вседержителю!.. Дай, Боже, царскому дитяти долгаго житія и покойнаго правленія страною на радость братьев-сербов и наше русское утѣшеніе... Придет час — и весь мір выйдет на истинную дорогу Христову... и исчезнет дым, расточатся Божьи враги!

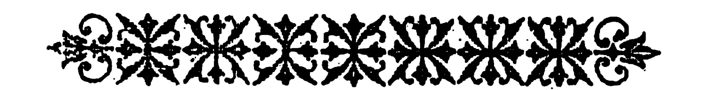
Я с нескрываемым благоговѣніем поцѣловал сухую, почти дѣтскую по размѣрам, руку отца Вивіана и, спустя короткій срок, уже уходил от него в даль, оставляя позади себя и замѣчательное мѣсто, с котораго открывалась незабываемо прекрасная панорама, и самого старца, так неожиданно встрѣтившагося на моем пути.

При входѣ в новый зеленый корридор, начинав-

шийся шагах в двухстах от мѣста, гдѣ я распрощался с отцом Вивіаном, я оглянулся и еще раз увидѣл этого, посвятившаго свою жизнь Богу, русскаго человѣка, проводившаго на землѣ девятый десяток положенных ему лѣт.

Старец стоял на небольшом холмѣ, весь залитый солнцем, смотрѣл мнѣ вслѣд и, повидимому, никуда не хотѣл уходить, пока я не скроюсь из вида. И когда я оглянулся, он явственно осѣнил меня напутственным крестным знаменіем... Я, в свою очередь, низко поклонился благословлявшему меня старцу, и, думаю, он так же хорошо видѣл мой поклон, как и я его крестное знаменіе.

А, спустя минуту, я уже шел густым зеленым корридором. И с тѣх пор уже больше никогда я не встрѣчался со старцем Вивіаном, хотя его тихій старческій облик и знаменательныя рѣчи живут в моей памяти до сих пор.

КРУМИЦКІЙ АРСАНЩИК

Прогостив на Крумицѣ, этом райском уголку Аѳона, рѣшил я совершить плаваніе в сторону скита Ѳиваида, чтобы посѣтить окрестных пустынников. Схимонах отец Пимен, мой гостепріимный хозяин на своей арсанѣ, теперь был нашим энергичным и усердным перевозчиком к мѣсту новаго паломничества.

Послѣ радушнаго монашескаго угощенія из вареных автоподов, чернаго хлѣба и кружки холоднаго краснаго вина, преподнесенных нам хлѣбосольным отцом Пименом на крумицкой арсанѣ, — мы спѣшили засвѣтло добраться на арсану Ѳиваидскаго скита, хозяином которой был нѣкій инок Ѳома, повидимому, большой друг нашего о. Пимена.

— Да, обрадуется отец Ѳома... ой, как обрадуется, когда увидит дорогих гостей! — говорил привѣтливый старец, стоя на веслах нашей утлой ладьи. — Вѣдь великая радость для инока такое посѣщеніе!.. И, подумать только, как все измѣнилось за послѣдніе два десятка лѣт: было время, когда Аѳон так и кишѣл русскими паломниками... Откуда только ни прибывали к нашим древним святыням русскіе люди, из каких краев великой Россіи сюда не приплывали они... А пріѣдет такой паломник, так уж непремѣнно постарается побывать во всѣх монастырях и скитах, всюду норовит заглянуть и всѣм святыням поклониться. И не смотрѣли тогда русскіе люди на

то, чей это монастырь: греческій, болгарскій, сербскій-ли или наш же русскій. Всякая православная обитель была для них желанной... Благословенное это было время!..

Солнце спускалось все ниже и ниже. Его лучи, постепенно слабѣвшіе, мягко скользили по лодкѣ, по темнѣвшей с каждой минутой водѣ и проплывающему мимо нас высокому берегу, от котораго замѣтно вѣяло лѣсною сыростью, мѣшавшейся с соленою влажностью моря.

— Нужно налегать! — добродушно замѣтил отец Пимен, одновременно принявшись грести с удвоенною энергіей. — Неловко будет ежели прибудем к отцу Ѳомѣ в потемках.

— Ничего, поспѣем.— успокаивал гребца добродушный іеромонах о. Харлампій, мой друг и спутник из Андреевскаго скита. — Теперь уже недалеко... вот прямо рукой подать.

— Невѣдомо только, как долго еще Господь сподобит вообще навѣщать друг друга, — задумчиво промолвил схимонах Пимен, не переставая, стоя, налегать на весла (на Аѳонѣ всегда гребут стоя и глядя вперед). — Вѣдь никому невѣдомо, что станется скоро с нашими русскими обителями на Аѳонѣ... Теперь не прежнее золотое время: нѣт больше за нами великой покровительницы, православной Руси-матушки... И вот, не пускают больше русских людей на Святую гору, не желают, чтобы наши обители пополнялись новыми насельниками... И пустѣют обители, нѣт к ним притока новых иноков... доживают в них только старые монахи. А вѣдь извѣстно, что значит старый инок: сегодня он еще сможет творить кое-какую работу, а завтра уже и одряхлѣл от бремени лѣт... и обезсилѣл, и к смерти приблизился. И быстро вымирает теперь русскій Аѳон... на глазах наших вымирает...

Отец Пимен скорбно умолк, охваченный грустными думами, и стал пристально всматриваться в синюю даль, уже замѣтно охваченную тѣнями майскаго вечера.

— А вот и о. Ѳома! — радостно замѣтил он, налегая снова на весла. — Так и есть... это он!! Ну, давненько я не видал его, друга моего.

Я усиленно всматривался по направленію остраго взгляда нашего старца-лодочника, но рѣшительно ничего не видѣл, кромѣ синяго тумана, окутавшаго морской берег. А, спустя немного, моему взгляду сдѣлались доступны очертанія каменных стѣн арсаны, гдѣ хозяйничал о. Ѳома, но его самого, видимаго уже отцу Пимену, я так и не мог разсмотрѣть.

— Да неужто же не видите его, господин? — удивился старец. — Вѣдь, как на ладони, стоит на берегу отец Ѳома!.. Вот сейчас обрадуется, непремѣнно обрадуется!.. Да и я, грѣшный, рад повидать его.

Солнце совсѣм опустилось за морем и лѣсная сырость, вѣявшая с берегов, сдѣлалась еще болѣе ощутительной.

Вѣроятно, для того, чтобы сдѣлать совсѣм пріятными послѣднія минуты нашего плаванія, отец Пимен не прекращал своих добродушных разсказов, стараясь занимать нас из всѣх сил.

— Повидаться-то с сосѣдом монахом, с одной стороны, как будто и хорошо, а, с другой, как будто лучше и не видаться, — разсуждал он. — Для спасенія души, конечно, для соблюденія подвига монашескаго: вѣдь и монахи... люди. И монахи при встрѣчах людьми остаются... вот что!.. Ну, сойдешься с другим иноком послѣ долгой разлуки, и начнешь вспоминать прошлое, перебирать братію, обсуждать монастырскія дѣла. И не убережешься: осудишь кого-нибудь, непремѣнно осудишь. Глядишь, и впал не-

замѣтно в грѣх великій. А потом вернешься к себѣ, один останешься — и, ох, как тяжело станет... Смиришься, уразумѣешь все, но покоя обрѣсти долго не сможешь... Посему, одному-то все же легче: ничто не смущает. Читаешь себѣ монашеское правило утром, читаешь перед отходом ко сну — и душа спокойна.

Отец Пимен помолчал немного, а затѣм продолжал:

— Вѣдь вот какой случай со мною был недавно... и все только от того, что я со своим уединеніем разстался... Вспомнил я недѣли три тому назад, что у ѳиваидцев*) в обители праздник престольный и рѣшил пойти туда к литургіи... Собрался, конечно, по монашески, по страннически: взял с собою сумочку, а в нее-то положил новенькую свою ряску... Смотал ее поплотнѣе, да и положил... И вот, подумайте только: прошел уже всю дорогу в Ѳиваиду, прибыл в обитель... открываю сумочку, чтобы в ряску облачиться к литургіи — гляжу, а ряски то и нѣт... Своим глазам сначала не повѣрил: хорошо помнил, как ее в сумочку-то клал, да как поплотнѣе свертывал... Помыслил я немного — и побѣжал обратно на арсану.. Конечно, и там я ряски своей не нашел... Снова бѣгу в Ѳиваиду, гляжу по тропинкам, под каждый кустик заглядываю — нѣт и нѣт моей новенькой ряски... Потом и стал соображать, да под конец, как полагаю, и разсудил правильно: шел я в Ѳиваиду лѣсочком, зацѣпил сумкою за вѣтку или кустик колючій, — а ряска то видно была плохо в мѣшок засунута, — ну, и вывалилась незамѣтно... дальше ей пропасть было уже не трудно. Дорогою этою часто ходят «мірскіе», греки-аргаты**), — на-

*) Скит Ѳиваида на Святой горѣ принадлежит св. Пантелеимонову монастырю.

**) Наемные работники в греческих монастырях.

род безпечный и свѣтскій, к монахам по своему относящійся. Ну, и подобрали эти міряне мою ряску, да и унесли с собою в города... А ряска моя была хорошая, новенькая, без единаго пятнышка... недавно сам ее справил. Только не новизны мнѣ ее жалко а вот чего: в этой самой-то ряскѣ принимал я послѣдній раз Святое Причащеніе... Святых Таин принять удостоился... Искушеніе!.. Ну развѣ это не работа врага рода человѣческаго над иноческим духом?.. И вѣдь как тонко он работает враг-то этот, над нами: идет себѣ старенькій монах из своей одинокой арсаны на литургію, — а он, Князь Тьмы, и тут его улавливает... И как ловко ряску-то мою из сумки вытащил, никакой живой человѣк того бы не сдѣлал... А сколько я послѣ скорбѣл над этим, сколько думал!.. Да, трудно бороться здѣсь с дьяволом, ох, как трудно! Так он и вьется, так и вьется около монаха...

Слушая этот безхитростный разсказ опечаленнаго отца Пимена о его пропавшей ряскѣ, я почти и не замѣтил, как наша лодка в сумерках вплотную подошла к небольшому молу, на котором теперь уже ясно выдѣлялась та монашеская фигурка, которую еще издали так хорошо примѣтил наш перевозчик. А на самом берегу, значительно выше того мѣста, к которому пристала наша ладья, привѣтливо свѣтился огонек. Это было одно из окон Ѳиваидской арсаны, тонувшей в сумракѣ южнаго вечера.

— Ну, вот и отец Ѳома! Встрѣчай дорогих гостей, старец! Русскій господин и человѣк хорошій, а с ним и отец Харлампій из Андреевскаго скита... чай, давно его знаешь.

Через минуту лодка тихо пристала к старенькому молу, у края котораго уже суетился отец Ѳома, помогая нам выбираться на сушу.

— А я давно уже поджидаю вас, дорогіе гости, — говорил он, пожимая мнѣ руку. — Смотрю и смо-

трю, что за лодка такая идет в нашу сторону... Вот чуяло грѣшное сердце, что радость с нею плывет великая... Вот и дождался... Слава Тебѣ, Господи!.. Милости просим, дорогіе!

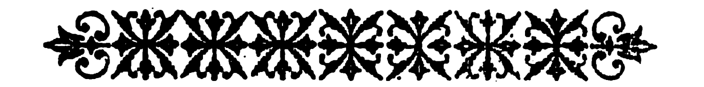
— И я тебя примѣтил давно, отец, — отозвался наш перевозчик, привязывая лодку. — Спѣшил доставить тебѣ гостей еще засвѣтло, да вот и не удалось.

— Не велика скорбь, что и опоздали... время теперь хорошее, тихое... Спасибо, что надумали меня навѣстить! — утѣшал искренно обрадованный старец. — Сейчас вскипятим самоварчик; есть у нас свѣжая рыбка... только вот под вечер наловил. Закусите послѣ путешествія и покойно переночуете. А как станет развидняться, не спѣша, подымитесь на поклоненіе в наш скит... Оставайся и ты у меня на ночь, отец Пимен... не оставляй дорогих гостей. Поплывешь к себѣ обратно ранним утречком.

Но о. Пимен остался тверд в своем намѣреніи, не рѣшаясь на ночь оставлять свою арсану без надзора. Он сердечно простился с нами и быстро исчез со своею лодкою в вечерней тьмѣ.

Не прошло и получаса, как мы уже мирно пили чай на террасѣ второго этажа ѳиваидской арсаны, с которой открывался незабываемый вид на ночное море.

Это море было тихим, зеркально спокойным. Таким же спокойным, как и вся жизнь тѣх замѣчательных людей, с коими я вел долгую бесѣду в этот прелестный майскій вечер. И только здѣсь, в обстановкѣ тишайшаго и заброшеннаго уголка Аѳона, я мог вполнѣ ясно уразумѣть, сколь замѣчательными, в дѣйствительности, людьми являлись всѣ эти безвѣстные нашему суетному и шумному міру отшельники Святой горы Аѳонской, какими были и о. Харлампій, о. о. Ѳома и Пимен...

ПЛѢНЕННЫЙ КОЛОКОЛ

Не будучи в силах дождаться конца аѳонскаго всенощнаго бдѣнія, длившагося уже нѣсколько часов, я вышел на широкую террасу, чтобы немного освѣжиться.

Да, только там, на Святой горѣ Аѳонской, можно вполнѣ познать всю утомительность и, вмѣстѣ с тѣм, и всю прелесть подобных богослуженій: утомляя тѣло, онѣ так же медлено, но вѣрно укрѣпляют дух и наполняют все существо чувством и настроеніями, дотолѣ совершенно невѣдомыми в обстановкѣ суетнаго міра.

И вот, с горечью убѣдившись в своей на этот раз тѣлесной немощи еще задолго до начала «Великаго Славословія», я все же не устоял на мѣстѣ и покинул полутемный храм, оставляя позади себя и мерцаніе его свѣчей, и строгіе лики святых на закоптѣлых иконах, и неподвижныя черныя фигуры иноков, казавшихся тоже существами «нездѣшними», как и святые на иконах.

На террасѣ было тихо, лунно и пахло какими-то южными цвѣтами, властно наполнявшими своим дыханіем ночную полутьму.

Внизу, под этой старенькой и обширной террасой, меланхолично темнѣли стройные кипарисы и чуть слышно шелестѣли своими могучими вѣтвями каштаны, только что сбросившіе с себя весенній убор. А за ними — все серебряное, искрящееся, кое-

гдѣ чуть тронутое огоньками и полное невыразимаго величія — разстилалось море, окаймленное с двух сторон высокими и темными громадами берегов.

Но не были безжизненны эти берега и, находясь от них на разстояніи нѣскольких километров, я все же улавливал среди их угрюмой тьмы признаки человѣческой жизни, но жизни особой и дивной... Этими признаками был мерцающіе огни отдѣльных пустыннических келій, ютившихся то там, то здѣсь и огни каливок, разбросанных среди гор и лѣсных кущ, слегка подернутых голубыми туманами. И эти отшельническіе огни то зажигались то гасли — и никто не мог бы никогда установить их число, настолько оно было измѣнчиво и неуловимо.

А совсѣм далеко-далеко впереди, ярко и неугасимо горѣл своими свѣточами огромный русскій скит св. Андрея, величественно охраняя покой, разбросавшейся под ним «лавры келлій» — Кареи.

Упоенный окружавшей меня красотой и величіем, я переживал незабываемыя минуты, почти реально ощущая, как благодатная тишина, царившая вокруг, через всѣ поры моего тѣла вливалась в душу и наполняла ее восторгом и не земною радостью.

И вдруг эта тишина нарушилась...

Гдѣ-то внизу, за неподвижными силуэтами кипарисов и каштанов, внезапно раздался удар колокола. Удар настолько гулкій и мощный, что порожденный им звук как бы сразу наполнил собою всю окрестность и заставил на время забыть о ея безмятежном покоѣ и божественной красотѣ...

Колокол, породившій этот звук, был, несомнѣнно, настоящим богатырем среди ему подобных, подлинным великаном, столь близким русскому сердцу по воспоминаніям безвозвратно ушедших лѣт.

Ухнув впервые, он вслѣд за первым ударом послал в пространство второй, за вторым — третій. А

затѣм всѣ послѣдующіе удары стали сливаться в одну сочную мелодію чудесной колокольной музыки. Рождаясь гдѣ-то очень далеко внизу, эта музыка тотчас же наростая, невидимыми волнами возносилась вверх, разливалась по всей Святой горѣ и затѣм постепенно и тихо таяла в просторах Эгейскаго моря.

Очарованіе, меня окружавшее, увеличилось вдвое.

Теперь я слышал не только едва уловимое монашеское пѣніе, доносившееся из полутемнаго храма. Теперь с ним чудесно соединялась и эта новая, могуче-прекрасная мелодія, порожденная металлом невидимаго колокола-гиганта, так властно напомнившаго мнѣ о иных, ему подобных, колоколах, оставшихся гдѣ-то далеко-далеко, на столь милой, великой и столь многострадальной родинѣ.

— «Это... русскій колокол!» — подумал я неожиданно. «Только там, у нас в Россіи, умѣли «лить» таких подлинных глашатаев величія Божьяго!.. И как отливали их в старой Россіи: цѣлыми годами собирались; «нынѣ силы небесныя» пѣли в то время, как плавился металл; серебряные рубли дождем летѣли в огненную массу... Не может быть, чтобы и этот великан был отлит гдѣ-либо в иных мѣстах, кромѣ россійских просторов»...

Такія мысли быстро пронеслись в моей головѣ. А чудесный колокол все гудѣл и гудѣл за синею далью, наполняя мою душу духовною радостью.

— Вот, как его услышу, так и защемит сердце, так и защемит! И не перестанет болѣть, пока не затихнет колокол... Да и не у одного меня болит сердце: всѣ наши иноки одинаково страдают и плачут только раздается его звон: вѣдь это наш плѣнник взывает из темницы, наш русскій звон призывает на помощь!

Слова, прозвучавшія гдѣ-то совсѣм близко от

меня, были рѣзкими и твердыми, и я невольно вздрогнул от неожиданности, услышав их. До этого момента я был увѣрен, что нахожусь один на террасѣ, и теперь нѣсколько был озадачен появленіем там же какого-то неизвѣстнаго.

Я осмотрѣлся и тотчас же увидѣл высокую и темную фигуру инока, повидимому, вышедшаго из храма вслѣд за мною. Монах стоял, прислонившись к перилам, и смотрѣл в лунную даль, в ту сторону, гдѣ рождались чудесные колокольные звуки.

— Да... звонит, звонит наш колокол, наш горемычный плѣнник! — опять заговорил высокій инок. — Взывает... а мы безсильны, немощны, чтобы выручить его из неволи... наказаны Господом за наши грѣхи!.. Только и осталось нам, что слушать его печальный зов из-за чужих стѣн, а послѣ скорбѣть и плакать о потерѣ...

— Простите, батюшка, — рѣшил я, наконец, задать вопрос скорбѣвшему иноку, — я не понимаю, о каком плѣнникѣ вы говорите и что это за колокол?

— Ах, господин, простите меня грѣшнаго!.. В темнотѣ-то я не разглядѣл, что вы из наших гостей будете... Значит, недавно на Святой горѣ пребываете?... А из каких мѣст Россіи будете?

Я поспѣшил удовлетворить любознательность моего собесѣдника, который так и встрепенулся при моих словах.

— Так мы же земляки!... Вот радость-то: вѣдь я и сам из тѣх краев... Земляки мы с вами!.. Только уже давно покинул я страну нашу.. ой, как давно! Ушел в иночество еще задолго до Японской войны, и с тѣх пор уже так и не отлучался от нашего святого мѣста.

Обмѣнявшись со старым монахом еще нѣсколькими фразами о предметах внѣшних, я все же поспѣшил возвратиться к главной темѣ нашего разго-

зора, завязавшей и наше неожиданное знакомство.

— Да, касательно колокола, мы и забыли! — спохватился старый инок. — Как же, как же... таких дѣл нельзя забывать, дорогой землячек, нельзя!

И он обстоятельно начал разсказывать всю так его волновавшую исторію, в то время, как причина его волненія по прежнему гудѣла над ночным аѳонским простором.

— Еще много лѣт тому назад было положено начало этой обидѣ, земляк... случаются несогласія и распри, конечно, и в нашей монашеской средѣ. Враг-то человѣческій еще ехиднѣе среди нас разставляет свои сѣти... Вот и уловил он нас однажды, — нас, то-есть насельников этой русской келліи и монахов-греков того монастыря, на землѣ котораго наша келлія воздвигнута... Разговор за разговором, хозяйственный спор за спором — и чѣм дальше, тѣм больше и серьезнѣе... Пошли непріятности, жалобы друг на друга, рѣзкія и ненужныя слова при встрѣчах и очутились мы с греками на положеніи чуть не настоящей войны... Тяжело это было братіи монашеской, но оставить дѣло так, как грекам хотѣлось, все же нельзя было: пришлось бы поступиться достояніем и правами обители, а это грозило уничтоженіем ея. И вот... проходили годы в неурядицах и спорах с греками. И преставился Господу Богу наш старец, неуклонно боровшійся за права обители в теченіе долгих лѣт... И как раз случилось так, что в это же время пришел к нам из Россіи громадный и чудесный колокол, пожертвованіе благодѣтелей, постаравшихся для нашей келліи. Приплыл колокол на пароходѣ из Одессы... и вдруг очутились около него наши спорщики...

— Не получите колокола! — заявили они. — Колокол этот пойдет прямо в наш монастыр за ваши долги!..

И забрали они колокол в плѣн, а мы с плачем и рыданіем так и вернулись в свою обитель без благодѣтельнаго дара из Россіи.

У моего бѣднаго собесѣдника теперь уже чуть ли не послѣ каждаго слова прерывался голос при разсказѣ: настолько глубоко переживал он снова их общее монашеское горе.

Вам, мірским людям, быть может даже и диковинно слышать о том, что мы, иноки, так горюем из-за такого случая, как этот колокольный звон. Но вѣдь и наша то жизнь особенная... И чуем мы, что здѣсь свалилась на нас незаслуженная и тяжкая неправда — и вот скорбим безутѣшно... Вѣдь наш родной, благодатный русскій колокол у нас плѣнили... И как же не скорбѣть то нам?

— Что же так и не удалось вам отстоять впослѣдствіи ваше достояніе? — спросил я скорбящаго инока. — Неужели же высшія власти не устранили несправедливости?

— Э, гдѣ там! — махнул рукою инок. — Подошла послѣ этого великая война, а за нею и страшная россійская смута, прекратившая всякое заступничество великой Россіи... И пошло еще хуже для нас на Аѳонѣ... для нас, русских насельников, конечно. А сила солому ломит, дорогой земляк... ох, как ломит! Ну и кончилось тѣм, что теперешній наш старец, спасая беззащитную обитель, попросту рѣшил сказать грекам примирительно: «Да простит вас Господь наш Іисус Христос, братіе, за всѣ прежнія обиды.. будем жить так, как говорит слово Божіе, в мирѣ и согласіи! И в знак этого, братіе, держите наш колокол, плѣненный вами, и владѣйте им!..» Вот так и кончилось все.

Монах перевел дух, нервно поправил на головѣ клобук и закончил уже совсѣм тихо.

— Горько, горько мы всѣ плакали, когда утвер-

ждался наш великан на греческой колокольнѣ... Были и мы там и даже сами помогали грекам... Правда, послѣ этого всякія распри с ними кончились, мир и согласіе возстановились между нашею келліей и их монастырем Но сердцам нашим все же осталась от колокола в наслѣдство скорбь большая. Как зазвонит, как загудит он в их монастырѣ, так и наполняются наши сердца печалью безысходною... А бывает, что и плачут многіе наши братья. Все еще не в силах мы перебороть нашей человѣческой немощи, слушая эти родные звуки... Вѣдь наш это, наш русскій колокол плачет в неволѣ — и как же не скорбѣть русскому сердцу?.. Бывает, что наш старец и выговаривает нам, напоминает о бренности всего мірского, о пренебреженіи инока к горестям земли... Но и он, порою, сам задумывается при том же скорбном звонѣ: вѣдь и старец наш сам Костромской, из-под Кинешмы... Ах, Россія... Россія, мать наша родная!..

При этих словах инока я замѣтил, как он сначала поднял руку для крестнаго знамени, а затѣм задержал ее на полпути для того, чтобы утереть набѣжавшую слезу, явственно сверкнувшую на его впалой щекѣ.

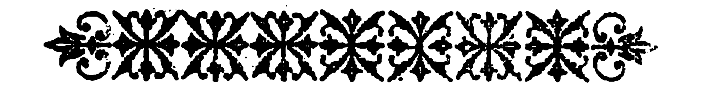
Я молчал, в свою очередь, до глубины души проникнутый настроеніем моего собесѣдника.

— Ну, а теперь, дорогой землячек, скажите, каково у нас там... на родинѣ? — снова заговорил монах уже нѣсколько болѣе спокойным тоном. — Что вы слышали за послѣднее время в «мірѣ» о нашей матери-родинѣ?.. Долго-ли еще терпѣть русскому народу его крестныя муки?.. Конечно, все в руках Божьих и пути Господни неисповѣдимы... Но как разсуждают мірскіе-то люди?

Я, как мог, отвѣчал на его вопросы, успокоительно говоря о том, что было одинаково дорого для

нас обоих: о далекой родинѣ, о ея невзгодах и грядущем свѣтлом днѣ ея воскресенія.

Так, ведя нашу бесѣду, мы простояли на монастырской террасѣ так долго, что при наступившем прощаніи нашем давно уже не было слышно ни монашескаго пѣнія из опустѣвшаго храма, ни всей чудесной мелодіи плѣненнаго колокола-великана, имѣющаго исторію, столь волнующую русское сердце... Он умолк во время нашего оживленнаго разговора для того, чтобы в положеный час снова огласить аѳонскій простор.

КРЕСТОВСКАЯ КЕЛЛІЯ

Каждая общежительная пустынная келлія — это своего рода жемчужина в громадном и великолѣпном вѣнцѣ православной вѣры, каковым является весь Аѳон. Иначе и назвать нельзя эти келліи, ибо от каждой из них исходят незримые, но явно ощутительные лучи живительнаго, духовнаго свѣта — свѣта Христовой истины и спасительной красоты Ея ученія.

Келлія св. Артемія и Воздвиженія Креста Господня, келлія Вознесенія Господня и преподобнаго Евѳимія, келлія св. Николая Чудотворца, которую издали трудно и разсмотрѣть в кущах густой растительности, — какой неизгладимый слѣд оставили вы всѣ в моей скитальческой душѣ!

Все здѣсь чудно, все здѣсь полно духовнаго аромата, освѣжающаго и очищающаго душу. Да и самый климат здѣсь прекрасный, в этих чудесных долинах, защищенных — и с сѣвера, и с юга — стѣнами гор. Только с моря доносится сюда теплое и влажное дыханіе. Это один из прелестнѣйших уголков Святой горы... Широкая, сочная долина врѣзается глубоко в хребты гор и в ея отлогіе скаты, покрытые живописными каливками, виноградниками, кипарисами — составляет собою очень эффектныя ворота в тот красивый горный проход.

Любуясь на всѣ стороны, я медленно направлялся к новым пріютам молитвенных подвигов на-

ших удивительных православных иноков. Но сколько еще было впереди, этих истинных чудесных оазисов и твердынь человѣческаго духа!

— Развѣ обойдешь их всѣх, отшельников наших? — замѣтил мой вѣрный спутник, задумчиво посматривая на голубые туманы, окутывавшіе склоны гор. — Вѣдь не перечесть, сколько их спасается на этих кручах... Мірскіе люди и не знают, что творится у нас на Аѳонѣ во имя их спасенія и во славу Божію.

И развѣ мог я в эти минуты не согласиться с этими словами моего простодушнаго спутника, столь хорошо понимавшаго великое значеніе небольшого, но прелестнаго уголка земли, пребыванію на котором он и сам посвятил всю свою жизнь...

Солнце уже перевалило за полдень, когда, наконец, трудный переход был окончен и мы, немного еще проплутав по сосѣдним греческим келліям, со вздохом облегченія очутились у цѣли нашего очередного путешествія — в Крестовской келліи, гдѣ и были радушно встрѣчены ея спокойным и мудрым старцем, о. Лотом. И сразу же здѣсь каждый из братій, несмотря на занятость, спѣшил окружить нас самыми искренними заботами и вниманіем. В этот день Крестовская келлія начинала празднованіе кануна своего храмового праздника Воздвиженія Креста Господня.

У нас на родинѣ этот полуосенній день обычно бывает окружен, как рамкою, особым осенним ландшафтом в видѣ широко разстилающихся повсюду опустѣвших полей, начинающих желтѣть деревьев и стоящаго над всѣм этим сентябрьскаго неба, успѣвшаго уже утратить очарованіе лѣтней безмятежности и голубизны. Здѣсь же, на Аѳонѣ, в двух шагах от южнаго моря, — этот сентябрьскій день положительно ничѣм не отличался по своему великолѣпію и силѣ солнца от своих іюньских и іюльских собратьев:

кругом все та же пышная красота природы и та же неизмѣнная прелесть голубых небес над головой.

Крестовская келлія находится на восточном склонѣ Святой горы и расположена на прекрасном холмѣ, от котораго не больше получаса ходьбы до морского берега. С одной стороны этого холма находится овраг, идущій от хребта к морю; с другой — тоже овраг, но поменьше, через который тропинка ведет в сосѣднюю Артемьевскую келлію. Позади обители возвышается огромный холм, покрытый каштановыми рощами, придающими особую красоту этой мѣстности... Обитель почти со всѣх сторон обсажена огромными кипарисами и издалека привлекает взор путника своей колокольней и куполами.

Мѣстоположеніе этой обители — изумительно красивое, изобилующее великолѣпными панорамами на окрестности, полными живописных красок и безмятежнаго величія природы. Только на западѣ эти панорамы нѣсколько заслонены сосѣдними высотами, покрытыми густѣйшим лѣсом. Что же касается востока, то там взор наблюдателя всецѣло очаровывает лазурное море Архипелага с выдѣляющимися на его зеркалѣ величественными островами Тассо и Самофраки. На южной же сторонѣ глаз долго не может оторваться от гигантскаго массива самого Аѳона, находящагося в общем близко от Крестовской келліи. Хорошо видны с ея холма также Карея, Андреевскій скит и множество отдѣльных келлій, живописно расположенных в изумрудном царствѣ зелени.

Умывшись с дороги и с удовольствіем воспользовавшись любезно предложенным чаем, я с истинным наслажденіем усѣлся около открытаго окна моей келійки. А оно выходило на морскую ширь, простиравшуюся за зелеными кущами рощ и садов, окру-

жавших эту дивную келлію. И опять перед моими глазами была самая восхитительная картина могучей природы, со сверкавшею гладью моря, золотисто-изумрудною листвою великанов растительнаго царства и строгими свѣчами темных кипарисов, уходивших в высь.

Осторожно постучавшись вошел в мою келійку намѣстник о. Филарет, — живой, улыбающійся, весь так и сіявшій особою нездѣшнею радостію бытія, какую только и можно наблюдать у истинных иноков. А из дальнѣйших разговоров я убѣдился еще и в том, что у о. намѣстника была чуткая душа настоящаго поэта; только еще болѣе чистая и возвышенная, благодаря строгой монашеской жизни и полнѣйшему отдѣленію от мірской суеты.

— Вы уж извините, дорогой гость, но сегодня у нас большія хлопоты и гости. Приходится то и дѣло отлучаться! — ласково проговорил о. Филарет, с улыбкою смотря на меня чистыми и добрыми глазами.— Ничего нельзя подѣлать: храмовой праздник... со всѣх сторон сходятся к нам сосѣди-келліоты, сиромахи, странники. Но и вам интересно будет взглянуть на такое собрніе... нигдѣ, кромѣ Аѳона, не придется вам наблюдать этих во истину Господних людей. А нам нельзя не угостить их, нельзя не пріютить на свой праздник во имя Божье!... Все же очень просим посѣтить и наше вечернее бдѣніе.

Отец Филарет скромно поклонился и вышел, а я остался по прежнему у окна, продолжая любоваться разстилавшимися перед ним красотами. Впрочем, пришлось мнѣ этим заниматься недолго. Гдѣ-то совсѣм близко внезапно раздался сухой и характерный звук удара по сухому дереву — звонкій, пріятный и в то же время какой-то настойчивый и упорный. Это ударили в традиціонное монашеское «било», почти исчезнувшее за послѣдніе вѣка в монастырях

Россіи, но еще сохранившее полное право гражданства в обителях Аөона и балканских стран. И удивительно искусно ударял в это «било» невидимый мнѣ инок, повидимому, в совершенствѣ постигшій своеобразную тонкость этого своего послушанія.

Стуки в «било» раздавались сначала с большими перерывами, заставляя ухо подолгу выжидать слѣдующаго удара. Но затѣм они перешли в настоящую дробь, то медленно повышавшуюся в своей силѣ, то постепенно ниспадавшую до подлиннаго деревяннаго «шепота», постепенно замиравшаго и заканчивавшагося полным молчаніем. Но послѣднее оказывалось только временным: проходили минуты — и, умершіе. казалось, звуки вновь воскресали с торжествующею живостью и силой. Так повторялось три раза, а затѣм, вслѣд за послѣдней остановкой «била», — раздался удар в большой колокол, за которым вскорѣ начался перезвон, призывавшій к вечернему богослуженію.

Не прошло и нѣскольких минут, как раздался стук в мою дверь: за мною пришел посланник от намѣстника, добрѣйшій ю. Исаія, которому поручено было проводить меня в обительскій храм, гдѣ уже началось богослуженіе.

Я вошел в полутемную церковь, уже переполненную молящимися и по праздничному украшенную зеленью, каковою в изобиліи был посыпан и пол ея. Совсѣм необычайное впечатлѣніе производила толпа богомольцев, густо наполнявшая весь небольшой Крестовоздвиженскій храм: все это были только монахи разных возрастов — одни лишь мужчины в иноческих одеждах, среди которых не было ни одного в городской свѣтской одеждѣ. Но в то же время не были эти иноки похожи и на братію одной и той же обители, подобно тому как это приходится наблюдать в больших монастырях, гдѣ в часы бого-

служенія под своды храма сходятся всѣ его обитатели. В толпѣ же «гостей» Крестовской обители можно было теперь наблюдать разнообразных монахов-странников, едва прикрытых обветшавшими от времени ветхими рясками, обутых в самодѣльную, сильно поношенную, обувь и чуть ли не по самые глаза обросших густыми волосами. Это и были тѣ «странники-сиромахи», которые десятками лѣт ведут на Аѳонѣ скитальческую жизнь, вѣчно паломничая от одной обители до другой, живя подаяніем и не принадлежа ни к какому опредѣленному братству.

— Сиромахи точны, как календарь, и твердо знают, когда и в какой обители престольный праздник, — пояснил мнѣ о. Исаія, временами подходившій ко мнѣ в храмѣ, чтобы подчеркнуть свое вниманіе к гостю. — Помолятся они на торжествѣ, покормятся, а там, глядишь, снова идут куда-нибудь в противоположный край Аѳона, чтобы поспѣть на новый праздник, к новым милостям. Так и живут они всю жизнь свою на Святой горѣ... ну, право, как птицы небесныя. Порой и не знаешь, гдѣ и как умирает такой сиромах, бывает, что и в лѣсных дебрях отдают Господу душу свою.

Было шесть часов вечера, когда началась всенощная... Аѳонское всенощное бдѣніе — это нѣчто особенное, производящее, с одной стороны, неизгладимое впечатлѣніе, а, с другой, требующее от непривычнаго человѣка большого запаса сил и громадной выдержки. Обыкновенно такое бдѣніе продолжается 8-9 часов, т. е., начавшись в 6 часов вечера (по аѳонски 10 часов), оно оканчивается часа в три утра, послѣ чего почти немедленно совершается ранняя литургія. Таким образом, вся предпраздничная служба поглощает до двѣнадцати часов времени, падающаго на ночные и предутренніе часы.

Должен признаться, что эти долгія службы я

выстаивал довольно бодро и без особаго утомленія, обычно не присаживаясь в «стасидіи», что разрѣшается в извѣстные періоды и монахам. И в этот раз, не взирая на видимое утомленіе от многочасоваго пути и томительной жары, я, хорошо освѣжившись водою, как то пріободрился и весь был исполнен духовной свѣжести и силы. Всю вечернюю и ночную службу я выстоял бодро в этом полутемном храмѣ, внимательно слѣдя за чтеніем, наслаждаясь своеобразными аѳонскими напѣвами и прислушиваясь к доносившимся по временам из темных углов вздохам старцев, изнемогающих от преклоннаго возраста и усталости иноческаго подвига.

Мерцали свѣчи, мѣнялись чтецы, входили и выходили темныя монашескія фигуры, тихой волною уносились во тьму ночи сладчайшіе звуки пѣснопѣній и все чаще и громче раздавались вздохи старцев. А я, не примѣчая времени, с интересом присматривался и прислушивался ко всему окружающему и благодарил Бога, что привел меня на Святую гору, удостоил лицезрѣть ея великія святыни и высокую религіозную настроенность ея насельников. И дал возможность молитвенную память о них унести надолго, навсегда, — с собою туда... в суетный мір...

Я горячо молился и, когда слишком сильно одолѣвала духота и усталость от нея, выходил на террасу, глядѣл в бездонную пропасть южной ночи и освѣжался соленоватым воздухом моря. Его доносил тихій вѣтерок, вмѣстѣ с непередаваемым ароматом каких-то своеобразных аѳонских растеній.

Но вот литургія окончилась и, приложившись к кресту, я, полный духовной радости, вышел на монастырскій двор, по которому быстро разсыпались многочисленные гости, порою соединявшіеся в небольшіе группы «старых знакомых» и в полголоса обмѣнивавшіеся своими своеобразными монашескими впечатлѣніями.

— А... отец Наθанаил! — донеслось до моего слуха из сосѣдней группы. — Вот и привел Господь встрѣтиться снова. А, почитай, не видались уже года четыре!

Я посмотрѣл в сторону говорившаго и увидѣл древняго монаха, сѣдого, как лунь, и стоявшаго теперь с таким же сѣденьким странничком в помятой скуфейкѣ.

— Больше, чѣм четыре, отец Софроній! — отвѣчал тот, кого звали Наθанаил. — Помню, что встрѣчались мы с тобою в послѣдній раз на Сорок Севастійских мучеников, а тому будет уже лѣт шесть... Я тогда еще с отцом Θеофилом паломничал по горѣ... вдвоем мы сиромашили... да!

— Может и так, отец... Время-то бѣжит у Господа... бѣжит и нас все к покою могилки приближает... Ну, а гдѣ же спутник-то твой? Теперь припоминаю и его...

— А почил Θеофил то мой... давно почил. Вскорѣ послѣ той нашей встрѣчи почил... в больницѣ конец свой земной обрѣл... там и погребен быстъ. Теперь вот один я и странствую.

Пока хозяева озабоченно суетились в трапезной около больших столов, я рѣшил воспользоваться свободным временем и направился осмотрѣть усадьбу Крестовской келліи, в чем мнѣ не мало помог премилый старичек-монах, показывавшій мнѣ всѣ уголки их обительскаго хозяйства. И я с удовольствіем осмотрѣл прекрасные виноградники, огороды и вмѣстительныя цистерны для собиранія дождевой воды, парники и мастерскія. И, при видѣ всѣх этих доказательств упорнаго и подлинно-вдохновеннаго труда крестовских иноков, этих необыкновенных по нынѣшнему времени людей, добровольно ушедших для подвига и труда на Святую гору, я не мог удержать-

ся от выраженія волновавших меня чувств, шедшему со мною старцу.

— Как все это чудесно, батюшка! — сказал я. — Живете вы здѣсь далеко от міра, а как все хорошо у вас устроено, какая любовь к правильному труду видна на каждом шагу!.. И как жаль, что так мало людей из нашего суетнаго міра проникает к вам, чтобы поучиться и брать с вас примѣр.

Мой провожатый, в отвѣт на мои похвалы, только кротко улыбнулся и слегка махнул рукой.

— Ну, чему уж там учиться у нас, с нашею гордыней! — проговорил он тихо. — Немало есть в міру людей, во много раз лучше нас, недостойных и грѣшных, мнящих себя близкими к Богу... А к кому Он ближе на самом дѣлѣ... только Ему Самому и вѣдомо!... Что же касается трудов наших, то и они без Его помощи не совершаются... все Господь помогает..

Вслѣд за виноградниками и огородами, добрый старец провел меня к усыпальницѣ, совершенно примитивной и крошечной

— Вот это все... наши «бывшіе», — объяснил мнѣ старец, указывая на правильно сложенные на полках черепа и отдѣльные кости умерших братій... «Земля еси, в землю отъидеши-аможде вси человѣцы пойдем»...

И, пока я в раздумьи стоял около открытой двери этой маленькой усыпальницы, из нея неожиданно вышло нѣсколько жуткое существо в поношенной рясѣ с суровым выраженіем землистаго цвѣта лица, окаймленнаго жидкою сѣдою бородкой. Это был старец, приставленный к усыпальницѣ для соблюденія в ней чистоты и порядка, и неизмѣнно пребывающій в постоянном сосѣдствѣ с черепами и костями своих «бывших собратьев».

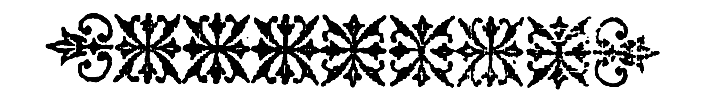
— А вот и о. Мелитон! — сказал мой спутник, добродушно кивнув вышедшему из усыпальницы

гробовщику. — Блюдет кости скончавшихся и от зла их охраняет.

Но отец Мелитон даже не улыбнулся в отвѣт на слова моего добродушнаго спутника.

Всякое ремесло оставляет свой слѣд, а иногда и всецѣло передѣлывает на свой лад человѣка. Истина эта в особенности давала ярко о себѣ знать на всем обликѣ отца Мелитона: этот всецѣло, повидимому, отдавшійся своему дѣлу старец, как казалось, был весь так и овѣян мертвечиной и мраком могилы.

С уваженіем отвѣсив поклон, я молча покинул его «владѣнія», послѣ чего уже вскорѣ находился на залитом солнечными лучами дворикѣ обители, уже постепенно освобождавшемся от заполнявших его странников и других гостей, направлявшихся теперь занимать мѣста за праздничными столами трапезной.

ТИХІЙ НЕБЕСНЫЙ СВѢТ

Многія сотни лѣт обитали на Аѳонѣ тысячи православных иноков-отшельников. Продолжают они там обитать и понынѣ, несмотря на многія внѣшнія причины, в значительной степени ухудшившія положеніе этого многовѣкового монашескаго царства.

За продолжительное время существованія этого царства радости Божіей сложился и особый, весьма выразительный и в то же время истинно достойный тип аѳонскаго монаха. И этот тип замѣтно отличается от православных иноков всѣх других, внѣ аѳонских, обитателей, хотя бы и самых безупречных в своем благочестіи.

Прежде всего, всѣм аѳонским монахам присуща какая-то необыкновенная жизнерадостность, соединенная с неизмѣнным радушіем и любезностью. И когда мнѣ пришлось познакомиться с длинным рядом этих милых и навсегда оставшихся в моей памяти людей, то я под конец задумался над вопросом: каким способом учатся они на Аѳонѣ этим радушію и любезности; откуда черпают они свою неизмѣнную жизнерадостность, столь дорогую для каждаго их собесѣдника-мірянина, приходящаго весьма часто к ним с усталою и разбитою душой?

И совсѣм случайно на этот, тайно промелькнувшій в моей головѣ, вопрос просто и открыто отвѣтил один из старых аѳонских иноков, бесѣдовавшій со мною в Андреевском скиту:

— Весь Аѳон... царствіе радости Божіей! — сказал он. — Сама Богоматерь разбросала по нему эту радость с высоты небесной. Вот она и цвѣтет теперь повсюду вѣчным цвѣтом... Радость Божья здѣсь кругом — и на горах, и в ущельях, и на прекрасных полях, воздѣлываемых братіей... Куда не направишь взор, — всё вѣчно цвѣтет, красуется и радуется... Как же не стать здѣсь и самому человѣку вѣчно радостным, если он живет праведно?.. Пробудет монах на Аѳонѣ год, два, десять лѣт и впитает в себя Божью радость от природы, а потом уже и ходит всю жизнь с нею в сердцѣ. Иначе и быть не может!.. А у кого Божья радость в сердцѣ, развѣ может он быть злобным и непривѣтливым с другим человѣком?.. Вот и вся наша аѳонская школа для общенія с людьми.

Этого объясненія, простодушно даннаго старым иноком, было для меня вполнѣ достаточно, чтобы уразумѣть причину замѣчательной жизнерадостности аѳонских насельников.

Но нельзя, по справедливости, не отмѣтить и еще одной весьма положительной черты, свойственной аѳонитам. Всѣ они отличаются исключительной ясностью ума и высокой духовной настроенностью... Хотя серьезно занимающихся науками, ученых монахов, и немного на Аѳонѣ, зато под конец жизни почти каждый отшельник-старец может быть почтен за настоящаго мудреца, снабженнаго цѣлою сокровищницею самых удивительных знаній.

Мы живем в такія времена, когда большинству культурных людей самое опредѣленіе «святой» или «подвижник Божій» — не только кажется ненужным и странным, но иногда попросту и смѣшным, не заслуживающим серьезнаго вниманія. Тѣм не менѣе, несмотря на всю жестокость нашего матеріалистическаго времени, среди множества мірских людей все

же найдутся такіе, которых вполнѣ опредѣленно заинтересует вопрос: «существуют-ли на современном Аѳонѣ настоящіе, выдающіеся подвижники Божія... существуют-ли там люди, дѣйствительно дошедшіе до грани настоящей христіанской святости, одна встрѣча с которыми могла бы измѣнить к лучшему все теченіе жизни погрязшаго в мірской суетѣ человѣка?.. Существуют-ли там такіе иноки, от которых уже опредѣленно излучается тихій небесный свѣт и сила Божья?..

На такіе вопросы, с чистою совѣстью, можно отвѣтить только утвердительно.

Да, конечно, такіе люди на Аѳонѣ существуют! Только найти их и приблизиться к ним для бесѣды и наставленія не так легко, как это могло бы имѣть мѣсто при встрѣчѣ с другими людьми, тоже носящими монашеское платье и попадающимися на нашем пути при житейской обстановкѣ в разных частях свѣта. Истинные святогорскіе подвижники очень скромны, уединенны и очень далеки от міра вмѣстѣ со своими подвигами. Они старательно скрываются от того же міра по своим келіям и пустынькам, заброшенным каливам и уединенным пещерам. А потому духовныя достиженія их остаются зачастую неизвѣстными даже ближайшим обитателям и другим монахам.

Отличающихся своею особо строгою жизнью старцев на Аѳонѣ достаточно и теперь. Существуют и понынѣ в уединенных уголках Святой горы великіе подвижники, большую часть суток проводящіе в молитвѣ и крайне рѣдко выходящіе из своих отдаленных убѣжищ. Они покидают их только для того, чтобы повидать своего духовника и пріобщиться Святых Таинств.

Такіе аѳонскіе пустынники и теперь цѣлыми годами ведут строго аскетическій образ жизни. Даже

сухари и хлѣб для таких отшельников — являются пищею непостоянною, которую могут они получать только во время своих посѣщеній ближайших монастырей, когда отправляются для причастія. Кромѣ того, такого рода «хлѣбные запасы» у обитателей отдѣльных калив не могут, конечно, быть и обильными уже по одной той причинѣ, что нести на своих старческих плечах в горы большія тяжести одинокому отшельнику представляется просто непосильным.

Но вопросы питанія своего тѣла меньше всего интересуют не только отшельников, но и вообще всѣх аѳонских иноков. Уже с первых дней своего пребыванія на Святой горѣ каждый ея монах твердо усваивает главную аѳонскую заповѣдь: все — для возвышенія духа и молитвы, и ничего — для услажденія и укрѣпленія своего тѣлеснаго естества...

КАРУЛИ

Это названіе, точно так же как и отрывочные разсказы об этом замѣчательном пунктѣ Аѳона, мнѣ приходилось слышать неоднократно еще задолго до непосредственнаго ознакомленія с ним.

— А вы были на Карулѣ? — спрашивали меня иноки и аѳонскіе гости. — Видали ли вы карульских отшельников?... Знаете ли отца Ѳеодосія?

Вполнѣ понятно, что, паломничая по Святой горѣ, я и сам ни на минуту не забывал о существованіи этого замѣчательнаго мѣста и всею душою стремился очутиться в нем как можно скорѣе.

Каруля.... Мѣстожительство святогорских монахов-пустынников, единственное по дикости природы и строгости своего безмолвія... Только здѣсь можно во всей полнотѣ ощутить и понять истинную красоту подвига христіанскаго отшельничества, — отшельничества православнаго, овѣяннаго прелестью вѣковых традицій и безчисленных преданій и легенд.

Начало Карули относится к 10 вѣку... Легенда гласит, что к преподобному Аѳанасію пришел на покаяніе разбойник и попросил у него благословенія на пустынную жизнь.

— Много грѣхов совершил, много душ невинных загубил, святый отче!.. Назначь мнѣ мѣсто и покаяніе самое строгое... Буду переносить все, чтобы спастись!

Великій «авва» внял просьбѣ грѣшника и, благословив, направил его в самую глухую из всѣх аѳон-

ских пустынь, на вершину прибрежной отвѣсной скалы, господствующей над морскою бездною Архипелага с южной стороны Святой горы. Высоту эту, считая от моря до отшельнических келій, и понынѣ опредѣляют до 800 метров, причем и теперь нѣкоторые из пустынников, чтобы спуститься вниз, продѣлывают опаснѣйшій путь, передвигаясь по веревкѣ и упираясь ногами в обрывистую каменную стѣну на протяженіи многих метров.

В фундаментальных библіотеках можно встрѣтить сочиненія Вас. Григоровича-Барскаго, знаменитаго русскаго путешественника по святым мѣстам в началѣ 18-го вѣка. Он особенно ярко и образно описывает Карулю и головокружительную высоту «орлиных гнѣзд» ея насельников-иноков:

«. . . к нему же уже приближающися путь зѣло жесток и страшен есть, яковаго еще во всем моем путешествіи не видѣх, яко четверть часа требѣ дратися и руками и ногами, сѣмо и овамо завращающися, между ужасными пропастьми каменными, над морем висящими, отнюду зрящему низу, сердце унывает и великое есть тщаніе шествующему да не како поползнется в пропасти. Со многою нуждой и терпѣніем тамо живущіи восходят и нисходят, обремененни сущи, обаче терпят Господа ради, да в вѣчной жизни имуть мзду!...»

Я рѣшил исполнить свой долг паломническій перед Карулей во время одного из своих очередных пребываній на пристани Дафни, откуда легче всего отправиться туда вдоль морского берега. И с особым удовольствіем вспоминаю теперь эту прекрасную прогулку по волнующемуся морю, разнообразіе причудливых очертаній диких и скалистых берегов и туманныя морскія дали — с противоположной сторо-

ны. Никогда не забуду и чистаго, свѣтло-голубого неба, вѣнчавшаго всю нашу крошечную группу во время пути, вмѣстѣ с ярко горѣвшим над головою солнцем, палящіе лучи котораго умѣрялись морскою влагою.

Незабываемыя переживанія, неизгладимыя впечатлѣнія!

Высоко, высоко на скалистом обрывѣ высится вдали неприступным средне-вѣковым замком живописный греческій монастырь Симонопетр. Затѣм наша лодка тихо прошла мимо Григоріата, с изумительной живописностью точно повиснувшаго в маревѣ южнаго воздуха. А за этими двумя орлиными гнѣздами слѣдовали — Діонисіат, Святой Павел и еще какіе-то истинно сказочные пріюты отшельников, уцѣпившіеся за выступы прибрежных скал.

— Страшно и смотрѣть! — услышал я за спиною замѣчаніе одного из спутников. — А вот живут там наши братья, до скончанія своего вѣка живут и подвизаются во славу Божію... А, поглядишь, вот-вот оборвется в море их гнѣздышко... Но не обрывается: кругом вѣдь ангельскія силы вѣют!..

Я молчал, слушая эти простодушныя замѣчанія моего спутника и продолжая в то же время, как зачарованный, смотрѣть на настоящее чудо Карули, многочисленныя каливки которой, по мѣрѣ приближенія нашей лодки, вырисовывались все яснѣе и яснѣе на сѣром гранитѣ скал.

— Вот так они поднимаются туда на веревкѣ! — продолжал монах. — Вы видите веревку то?.. Вот извольте примѣтить... она правѣе этих черных камней тянется... По веревочкѣ же им и пищу посылают, отшельничкам нашим. У веревки на концѣ корзиночка... Ну, и кладут в нее проѣзжающіе... Иные каливыты из этих гнѣздышек лѣт по десятку не выходят: так там и живут годами в постѣ и молитвѣ

Наша лодка остановилась, выбрав удобный береговой камень невдалекѣ от тропинки, ведущей к одному из древнѣйших скитов, Святой Анны, расположенному среди громадных нависших утесов.

Мы вышли. Я, мой провожатый и еще один монах, направлявшійся из св. Пантелеимона тоже на Карулю. Знакомство с послѣдним оказалось для меня особенно цѣнным: этот схимонах, отец Никодим, был учеником извѣстнаго всему Аѳону карульскаго отшельника — іеросхимонаха Ѳеодосія, котораго я так хотѣл повидать.

— Вот немного отдохнем на камешках, а потом и двинемся с Богом! — привѣтливо сказал отец Никодим. — Понесу сухари своему старцу.

Только теперь я замѣтил, что с о. Никодимом был нѣкоторый дорожный груз в видѣ мѣшка с сухарями.

— Вы мнѣ и свой чемоданчик извольте!— предложил он, забирая послѣдній и присоединяя к нему вдобавок еще и большой зонтик моего спутника, іеродіакона Аѳанасія. — Мнѣ подниматься туда дѣло привычное, а вам впервые все же будет трудновато.

И отец Никодим легко пошел вперед и вверх, перепрыгивая, как коза, с камня на камень и, повидимому, не прилагая никаких особенных усилій для достиженія еще далекой от всѣх нас цѣли. А мы слѣдовали за ним, но о, Боже, сколь отличным являлось это наше движеніе!

Солнце палило нестерпимо. Но укрыться от лучей его не было возможности: все было голо, скалисто, раскалено.

Останавливались мы с іеродіаконом Аѳанасіем почти послѣ каждых 10-15 шагов, иногда судорожно хватаясь за выступы скал; тяжело дышали и не мало мѣшали тѣм самым отцу Никодиму, принуждая его невольно задерживать свой прыткій ход и докучая

ему разговорами и разспросами. Но особенно тяжело было подниматься вверх моему тучному спутнику, безпрестанно утиравшему огромным платком свое лицо. Он положительно задыхался от трудности восхожденія.

Что же касается меня, то при каждой остановкѣ в гору, я находил прекрасное средство почти немедленно забывать эти трудности: стоило мнѣ обернуться — и я тотчас же дѣлался созерцателем неописуемой красоты, все время находившейся за моею спиною. Позади меня было прекрасное южное море, с его зеркальною поверхностью вод, дремавших в волшебном полуснѣ под золотыми лучами полдневнаго солнца. А над всѣм этим царством красок и свѣта спокойно стояли громадныя изсиня-темныя прибрежныя скалы, у ног которых играли и плескались прозрачныя волны. Но плескались онѣ тихо, как бы боясь нарушить царившую вокруг тишину этих удивительных мѣст.

А мы поднимались все выше и выше, оставаясь в полном невѣденіи о том, куда вел нас неутомимый монах и гдѣ нам удастся остановиться на болѣе продолжительное время.

И вдруг раздался веселый и звонкій окрик нашего вожатаго, показавшійся даже нѣсколько странным по своей простотѣ в обстановкѣ всего окружавшаго нас величія.

— Отец Дороѳей!... а отец Дороѳей! — прозвучало впереди нас. — Веду к вам дорогих гостей... землячков... выходите-е-е!..

Наш о. Никодим кричал куда-то влѣво, в направленіи к почти отвѣсному склону горы, находившемуся от нас уже совсѣм близко.

Тропинка в это время свернула влѣво, и энергичный о. Никодим внезапно исчез за какими то кустарниками, а через минуту до нас снова донесся его голос, вторично окликавшій отца Дороѳея.

Но послѣдняго так и не отыскали: по увѣренію о. Никодима, он пошел за «дровишками»...

Передохнув, мы двинулись дальше.

Тропинка взбиралась все выше и круче, а повороты ея были все чаще и неожиданнѣе... И вдруг перед нами сразу открылась каливка, положительно прилипшая своею заднею стѣною к основанію громадной скалистой стѣны. Отец Никодим, по прежнему не обнаруживавшій никаких признаков усталости от восхожденія, радостно стоял теперь перед наглухо закрытою дверцею каливки, наполовину скрытой под гирляндами какого то вьющагося растенія. Он взывал по уставному, но никто не откликался изнутри.

Видать, молится старец! — пояснил он. — Ну, да ничего, откроет...

И он вновь постучал в глухую дверцу, повторяя обычную молитву.

За калиткой послышались старческіе шаги, прогремѣл отодвигавшійся засов — и вслѣд затѣм, на фонѣ темнаго четырехугольника открывшейся дверцы, появилось перед нами прекрасное лицо старца-пустынника, одно из замѣчательнѣйших человѣческих лиц, какія мнѣ когда-либо приходилось видѣть в жизни... Оно было чистым, открытым, обрамленным бѣлыми, как лунь, волосами головы, с такою же бѣлою бородою, ниспадавшею на ветхую монашескую ряску. Но что было самым замѣчательным, самым чарующим на этом свѣтлом старческом лицѣ — это лучистые и ясные глаза, которыми он как бы обнимал и привлекал к себѣ всякаго приближавшагося. Привлекательна была и его добрая, дѣтски ласковая улыбка, как бы озарявшая все вокруг каким-то нездѣшним тихим свѣтом, не имѣвшим ничего общаго со свѣтом солнечным, щедро лившимся на прекрасную аѳонскую природу.

СТАРЕЦ ѲЕОДОСІЙ

— Милости просим, дорогіе гости! — прозвучал тихій, привѣтливый голос. — Прошу вас... входите с Богом!

Это был прославленный аѳонскій старец-отшельник, іеросхимонах отец Ѳеодосій, в далеком прошлом воспитанник Казанской духовной академіи и ея профессор. Впослѣдствіи, по глубокому духовному устремленію, он удалился на Аѳон, а затѣм ушел в отшельничество на Карулю. Здѣсь, проводя время в постѣ и уединенной молитвѣ, он не чуждался и богословских вопросов, углубляясь в них и ведя очень интересную полемическую переписку с выдающимися учеными богословами — митрополитом Антоніем (Храповицким), проф. Н. Н. Глубоковским и др.

Я спустился в его крошечную, но чистенькую келейку и всецѣло погрузился в созерцаніе этого замѣчательнаго человѣка... Я старался понять отца Ѳеодосія; присматривался внимательно и серьезно, боясь пропустить какое-либо его слово, какой либо случайный отвѣт. И в то же время с истинным восхищеніем слѣдил за его спокойными движеніями и тихим свѣтом его взгляда.

И, дѣлая всѣ эти наблюденія, я вскорѣ убѣдился в одной непреложной истинѣ:

Тихій и привѣтливый старец, отец Ѳеодосій был человѣком исключительным, необыкновенным, выходящим из ряда других людей по сочетанію тѣх доб-

родѣтелей, какія так и излучало от себя все его существо, казавшееся таким простым и несложным. Чистота душевная и тѣлесная, цѣломудренное сердце, непоколебимая и горячая вѣра во все то, во что должен вѣрить истинный подвижник, дѣтская простота и полное довѣріе к людям — все это так и сквозило из слов и жестов старца. И не было никакого сомнѣнія, что весь конгломерат добродѣтелей о. Ѳеодосія был прочно спаян в одно прекрасное цѣлое одним живительным цементом, а именно: любовью о Христѣ, соединенной с незыблемой вѣрностью православію.

Нечего уже и упоминать о том, что старец, вѣроятно, пріобрѣтал свои неземныя богатства цѣною далеко нелегкою. Дѣйствительно, о его неусыпном трудолюбіи, непрерывной молитвѣ, полном нестяжательствѣ, высокой степени воздержанія в пищѣ и полном отсутствіи честолюбія, — мнѣ неоднократно разсказывали в разных аѳонских обителях.

— Батюшка Ѳеодосій карульскій... это вода в чистом озерѣ. — сказал мнѣ один из святогорцев. — Чистая вода с зеркальною гладью... Вот это и есть о. Ѳеодосій... А небеса то Божьи в этом зеркалѣ и отражаются... вот и все!

Удивительно мудрыя сравненія можно услышать из простодушных монашеских уст.

В то время, когда я был увлечен первою бесѣдою с отцом Ѳеодосіем, другіе монахи заботливо хозяйничали на крошечной площадкѣ, гдѣ под виноградным навѣсом вкопан был старенькій столик.

Узнав о нашем прибытіи, к пустынному пріюту старца подошли его сосѣди-каливиты: о. о. Дорофей и Іоиль... А добросердечный и гостепріимный о. Никодим, ученик старца, дѣловито суетился под навис-

шей скалою над закоптѣлым и помятым самоваром, который вскорѣ и закипѣл к величайшему удовольствію присутствующих.

И мы стали пить чай. Пили его под грозно нависшею скалою на крошечной площадкѣ, гдѣ был сооружон виноградный навѣс над покосившимся столиком. Закусывали сухарями — обычною пищею мѣстных подвижников, годами скудно насыщавшими этим свои подвижническія тѣла... Было больше, чѣм скудно, но я никогда не забуду этого чудеснаго монашескаго угощенія, как не забуду и бесѣду, какую мы вели сообща в тѣ часы...

А время летѣло... И, улучив минуту, я снова удалился с отцом Өеодосіем, посвятившим мнѣ цѣлых два часа для личнаго собесѣдованія.

Никогда, конечно, не забуду я этого разговора оставившаго неизгладимый слѣд в моей душѣ на всю жизнь. Содержаніе и сущность ее я позволю себѣ, по вполнѣ понятным причинам, оставить в тайнѣ даже от моих дорогих читателей, ибо вся моя бесѣда со старцем касалась вопросов исключительно моей личной жизни. Но как видѣл и как понимал отец Өеодосій эту мою жизнь, протекавшую от него столь далеко среди мірской суеты!.. Какіе простые и в то же время мудрые совѣты преподал он мнѣ из глубины своего аөонскаго уединенія!..

И тогда только понял я, какое великое благо представляет собою для христіанскаго міра подлинное отшельничество и старчество во Христѣ; каких духовных высот могут достигнуть его истинные и достойные служители!

Затѣм, отец Өеодосій повел меня в свой крошечный «храм»-пещерку, и я простоял в нем всю вечерню, которую только чувство христіанскаго благоговѣнія не позволяет назвать сказочной, настолько сильно было своеобразное восхищеніе, охватившее

все мое существо в минуты этого рѣдкаго богослуженія.

Церковка, прилѣпившаяся к скалѣ, не превышала 4-5 шагов в длину и ширину по своим размѣрам, гнѣздилась высоко над крутым скатом. Но, что за чувства и настроенія владѣли сердцем во время моей молитвы в этом храмѣ!... Тихо мерцали восковые огарочки перед ликом закоптѣлых икон, проникновенно звучали слова молитв. А за спиною, за выходом из этого скромнаго дома молитвы... простиралось безкрайное море и синѣли суровые горные склоны, такіе далекіе и чуждые всему суетному міру. И выстаивая вечернее богослуженіе в церковкѣ отца Ѳодосія, я совсѣм позабыл в эти минуты о своей усталости от тяжелаго подъема на карульскія высоты, почти валившей меня с ног еще так недавно.

Когда вечерня окончилась, я не мог удержаться, чтобы не побезпокоить старца новою просьбой еще побесѣдовать со мною, что он и исполнил с прежнею охотой и любовью.

Мы усѣлись у входа в келійку старца и, глядя на море и прильнувшія к скалам каливки, стали бесѣдовать, как очень давніе знакомые и друзья.

Я обратился с вопросом к отцу Ѳеодосію: возможно ли спастись, живя в міру?..

Выслушав мой вопрос, старец немного задумался, а затѣм ласково сказал:

«В этом случаѣ повторю лишь слова моего учителя, оптинскаго старца, который на подобный вопрос мудро отвѣтил, что в своих рѣшеніях нужно руководствоваться здравым разсужденіем, основывающимся на заповѣдях Господних... Но при этом нужно помнить, конечно, что и всѣ добродѣтели крайне нужны тѣм, кои ищут Бога. Но мы знаем и то — продолжал старец, — что многіе изможлали свои тѣла, удалялись в пустыню, усердно ревновали

о трудах, любили нищету и, несмотря на все это, падали, склонившись на зло, и дѣлались достойными осужденія. Причина этому, что они не обладали добродѣтелью разсужденія и благоразумія, ибо эта добродѣтель направляет человѣка по прямому пути и удерживает его от уклоненія. Разсужденіе — есть око души и ея свѣтильник... Разсужденіе есть поэтому и главная добродѣтель, по опредѣленію св. Антонія Великаго, а потому нужно руководствоваться здравым разсужденіем, основывающимся на заповѣдях Господних и на любви к ближним... Удалившись от міра и покинув семью, человѣк далеко не всегда находит покой душѣ своей. Подвиги нищеты и самоотверженія могут только привести к гордости и осужденію других, и этим только отдалить от Бога... Вернитесь в дом свой, помогайте по усердію бѣдным, соблюдайте уставы св. Церкви — и получите желанный мир душѣ, и будете жить во славу Божію»...

Таков совѣт высокой и практической мудрости, преподанный святогорскому паломнику.

Время, между тѣм, летѣло. А я готов был слушать отца Ѳеодосія хотя бы и всю ночь... Но вот он поднялся и с ласковой улыбкой сказал:

— Теперь простите, простите меня грѣшнаго... Вот и солнышко заходит...

Огненный его шар, дѣйствительно, уже скрылся за горами и краски наступающей ночи быстро покрывали морскую даль.

Отец Ѳеодосій удалился в свою келійку и, как я узнал от о. Никодима, далеко не для отдыха и сна.

— Он еще молиться будет часа два, батюшка-то наш, — с любовью сказал его преданный ученик. — Рѣдкій подвижник!.. От него только и учиться нам, грѣшным монахам.

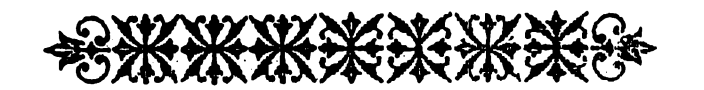
Стал накрапывать дождик и я рѣшился дожидаться утра при келіи добрѣйшаго отца Ѳеодосія, выбрав себѣ для ложа доски около отвѣса скалы, под церковкой старца. Дверь оставалась закрытой.

Ночь была теплой и тихой, с темным небом, усѣянным миріадами звѣзд...

Я улегся, но сон долго не приходил ко мнѣ: слишком необычны были впечатлѣнія минувшаго дня, из коих самым сильным была бесѣда с благостным старцем... Эту бесѣду приходилось не только помнить, но и подлинно переживать впослѣдствіи, — причем переживать не в теченіи одного лишь дня или безсонной ночи.

Под конец я все же заснул, убаюканный чуть слышным шумом моря и ласковаго вѣтерка, дувшаго со стороны аѳонских скал.

На разсвѣтѣ мы уже двигались дальше, направляясь в Кираши.

КАРУЛЯ — КИРАШИ

От келійки отца Ѳеодосія на Карулѣ, мы направились к «Кирашам» или келіи св. Георгія, куда нас любезно согласился проводить карульскій житель, о. Іоиль, безупречно знавшій туда всю нелегкую дорогу. Правда, можно было бы избѣжать сухопутнаго движенія и отправиться к намѣченной цѣли на лодкѣ, вдоль причудливо извилистых берегов Аѳона. Но на этот раз наше плаваніе оказалось невозможным вслѣдствіе неожиданнаго каприза морских вод: онѣ были покрыты «фортуною», т. е. волненіем, которое и заставило нас рѣшиться на путешествіе болѣе утомительное, но вѣрное.

— Фортуна может помѣшать нам попасть в Кираши во-время... иногда с волнами приходится бороться часами! — пояснил о. Іоиль. — Лучше уж пойдем по скалам... Конечно, трудновато вам будет с непривычки, но Господь поможет!

Отец Іоиль, дѣйствительно, был прав.

Послѣ выхода из гостепріемной келійки отца Ѳеодосія, итти в сторону Кирашей оказалось не легко, в особенности послѣ того, как южное солнце смѣнило свои утренніе лучи на дневные. А от них не могли нас защитить нависшія над тропинкою скалы, вслѣдствіе чего приходилось итти под палящим зноем, становившимся все ожесточеннѣе по мѣрѣ восхожденія солнца к полуденной точкѣ.

Узкая тропинка вилась вдоль отвѣса гигантских

скал, которыя, казалось, так и готовы были ежеминутно опрокинуться и свалиться в темную бездну, благодаря чему путь наш представлялся не только тяжелым, но и опасным.

Между тѣм, виды, открывавшiеся перед нами, с каждою минутой становились все красивѣе, все восхитительнѣе: зеленѣли, освѣщенныя ярким солнцем, заросли, покрывавшiя горы; свѣтилось за ними бирюзовое море; сказочными исполинами стояли над ними громадныя горы.

А мы поднимались, изнемогая, все выше и выше... И вдруг — поворот, а за ним спуск в горное ущелье, полное тишины, прохлады и ласковаго журчанiя еще невидимых вод. Еще нѣсколько шагов — и перед нашими глазами открылась видимая причина этой чудесной музыки: горный ручеек бѣжит по дну ущелья, насыщая все вокруг прiятною свѣжестью и даря силы совсѣм новой, буйно зеленой растительности, поднимавшейся на его берегах.

Не помню, как долго шел я этим ущельем, вдыхая в себя его чудный воздух, насыщенный бодрящим запахом каких то необыкновенных трав и цвѣтов.

— Здѣсь чудесно, по холодку то! — простодушно сказал один из монахов. — А дальше и лѣсок будет...

И, дѣйствительно, вскорѣ мы вошли в этот «лѣсок», на самом же дѣлѣ оказавшiйся громадным вѣковым лѣсом, жутким и таинственным, тянувшимся далеко, далеко во всѣ стороны... Мы долго шли этими чудеснѣйшими дебрями, слѣдуя по чуть замѣтной тропинкѣ, которую скорѣе угадывал своим пустынническим чутьем, а не видѣл о. Iоиль.

Удивителен и прекрасен был этот лѣс, как бы самим Богом предназначенный для одних пустынников и отшельников. Кругом — ни человѣческаго жи-

лья, ни пастбищ домашняго скота, ни окриков пахарей, ни встрѣчных путников на узкой и извилистой тропинкѣ. И вездѣ только одна жуткая, таинственная тишина, лишь изрѣдка нарушаемая или грохотом оторвавшагося с сосѣдних скал камня, или монотонным журчаніем источника.

Не помню, сколько времени мы шли среди этого вѣкового лѣсного царства, то роскошно-сказачнаго, то грандіозно-суроваго. Но хорошо помню только, что путешествіе это под конец меня утомило до крайности. Дошло до того, что я уже едва передвигал ноги, дѣлая каждый шаг с большим усиліем и напряженіем. А крупные дорожные камни, покрывавшіе тропинку, постоянно выскальзывали из-под ног, приближая меня к постыдному паденію.

Вечер, между тѣм, уже приближался... Из лѣсной чащи все сильнѣе вѣяло его прохладною сыростью. Но, будучи готов каждую минуту попросту свалиться на землю от усталости, я уже начинал отчаиваться, положительно не зная, что мнѣ дѣлать дальше. А келліи св. Георгія, к которой лежал наш путь, все не было и не было, не смотря на то, что шедшій впереди о. Іоиль неоднократно утѣшал меня, говоря, что она находится совсѣм уже близко.

— Вот... вот перевалик небольшой, а за ним и спуск к келіи. Теперь до нея, право же, рукой подать!

Но вмѣсто этой «рукой подать», я только видѣл перед собою новые подъемы и густой лѣс, тянувшійся, казалось, на безконечное число километров.

Наконец, тропинка пошла по болѣе ровному мѣсту, сдѣлалась как будто болѣе широкой и утоптанной. И, спустя еще немного времени, далеко внизу показалась давно желанная келія, паломничество к которой было совершено мною с таким трудом.

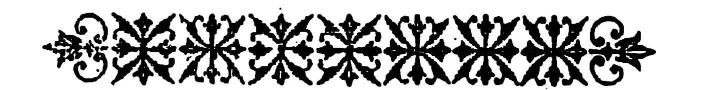
Мы достигли нашей цѣли.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ я уже находился въ обществѣ гостепріимнаго, радушнаго и простого старца отца Дороѳея и кирашанскихъ братій, вскорѣ заставившихъ меня совсѣмъ позабыть о всѣхъ трудностяхъ моего путешествія въ эту далекую обитель южнаго Аѳона.

Послѣ ужина, завершеннаго вечерней молитвой, я долго еще не ложился спать, любуясь изъ окна моей келійки чудною ночью, звѣзднымъ небомъ и доносившимся шепотомъ моря.

С мягкой звучностью пѣла ночная птица. И эти звуки, въ тишинѣ чудеснаго вечера, какъ-то успокаивали и нѣжили меня послѣ утомительнаго дня.

Невыразимы чувства, охватывающія паломника въ этой уединенной келіи у подножья вершины Аѳона!.. Такъ и слышится гимнъ хвалы и благодаренія Творцу Вселенной, воспѣваемой Ему самою природой Аѳона, заключающаго среди своихъ лѣсовъ и скалъ столько дивныхъ чудесъ.

ВОСХОЖДЕНІЕ НА ВЕРШИНУ АѲОНА

Наступило время моего восхожденія на самую вершину Святой горы, на пик ея, что считается весьма не малым подвигом даже для паломников наиболѣе выносливых и сильных. Но без этого восхожденія все же рѣдко покидает Аѳон каждый вѣрующій его посѣтитель.

— Кто не был на пикѣ Святой горы, тот все равно как бы не был и на всем Аѳонѣ, хотя бы и исходил вдоль и поперек весь полуостров... Нужно потерпѣть, помучиться и на вершину взойти непремѣнно... Так обыкновенно говорят один другому посѣтители этого замѣчательнаго монашескаго царства, обмѣнивающіеся впечатлѣніями на его территоріи. И, говоря это, порою выбиваются из сил, но все же достигают желанной цѣли.

— Сама Матерь Божья восходила на эту вершину, как же нам то, грѣшным, не потрудиться?..

Общее аѳонское преданіе гласит, что Богоматерь дѣйствительно восходила на вершину Святой горы во время Ея легендарнаго посѣщенія былой языческой Аполлоніады, а достигла ли Она самой вершины — об этом преданіе умалчивает. Но в тѣх же аѳонских легендах с необычайною яркостью упоминается о чудесном появленіи Богоматери на святогорских высотах, повлекшем за собою большія по-

слѣдствія. Случилось так, что когда Пречистая Дѣва стала приближаться к золотому идолу Аполлона, стоявшему на самом пикѣ горы, то языческое изваяніе не выдержало божественнаго присутствія Матери Бога Вѣчнаго, и, застонав, с грохотом полетѣло вниз, потонув в морской пучинѣ.

В память этого чуда и воздвигнута будто бы на одном из мѣст тяжелаго подъема небольшая церковь во имя Божіей Матери, служащая обыкновенно мѣстом отдыха восходящих на вершину паломников.

Меня разбудили на разсвѣтѣ.

И, как не трудно было мнѣ подниматься послѣ уже пережитой наканунѣ паломнической страды, все же пришлось собрать весь запас своей воли и быстро приготовиться в трудный путь. А тѣм временем заботливый старец келій уже заготовил чай и скромный завтрак; у ворот обители уже стояли в полном дорожном снаряженіи флегматично-покорныя мулашки.

День обѣщал быть прекрасным: ни одного облачка не было видно на безмятежно-голубом небѣ. Необъятною казалась и широта открывавшагося перед нашими взорами горизонта, когда мы вышли за ограду гостепріимной обители и стали взбираться на мулашек.

— В такое время лучше всего подниматься, — замѣтил спокойный проводник, кирашанскій инок.— И дышется легче, и не жарко... Пока начнет солнышко припекать, мы будем уже далеко и высоко... К тому же и на виды можно полюбоваться вдоволь... Чистота воздуха-то какая!..

И мы двинулись лѣсною чащей.

Начало нашего путешествія тотчас же дало себя знать: тропинка, по которой нам пришлось дѣлать

свои первые шаги, была чрезвычайно ухабистой, порою пробѣгавшей около самых обрывов. Даже, крайне осторожные, мулашки, непрестанно оступаясь, инстинктивно прижимались к выступам скал. Что же касается видов, то они, дѣйствительно, становились все чудеснѣе, при чем даже обрывы и пропасти, готовые безслѣдно проглотить напуганнаго паломника, казались неописуемо прекрасными и ласкали восхищенный взор.

Но долго не наступал час желанной и законной остановки для отдыха во время восхожденія на святогорскія крутизны... Наконец, все же я удостоился и этого блаженства: мы достигли келіи Пресвятой Богородицы, о которой уже было упомянуто выше.

— Подумать только, вѣдь здѣсь отдыхала Сама Пречистая! — сказал монах, наш проводник.

И когда до моего слуха долетѣли эти простыя слова, я всѣм сердцем почувствовал, какая глубокая вѣра в них заключалась. Несомнѣнно, что человѣк, произнесшій эти слова, подобно тысячам других русских людей, ушедшій от міра в афонское монашество, — непоколебимо вѣрил в чудесную легенду о восхожденіи на вершину Святой горы Той, чье Пречистое Имя славит весь христіанскій мір.

И вслѣд за этим простодушным монахом, я и сам не только уже безгранично вѣрил в это чудесное преданіе, но и ясно представлял себѣ картину отдыха Богоматери на завѣтном мѣстѣ Святой горы.. Вѣроятно и тогда, без малаго двѣ тысячи лѣт тому назад, здѣсь все было таким же, как и в наше время: так же зеленѣли, покрытые дремучим лѣсом, склоны гор, так же сверкало всѣми цвѣтами радуги южное море и такими же угрюмыми стояли гигантскія скалы над бездонными пропастями, клубившимися синим туманом. И, подобно нам, созерцала тогда эти красоты афонской природы — Она, тишайшая и чистѣй-

шая женщина міра, пожелавшая освятить Своим присутствіем будущую твердыню наиболѣе вдохновенных исповѣдников ученія Того, Кого Она столь непостижимо и чудесно родила на свѣт...

Келія Пресвятой Богородицы, гдѣ, наконец, остановились мы, представляет собою прелестный оазис среди безлюдных горных склонов. Эта обитель окружена невысокою каменною оградою, около которой живописно тянутся вверх нѣсколько больших сосен — послѣдніе представители мѣстной горной флоры, постепенно исчезающей по мѣрѣ приближенія к пику горы. Далѣе, за этою келіей, растительность совсѣм исчезает и начинаются совершенно голые склоны, движеніе по коим становится все труднѣе и труднѣе.

Крутизна, по мѣрѣ нашего движенія вперед и вверх, — все увеличивалась. И порою нам приходилось буквально висѣть над такими стремнинами, что и теперь меня невольно охватывает дрожь при одном воспоминаніи. Но, несмотря на всѣ трудности, наше движеніе вверх не останавливалось.

— Что же дѣлать... здѣсь так всѣ проходят? — ободрительно сказал кто то из иноков. — А сколько вѣрующих христіан прошло уже по этим мѣстам... и не пересчитаешь... И ничего, Господь хранит путников во имя Его...

И эти простыя слова, конечно, ободряли меня, совершенно отгоняя мрачныя мысли о паденіи в пропасть и безвременной страшной гибели. Хотѣлось только итти и итти все вперед, чтобы поскорѣе и непремѣнно достичь желанной цѣли, дабы воистину пріобщиться к высокому званію «аѳонскаго паломника», ступившаго своею ногою и на самое завѣтное мѣсто Святой горы.

Но до него все еще было не близко, а синѣвшіе повсюду отвѣсы скал становились все страшнѣе и

страшнѣе. Порою их грозные массивы прямо свисали над головой, готовые ежеминутно ринуться вниз всею своею тяжестью.

— Они и впрямь едва держатся, эти камни! — объяснил монах. — Оторвались во время землетрясеній, как говорят, да и задержались кое-гдѣ на время. А прійдет час, встряхнет их что либо опять или своя тяжесть под конец оттянет, упадут обязательно... Чай вчера слышали, как они падают-то, эти камни, когда мы шли лѣсом?.. Бѣда, когда такая гора летит к морю... ничего не оставляет послѣ себя по дорогѣ: вѣковыя сосны выворачивает с корнем... А вот, наши отцы-пустынники все же как то живут здѣсь и спасаются.

Проводник был прав. Никакая дикость природы Святой горы не останавливает келіотов и пустынников от подвижничества в ея самых диких мѣстах. И, проходя послѣдними, я много раз замѣчал их уединенныя келійки, едва примѣтныя среди дремучаго лѣса и синих скал.

Ни деревьев, ни кустика. Одна голая поверхность земли таков послѣдній и самый трудный переход при восхожденіи к вершинѣ Аѳона.

Двигаться по крутизнѣ приходилось крайне медленно, ибо ноги безпрестанно скользили, попадая на круглые камешки, разсѣянные по тропинкѣ и мѣшавшіе прочному упору подошвы. И не только для нас двуногих и непривычных путешественников был труден этот памятный подъем: изнемогли от него и наши вѣрные мулашки, которых с сожалѣніем пришлось оставить далеко внизу, тотчас же по выходѣ из келіи Пресвятой Богородицы.

Между тѣм, по мѣрѣ нашего приближенія к вершинѣ, кругом становилось все холоднѣе и холоднѣе. По совѣту проводника, мы сдѣлали краткую остановку для того, чтобы поддѣть шерстяныя куртки, без

которых не рекомендуется совершать восхожденія даже в самое жаркое время лѣта.

От келіи Пресвятой Богородицы до пика горы всего движенія немного больше часа. Но именно эта послѣдняя часть пути — самая тяжелая во всѣх отношеніях. За четверть часа ходу до вершины, гора дѣлается настолько покатою, что приходится положительно карабкаться по ней при помощи не только ног, но и рук. А в то же время за спиною все время остается безконечная пропасть, в которую скатиться можно в одно мгновеніе... Но стоило только поднять голову и взглянуть вверх перед собою, как всѣ мрачныя и тревожныя мысли о подобной катастрофѣ мгновенно исчезали: конец страднаго пути паломника, восходящаго на вершину горы, уже был ясно видѣн. Это была маленькая православная церковка, вѣнчающая собою пик знаменитой Аѳонской горы. И, глядя на этот рѣдчайшій по своему мѣстоположенію храм, я тотчас же чувствовал прилив новых сил для преодолѣнія послѣдних трудностей подъема, и карабкался вверх с удвоенной энергіей.

Наконец, завѣтная цѣль была достигнута: моя нога ступила на самое темя Аѳона, на самое высокое мѣсто этого чудеснаго края. А это мѣсто представляло собою заостренную, неправильной формы, мраморную скалу, с небольшою площадкой, посреди которой возвышался храм в честь Преображенія Господня, длиною не болѣе десяти метров.

Первою, бросившеюся мнѣ в глаза особенностью этой святыни, являлось отсутствіе креста на его куполѣ. И, примѣтив мое удивленіе, причину этого не замедлил тотчас же сообщить проводник:

— Кресты не могут здѣсь долго стоять на храмѣ, —объяснил он, — их постоянно ломает проносящимися бурями и страшными ударами молніи, от которых нѣт спасенія и ничему живому. Потому

здѣсь никто и не живет при церкви. Но усердные иноки все же стекаются сюда со всей горы для богослуженій, а особенно много молящихся бывает здѣсь 6-19 августа, в день Христоваго праздника.

С точностью трудно опредѣлить на глаз высоту пика Аѳона, но монахи считают ее свыше двух тысяч метров над уровнем моря. Во всяком случаѣ, гора эта удивительная во всѣх отношеніях и является одним из величайших чудес природы, не говоря уже об обаяніи ея святости, овѣвающей эти мѣста на протяженіи многих и многих вѣков... Безподобен, конечно, и вид открывающійся на всѣ четыре стороны свѣта со святогорскаго пика. И старые монахи мнѣ говорили, что отсюда — в ясные дни и при склонѣ солнца к западу — можно видѣть даже Константинополь, даль котораго, во время моего нахожденія на Аѳонѣ, тонула в голубом туманѣ.

Но острова Архипелага всѣ были видны, как на ладонѣ. Теперь уже почти без всяких поясненій со стороны моих спутников, я вполнѣ ясно опредѣлял острова Самофраки, Тассо и Лемнос, столь любимый Вулканом, гдѣ ковали его циклопы завѣтныя брони для витязей Ахилла и Энея... Различал берега миѳологической Трои и любовался величественным видом Олимпа, красовавшимся над Салоникским заливом своею прекрасною шапкою из вѣчнаго снѣга... Виднѣлись вдали, увѣнчанныя также сверкающими снѣгами, и синія горы Македоніи, являвшіяся по своему угрюмому облику полнѣйшей противоположностью всей цѣпи Аѳонскаго хребта, ниспадавшей к перешейку в живописных волнах буйной зелени.

Поразительное, незабываемое зрѣлище! Единственная в своем родѣ картина, какую никогда и нигдѣ полностью не смог бы передать ни один геніальный художник!

И как забавно теперь было с этой высоты смот-

рѣть на всѣ другія аѳонскія возвышенности и горы, столь внушительныя при наблюденіи их с моря, лежавшаго гдѣ-то в глубинѣ бездны. А отсюда всѣ эти великаны казались нам не болѣе как жалкими холмиками или плоскими пригорками слегка покрытыми зеленью (вѣковой лѣс!), яркость которой то и дѣло скрывалась под сѣроватыми клубами облаков, безстрастно и равнодушно проплывавших у нас под ногами.

— А вот и обители наши! — указал мнѣ монах. — Всѣ хорошо видны отсюда... вот онѣ бѣлѣют!.. Вон Руссик, Карея, Ивер... а вот и купол горит на Андреевском соборѣ!

С понятным душевным волненіем внимал я простым словам монаха, указывавшаго мнѣ на различныя подробности чудеснаго вида, развертывавшагося у меня перед глазами.

Незабываемыя впечатлѣнія!

Я вполнѣ ясно различал вдали всѣ тѣ прекрасныя и тихія обители, которыя перечислял мой спутник. И, в тоже время, я с восторгом думал о безграничном величіи того мѣста, на какое меня так чудесно занес Божій Промысел.

Аѳон, Аѳон, — думал я, — Святая Земля и Аѳон... вот два слова, два образа, два видѣнія, которыми столько вѣков жила православная душа, особенно душа славянина, душа русскаго!.. Вѣдь, если припомнить и вдуматься, то вряд ли можно отыскать для истинно православных сердец болѣе сладостное повѣствованіе, чѣм повѣствованіе о той Землѣ, которую исходил Спаситель, и о той Горѣ, на которой в святых монастырях, скитах и келліях, в высоком подвигѣ смиренія и послушанія, спасались молитвенники грѣшной земли.

Теперь, с трудно досягаемой высоты, я сам любовался всѣми этими чудными мѣстами, — мѣстами

великих иноческих подвигов, скудости тѣлесной жизни и богатства духовнаго созерцанія. И я понял, каким сладостным мечтаніем являлось в теченіи вѣков для многих благочестивых православных людей паломничество на Святую гору, и каким истинным счастьем было для них же трудно-достимижое исполненіе этих мечтаній. Я познал, что только здѣсь, на Святой горѣ, исходящій от нея невидимый свѣт, может воистину примирить человѣка с земным міром и незыблемо пріуготовить его к переходу в мір вѣчной любви и правды.

И развѣ не великим было значеніе Аѳона в теченіе вѣков?.. Весь православный мір знал, что есть на землѣ свѣтильник, озаряющій, освѣщающій и просвѣщающій несчастное человѣчество, — в особенности несчастных православных христіан, изнемогавших под всякими бѣдами. И не оскудѣвало масло в чудесном аѳонском свѣтильникѣ, ярко горѣвшем столѣтіями: росли монастыри, скиты, келліи — расширялось и украшалось все, что служило во славу Божью... На Аѳонѣ собирались сокровища искусства, книжныя богатства, мірового значенія цѣнности. Из самых отдаленных стран и глухих углов посылали на Аѳон свою жертву и богатые, и бѣдные; несли свои лепты паломники; и безконечен был поток вѣрующих людей, шедших к Святой горѣ на поклоненіе... Но не всѣ из них уходили обратно: многіе оставались навсегда на аѳонских горах, дабы трудом и молитвою не только спасти свою душу, но и пріумножить эту духовную трапезу, от которой вкушало все православіе.

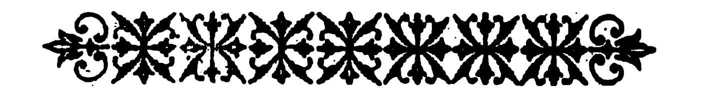
Так было вѣками... пока Всевышнему, владѣющему всѣми временами и сроками, не было угодно ниспослать роду человѣческому новыя и тяжкія испытанія. Пронеслась по грѣшной, напоенной неправдою, землѣ военная гроза; в смертельной схваткѣ

христіане стремились уничтожить друг друга; сильные поднялись на слабых, и, казалось, померкло само солнце от кроваваго тумана. А, в результатѣ, этой неслыханной кровавой схватки народов, совершилось дѣло безконечно горькое для всѣх истинных православных христіан: православное русское государство, хранитель и поддержка дѣла Божьяго на Святой горѣ, — зашаталось и чуть было не рухнуло... Столп и опора всего восточнаго православія, русскій народ, впал в скудость и невѣріе, перестал быть благочестивым паломником и вѣрным помощником оскудѣвающей Святой горѣ.

— Тяжелыя, скорбныя времена настали теперь и для нас, грѣшных! — как бы в отвѣт на всѣ эти мысли, так меня волновавшія, сказал монах проводник, терпѣливо стоявшій в двух шагах от меня, в то время как я любовался чудным видом разбросавшихся внизу благолѣпных обителей.

— Вот вѣдь... сколько вѣков существовал Аѳон, а теперь то что-же с ним будет?.. И паломничество замерло, и молодых иноческих сил не прибывает больше... Нельзя: не допускают... Теперь и работать-то в славянских обителях ну, право же, некому: одни, почитай, старцы остались... Куда уже старикам производить теперь рубку лѣсов и доставку бревен к берегу моря... И стоят вот аѳонскія богатства без пользы, пока не придут сюда новые мірскіе хозяева. А они только того и ждут, только и ждут!

Монах с грустью поник головою, подѣлившись со мною этими невеселыми мыслями, повидимому, неотступно волновавшими теперь и всѣх других обитателей вѣкового монашескаго царства на Святой горѣ Аѳонской.

В ДРЕВНЕЙ ЛАВРѢ

Темнѣло.

Теплая, ласковая ночь, тихо обнимая своей черной пеленою все, что ни встрѣчалось у нея на пути, неслышно надвигалась от моря на старую лавру.

Был канун осенняго праздника.

Дальнія и ближнія обители уже тонули в ночном сумракѣ среди густой зелени, которая сплошь одѣвала дикіе крутые склоны лаврскаго берега. А в потемнѣвших лѣсных зарослях совсѣм-совсѣм близко, чуть не у самых стѣн древней лаврской арсаны, мелодично звучали колокольчики пасущихся стад.

Но вверху, на горѣ, гдѣ стоял старинный лаврскій собор во имя Пресвятой Богородицы, тѣсно сгрудились древнія строенія, которыя соединялись многочисленными переходами и были обнесены толстыми стѣнами. Это — цѣлая крѣпость, каменный замок лавры. Кругом высокая стѣна с маленькими башнями: крѣпко отгородились монахи от міра! Впереди высится башня Іоанна Цимисхія, четырехугольная, с зубцами. Из-за стѣны виднѣются купола, а по стѣнѣ кельи. В общем, что-то архаическое, отжившее, но красивое и на всю жизнь памятное.

На колокольнѣ медленно погасали послѣдніе отблески короткой осенней зари, и в эти мгновенія вся древняя лавра стояла озаренная тихим, готовым померкнуть, отраженным свѣтом.

По тѣсному монастырскому двору расхаживали

богомольцы и аѳонскіе сиромахи. И в гулкій шум шагов по каменным плитам, в тихій шелест одежд и осторожный говор, — через открытыя окна собора, вливались разрозненные, безсвязные отрывки всенощнаго пѣснопѣнія. Суровый греческій напѣв, оставляя под тяжелыми сводами всю свою строгость, прилетал сюда, под открытое небо, тихим и гармоничным.

Всюду здѣсь чувствовалось предпраздничное благоговѣйное настроеніе. И казалось, вся древняя лавра жила теперь напряженно особою, чуждою для остального міра, жизнью. Богатая вѣрою давно умерших поколѣній, она ревниво берегла в своих стѣнах вѣрующих, пришедших почтить память великаго святого. И, обвѣянная молитвенными звуками, она встрѣчала надвигавшуюся ночную темноту строгая, высокая, в своей вѣковой святости недоступная призрачному и мимолетному очарованію этого тихаго угасающаго дня...

А осенняя ночь медленно ползла между тѣм снизу наверх. Все ближе, все тѣснѣе сжимала она в своих крѣпких объятіях и далекіе берега засыпающаго моря, и цѣпи прибрежных холмов горной стороны, строенія и деревья, лаврскія церкви и башни — и все, что так рѣзко, так непохоже и чуждо было друг другу еще так недавно при ясном дневном свѣтѣ.

Исчезали, сливались со тьмою монастырскія стѣны. А над ними и поверх их по своему, тихо, уже шептались очнувшіяся от дневного забытья деревья, протягивая свои развѣсистыя, длинныя вѣтви. Монастырскія сады тѣсно сплетались в ночной тьмѣ с пышною лѣсною зарослью, искони покрывавшей прибрежные склоны, выступы и кручи.

И если под черным покровом ночи обезцвѣчивалась веселая, нарядная одежда земли, то на смѣну

ярким цвѣтам и причудливым обликам дня — просыпались радостныя, так же неисчерпаемо-разнообразныя благоуханія и пѣсни ночи... А на потемнѣвшем небесном сводѣ загоралась, как всегда, блестящая, загадочная, еще не понятая никѣм на землѣ, картина вѣчности, сотканная из безчисленных звѣзд.

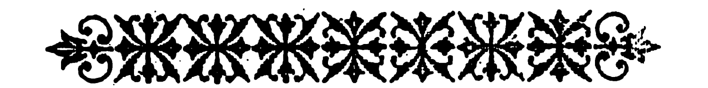
В природѣ начиналась своя торжественная, многозвучная всенощная, полная творческаго вдохновенія и молитвеннаго восторга... И вдруг, в эту нѣжную музыку южной ночи ворвались, брошенные невидимою рукою с лаврской колокольни, многогласные звуки благовѣста: долгая монастырская служба закончилась. Толпа монахов и богомольцев, расплываясь во всѣ стороны, наполнила собою дорожки и выходы лавры. Вѣрующіе шли на ночлег усталые, но растроганные и умиленные, бережно унося с собою настроеніе сладостнаго забытья. Рождалось оно в чутких сердцах искреннею молитвою в этом святом мѣстѣ, гдѣ развилась и окрѣпла когда-то вѣра их предков.

И куда ни шли вѣрующіе, всюду — за ними и впереди их — несся торжественный праздничный благовѣст... Гулкіе металлическіе звуки без жалости вытѣсняли и гнали, далеко прочь от лаврских святынь, вкрадчивые голоса суетнаго міра. И святая древняя лавра, словно очнувшись от обнявшаго ее очарованія, — вся каждым камнем своего помоста, всѣми своими могильными плитами и сѣдыми стѣнами, башнями и церквами, — зазвучала в отвѣт, гулко отражая привычные звуки своих колоколов и посылая их в теплый и чуткій воздух неспящей осенней ночи.

И до самого моря неслись они, властные, благовѣствуя и призывая к молитвѣ. И там безслѣдно погасали, — уже обезсиленные, уже побѣжденные ласковыми чарами южной ночи...

Но вот звон смолк. Так же рѣзко и неожиданно, как и начался. И, как всегда послѣ сильнаго шума, наступила чуткая, жадная до звуков, растревоженная тишина. Отовсюду неудержимо хлынули странные, неуловимые и обманчивые голоса ночи.

Ночь совсѣм спустилась над древнею лаврой... Еще тѣснѣе сомкнулись потемнѣвшіе и обезлюдѣвшіе каменные великаны. Разошлись по своим келіям монахи.

ПОД ЛИВНЕМ

Дождь утих. Разсѣялись тучи.

И я поспѣшил тронуться в путь на Крестовскую келлію... Поспѣшил — и за это был жестоко наказан.

Вышли мы из «Кирашей» при хорошей погодѣ. Было лишь немного облачно. Путь наш лежал через горы, покрытыя густым лѣсом, и меня к ним увѣренно вел монах-грек, отец Яков, отлично изучившій всѣ аѳонскія тропы. Но уже в самом началѣ пути я замѣтил, что о. Яков нѣсколько раз стал безпокойно оглядываться назад, пристально всматриваясь в небо, покрытое легкими облачками.

Но я не придавал особаго значенія этому безпокойству, так как не предвидѣл, что аѳонскіе дожди грозят большими непріятностями. А эти непріятности все же заставили себя почувствовать — и очень скоро.

Едва мы обогнули гору и двинулись по вьющейся тропинкѣ ея лѣсистаго склона, как внезапно рѣзко захолодало и заморосил холодный дождик, усиливавшійся с каждою минутой... Отец Яков еще раз взглянул на сѣрое небо и безнадежно махнул рукою, пробормотав что-то по гречески. Огорченіе его было вполнѣ понятно: пройдя еще немного, мы уже всецѣло попали во власть проливного дождя, оказавшагося вдобавок еще и немилосердно холодным.

Все вокруг нас подернулось суровым туманом, холодныя дождевыя струи били в лицо, пробѣгавшая

под ногами тропинка сдѣлалась скользкой и трудно проходимой... А итти вперед было все же лучше, чѣм стоять на одном мѣстѣ, ибо, несмотря на зеленый лѣсной свод, под которым мы шли, безчисленыя водяныя стрѣлы пронизывали насквозь вѣтви старых деревьев.

И мы все шли вперед — промокшіе до нитки, не находившіе нужным теперь обмѣниваться друг с другом хотя бы единою фразой, ибо говорить не хотѣлось.

А дождь все лил и лил, все неистовствовал... Гдѣ-то в сторонѣ, там, гдѣ синею полосой тянется аѳонскій обрывистый берег, одна за другою проходили в туманѣ ливня крошечныя каливки, подобно ласточкиным гнѣздам, прилѣпившіяся к отвѣстным скалам. Промелькнул далеко внизу греческій скит св. Анны, а дальше — уже начиналось море, не имѣвшее теперь ничего общаго с чарующим морем тихих и солнечных аѳонских дней. Оно в эти минуты было ужасным и жестоким: темное, свинцово-сѣрое, до самаго горизонта покрытое бушевавшими волнами. Оно все было теперь одною угрозою, одним неистовством, казавшимся безконечным.

Жалкіе и мокрые насквозь, мы подошли к портѣ греческаго монастыря с. Павла — и, когда я взглянул на часы, то не без удивленія убѣдился, что мы находились под безпрерывным ливнем не менѣе двух часов. И на мгновеніе мелькнула мысль поискать спасенія от дождя и холода в этой Павловской обители. Но сейчас же эта мысль и исчезла, так как остановка и ночлег в этом чужом монастырѣ был неудобен во всѣх отношеніях. И поэтому я рѣшил продолжать свой трудный путь, чтобы, несмотря на всѣ его невзгоды, все же к вечеру добраться до гостепріимной Крестовской келліи.

От св. Павла дорога шла все выше и выше. Все

замѣтнѣе увеличивалась и ея крутизна, с каждым шагом затруднявшая наше движеніе... А дождь тѣм временем еще усилился, окончательно создавая впечатлѣніе разверзшихся небес, низвергавших на несчастную землю настоящіе водопады, сквозь холодную стихію которых то и дѣло прорывались ослѣпительныя молніи, сопровождаемыя громом.

Положеніе наше, как путников, осложнилось до крайности. И я до сих пор удивляюсь, как мнѣ удалось все же не сорваться с тропинки под порывом холоднаго вѣтра, способнаго сбросить каждаго из нас в любую пропасть, подобно какой-нибудь мокрой козявкѣ... А давно уже умолкшій, отец Яков теперь даже и не оглядывался: мокрый, он перескакивал с камня на камень, забираясь все выше и выше.

Но вскорѣ нас встрѣтила новая неожиданность: мы попали в полосу густых облаков, обволакивавших вершину горы, на которой мы находились. И в двух шагах уже нельзя было различить окрестных предметов, каковыми единственно только и были стволы вѣковых деревьев горнаго лѣса. Онѣ шумѣли и трепетали, как былинки, — эти могучіе великаны аѳонской флоры, будучи готовы ежеминутно рухнуть нам на голову под порывами отчаяннаго вѣтра.

Начало темнѣть... Мокрою и окоченѣвшею рукою я кое-как вынул часы и установил, что мы теперь находились в пути уже ровно четыре часа, из которых три прошли непрерывно под холодным ливнем, который, казалось, никогда не окончится. Я чувствовал, что силы меня покидают. Холод пронизывал до костей мое измученное тѣло, вода хлябала в тяжелых спортивных ботинках. Я начинал все чаще терять равновѣсіе при движеніи по скользкой тропинкѣ и нѣсколько раз судорожно хватался за свисавшія откуда-то сверху вѣтви, чтобы не упасть. И я стал горячо молить Бога, чтобы Он поскорѣе по-

слал нам какое-либо человѣческое жилье и не дал мнѣ пропасть окончательно там, гдѣ всею душою преданные Ему иноки стремятся к спасенію.

Не знаю, но весьма возможно, что эта моя молитва, вызванная необычными переживаніями под аѳонским ливнем, и была услышана... Мы еще нѣкоторое время поднимались вверх, причем я почти утратил всякую надежду на какое-либо облегченіе нашего передвиженія, как почувствовал, что ноги моего мулашки легко и свободно зашагали по ровной и гладкой поверхности. Это был горный хребет и перевал, за которым уже слѣдовал спуск на восточную сторону Аѳона, — спуск, казавшійся для меня настоящим блаженством.

Но послѣднее предположеніе мало оправдалось. Как пришлось вскорѣ убѣдиться, спускаться было еще неизмѣримо труднѣе по сравненію с подъемом. Тропинка, не измѣнявшая нам при послѣднем в наиболѣе тяжкія минуты, теперь безслѣдно исчезла, предоставив нам скользить вниз по поросшей мокрою травою цѣлинѣ, чередовавшейся с каменистыми склонами, в самой минимальной мѣрѣ представлявшими собою опору для усталых и обутых в промокшую и тяжелую обувь ног, в то время как сучья и кусты, покрытыя колючими вѣтвями, то и дѣло цѣплялись за нашу одежду.

А вѣтер тѣм временем здѣсь задувал еще яростнѣе, еще упорнѣе, как будто бы поставив себѣ задачей обязательно доканать нас при концѣ путешествія. Но достичь этого ему все же не удалось, несмотря на всѣ усилія.

Как мы продѣлали послѣднюю часть нашего спуска — я даже не помню теперь. Но, в результатѣ, все же очутились у горной подошвы мокрыми, окоченѣвшими, исцарапанными, но все же живыми.

Еще нѣсколько минут... и перед нами уже пред-

стала порта вожделѣнной келліи Воздвиженія Креста Господня. А, спустя немного времени, из всѣх уголков этой милой сердцу моему обители стали появляться ея насельники — всѣ до единаго радушные, отзывчивые и, вмѣстѣ с тѣм, не на шутку перепуганные нашим видом. А послѣдній, дѣйствительно, оставлял желать много лучшаго: четыре часа непрерывнаго пребыванія под холодным дождем и вѣтром превратили нас в существа, ничего не возбуждавшія, кромѣ сожалѣнія и скорби.

— Пресвятая Троицѣ! — услышал я возглас добрѣйшаго отца Досиѳея. Да как же это вы шли-то в такую непогоду, сердечные?.. А мы то всѣ думали, что вы в лаврѣ заночуете из-за дождя!...

Как оказалось, иноки Крестовской келліи были освѣдомлены о моем скором прибытіи, поджидали с утра, но потом рѣшили, что я, будучи застигнут страшным ливнем, свернул на ночлег в лавру св. Аѳанасія. А мы с отцом Яковом этого не сдѣлали, путешествовали по пустынной горной дорогѣ вдали от лавры и теперь стояли перед озабоченными насельниками Крестовской келліи во всем своем печальном обличьи.

— Ну, что же подѣлаешь, — замѣтил о. Досиѳей, — видно так судил Господь... Пожалуйте теперь, дорогой гость, в помѣщеніе... обсушить вас надобно поскорѣе!

Мои друзья обошлись со мною, как с человѣком потерпѣвшим кораблекрушеніе. Они поспѣшно ввели меня в чистенькую келійку, а затѣм энергично раздѣли, не без труда стащив с меня отяжелѣвшее платье, бѣлье и утратившую всякій вид, еще так недавно совсѣм новую, обувь.

— Принеси настойки, отец Исаія! — сказал схимонах Досиѳей, осторожно продвигая меня к стоявшей у стѣны монашеской койкѣ. — Нельзя без на-

стойки обойтись теперь!... А у нас, аѳонцев, онѣ всегда в запасѣ.

Этих лѣчебных настоек из различных цѣлебных трав, дѣйствительно, у моих друзей оказалась цѣлая аптека. И не прошло нѣскольких минут, как их крѣпкая жидкость стала усиленно втираться сноровистыми руками в мое тѣло, все еще насквозь пронизанное холодом и сыростью. И с какою заботливостью и неослабѣвающею силой производилось обоими монахами это втираніе, в то время когда я совершенно безпомощным лежал на койкѣ, покорно отдавшись власти моих замѣчательных и любвеобильных врачей!

Закончив растираніе, монахи перешли к внутреннему согрѣванію моего организма: мнѣ дали выпить горячей «ракички», за которой послѣдовала небольшая порція такого же горячаго краснаго вина. Вслѣд затѣм, тепло укрытый и окончательно обезсилѣвшій, я быстро уснул в гостепріимной келійкѣ, гдѣ уже пылала жарко натопленная русская печь.

— Чемоданчик-то нужно просушить! — слышал я, засыпая, хлопотливое указаніе о. Досиѳея, разбиравшагося в моем злосчастном багажѣ. — Только трудно будет со всѣми этими вещами... все прокисло: и бумажник, и записная книжка, тетрадки и листки... И чернила-то смылись...

Но грустныя сообщенія о печальной участи, постигшей дорогія мнѣ дорожныя замѣтки, долетали до меня, как из другого міра.

Ночью я нѣсколько раз просыпался, не выходя окончательно из лихорадочнаго полузабытія, как в туманѣ мѣнял бѣдье, обливаясь страшною испариной и с тревогой ощущал зловѣщую боль в боку, не предвѣщавшую мнѣ ничего хорошаго. И не было бы ничего удивительнаго, если бы я заболѣл самым жестоким восполеніем легких послѣ всего пережитаго

во время моего незабываемаго путешествія по горам и лѣсам Аѳона в ненастное время и... в лѣтнем костюмчикѣ.

И все же я избѣжал этого. Заботливые иноки гостепріимной русской келліи были настоящими слугами Божьими в тяжелыя минуты борьбы моего тѣла с наступавшею на него болѣзнью.

Над моею койкой в теченіе всей ночи наклонялась то одна, то другая темная фигура, прислушивавшаяся к моему дыханію, то помогавшая мнѣ стаскивать рубашку, промокшую от испарины, то подносившая мнѣ к устам кружечку с холодным чаем и лимоном, один глоток котораго уже приносил мнѣ облегченіе. Утром же я снова был подвергнут растиранію цѣлым рядом лѣчебных настоек, но мои заботливые «врачи» не допускали при этом даже мысли о разрѣшеніи мнѣ подняться с ложа. И покинул я его, окончательно избѣгнув опасности, только на четвертый день, когда в мое ослабѣвшее тѣло стали вновь прибывать здоровыя силы. Я не заболѣл ни восполеніем легких, ни другою какою-либо болѣзнью. И я это отношу исключительно к прямой милости Божьей и заботами удивительных божьих слуг, спасших меня от долгаго недуга и даже, быть может, безвременной смерти там, гдѣ я стремился почерпнуть новыя духовныя силы для дальнѣйшей жизненной борьбы.

.. ..

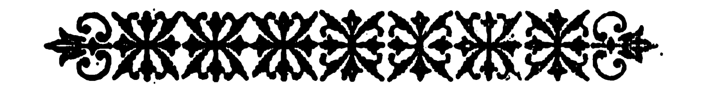
Я люблю всѣ русскія пустынныя келліи на Святой горѣ и чувствую себя в каждой из них — среди простых и неискушенных насельников — как среди давних, испытанных и сердечных друзей. И принимают келліоты своих гостей с каким то особым радушіем, искренней простотою и трогающей заботливостью. Поэтому я чувствую себя среди них всегда как то особенно радостно, покойно и родственно просто.

Так хорошо мнѣ всегда во всѣх русских келліях. Но все же должен при этом признать, что особенная радость и покой наполняют мою душу, когда я нахожусь в келліи Воздвиженія Креста Господня, гдѣ живописная природа и чарующіе виды сливаются с исключительно симпатичным характером и укладом жизни милѣйших ея насельников.

Да и виды отсюда открываются поистинѣ восхитительные!

Глянешь направо — чудный вид на вершину Аѳона и зеленѣющій простор окрестностей, гдѣ среди лѣсов и полей виднѣются бѣленькія келлійки с виноградниками и фруктовыми садами. Посмотришь налѣво — по склонам, утопая в зелени, разбросались многочисленныя обители, а дальше — Карея... и блестят величественные купола св. Андреевскаго скита. Прямо — широчайшій вид на лазурное море с затуманенной далью и узкой полоской Дарданелл.

Эти виды ласкают и развлекают очарованный взор, навѣвая молитвенный покой в истомленную душу.

В СКИТУ ПРОРОКА ИЛІИ

Широкоплечій и крѣпко сшитый, средняго роста, с улыбающимся лицом и умными глазами — он встрѣтил меня в пріемном залѣ для гостей. И вдруг на меня пахнуло чѣм то родным, уютным и дѣтски близким. Я так и почуял себя там, у себя... и не только в Россіи, но на просторах родных полтавских и черниговских полей, среди их хуторов, высокой конопли и волнующейся пшеницы.

Это был игумент Свято-Ильинскаго скита, архимандрит о. Іоанн. Он — игумен «по традиціи», ибо весь скит по той же традиціи — украинскій, запорожскій...

Около двухсот лѣт тому назад, основан был этот скит блаженным старцем Паисіем Величковским — коренным украинцем, знаменитым переводчиком святоотеческих писаній с греческаго языка на русскій. С тѣх пор и пошел обычай принимать в эту прекрасную и романтичную обитель, по преимуществу, уроженцев южно-россійских губерній, каковые и понынѣ составляют значительное большинство братіи...

На долю русскаго Ильинскаго скита выпало большое счастье считать своим основателем великаго старца, достойнаго удивленія по его высокой духовной жизни, подвигам и трудам. Этим знаменитым старцем был выше помянутый Паисій Величковскій, который в 1757 году и основал этот замѣчательный скит. И он дал Ильинскому скиту своеобразный свя-

той отпечаток — простоватой ласковости и христіанской кротости.

В ранней молодости инок Платон, — снѣдаемый жаждой пустыни, безмолвія и уединенія, — покинул родную Украйну и отправился в Валахію, гдѣ в то время процвѣтало монашество. Но вскорѣ душа его, постоянно стремившаяся к Богу, возжелала совершеннаго удаленія от людей и от мірских соблазнов и, наслышавшись о Святой горѣ Аѳонской, он отправился туда. Здѣсь он принял постриг в мантійные монахи с нареченіем Паисіем.

Когда, спустя нѣсколько лѣт, собралось вокруг смиреннаго Паисія цѣлое братство, он испросил у греческаго монастыря Пандократора необитаемую и ветхую келлію во имя пророка Иліи. И вскорѣ на мѣстѣ этой келліи основал уже скит с русскими в нем насельниками.

Своею подвижническою жизнью, трудолюбіем, смиреніем, кротостію и любовію ко всѣм — о. Паисій прославился по всей Святой горѣ и был в великом у всѣх уваженіи. Но не долго, однако, суждено было этому свѣтильнику свѣтить на Аѳонѣ и согрѣвать души ищущих спасенія. С увеличеніем братства, стало невозможным содержаніе его и, забрав с собою 64 инока, о. Паисій отправился в Валахію, гдѣ получил большой монастырь.

По уходѣ старца Паисія, скит св. Иліи преимущественно пополнялся черноморскими казаками, которые, разновременно приходя на Святую гору, селились в нем. Не вмѣщаясь внутри скита, монахи начали устраивать себѣ келліи внѣ его. А средства для жизни иноков и содержанія храмов получались из доходов рыбной ловли на рѣкѣ Дунаѣ и от пожертвованій Черноморскаго войска.

Во время греческаго возстанія 1820-21 г. г. на Аѳон нахлынули турки и, в числѣ других обитате-

лей, разорили и Ильинскій скит, братія котораго разбѣжалась и частію спасалась в Россіи... Только в 1830 году они снова водворились в родном скиту и приложили много усилій, чтобы привести его в прежнее состояніе. Но со времени этого новаго поселенія братіи на Аѳонѣ и возстановленія скита, черноморцы болѣе уже не поступали в этот скит, а опредѣлялись туда лишь русскіе или запорожскіе казаки, состоявшіе в подданствѣ Турціи.

В это тяжелое время, когда скит возставал из развалин и нуждался в помощи, туда явился замѣчательный человѣк, выдающійся ктитор и благодѣтель, — іеромонах Аникита, в мірѣ князь Ширинскій-Шихматов.

Но полнаго процвѣтанія скит достиг лишь при старцѣ Паисіи 2-ом. Этот трудолюбивый настоятель перестроил весь скит и к 1850 году закончил большой план своих работ. Число иноков снова стало умножаться и вскорѣ опять уже недоставало помѣщенія для вновь поступавших. И потому он воздвиг еще один огромный корпус, в котором устроил и двѣ церкви. Жертвенные благодѣтели из Россіи помогли скиту устроить величественный собор и в то же время удовлетворить всѣ потребности обители. Все это довело ее до того цвѣтущаго состоянія, которое она обрѣла наканунѣ великой войны, когда представляла собою огромную и благолѣпную общежительную обитель... В это время Ильинскій скит имѣл уже и свои обширныя подворья в Одессѣ и Константинополѣ.

Преданіе гласит, что знаменитый подвижник и основатель Свято-Ильинскаго скита, великій старец Паисій, был человѣком, сѣявшим вокруг себя сѣмена христіанской кротости, и необыкновенной доброты. Его простодушная, искренняя ласковость согрѣвала каждаго, кто имѣл радость с ним встрѣтиться... Вот,

по всей вѣроятности, от него, от перваго настоятеля этой обители, и перешла по традиціи та же ласковость и теплота ко всѣм его послѣдователям, понынѣ населяющим Ильинскій скит.

И нынѣшній игумен, отец Іоанн, — привлекает своим радушіем и ласковостью. Это человѣк одаренный, с глубоким, природным умом. Хотя этот ум не чужд и своеобразной «хохлацкой хитрецы», которая иногда невольно проскальзывает при разговорах о дѣлах хозяйственных... За то хозяйство и дѣловая часть у о. Іоанна поставлены выше похвал и видно по всему, что от его проницательнаго глаза не скроется ничего в обители — ни в ея Божьих домах, ни в мастерских, ни на огородах и виноградниках.

Скит св. пророка Иліи расположен на сѣверо-восточном склонѣ Аѳонской горы, на холмѣ весьма красивом и живописном, но пустынном. С трех сторон этот скит окружен высокими горными склонами, покрытыми вѣчною зеленью лѣсов и кустарников. И только с восточной стороны он совершенно открыт, обнаруживая тѣм самым великолѣпный вид на море с лежащими вдали, на голубой глади вод, темными пятнами островов. Это — Тассо, Имбро и Самофраки, а также обширный и хорошо знакомый нѣкоторой части наших добровольцев и бѣженцев, остров Лемнос, наполовину скрытый за голубым туманом.

За тѣм же туманом, но еще болѣе густым и уже молочно-бѣлым, едва виднѣется на сѣверо-востокѣ снѣжная заоблачная цѣпь гор Македоніи. А там — высоко, высоко, в густой лѣсной чащѣ, что к сѣверо-западу от Ильинскаго скита — едва бѣлѣется небольшой болгарскій скит Ксилургу во имя Пресвятыя Богородицы. В древнія времена и он принадлежал русским монахам... Значительно ниже, на разстояніи какого-нибудь получаса хода от скита св. Иліи, красуется древній греческій монастырь Пандократор,

обнесенный высокою стѣною с еще болѣе высокими башнями.

Пандократор издали — это не монастырь в современном представленіи, а скорѣе полный средневѣковаго величія замок какого-нибудь короля Флорестана, подобный тѣм замкам, какіе любил изображать на своих иллюстраціях знаменитый французскій художник Дорэ...

От Ильинскаго скита до Кареи два часа хода, а до моря — полчаса. Скит удален от дороги. Вблизи него нѣт ни единаго человѣческаго жилья. И потому здѣсь постоянная тишина и безмолвіе, много способствующія инокам проводить жизнь особенно сосредоточенную и неразсѣянную.

Здѣсь, в этом тихом и чудном скиту, который живописно и величественно раскинулся в гущѣ лѣсной, — я провел незабвенных нѣсколько дней. Я посѣщал благолѣпныя церковныя службы, занимался в библіотекѣ, душою отдыхал в разговорах со своими новыми друзьями и много гулял по верхним террасам сада и виноградника, навѣщая милых своих земляков.

Но все же самым сильным воспоминаніем о родном мнѣ Ильинском скитѣ является всегдашняя радостная память о церковных службах в этой благолѣпной и тихой обители. Помимо ежедневных служб, я имѣл счастіе встрѣтить здѣсь и один из особо чтимых двунадесятых праздников, когда всѣ тлужбы вообще отличаются особою торжественностью. Но всенощное бдѣніе здѣсь, на Аѳонѣ, все же выдѣляется своею красотою, славою и своеобразіем.

Наканунѣ праздника часов в пять ударили в било. И этот стук возобновляли три раза в теченіе получаса. Потом ударили в большой колокол, а за благовѣстом послѣдовал и трезвон...

Пріятно удивило меня в храмѣ и привлекло вни-

маніе, когда прекратилось чтеніе псалма и часть стихов его стали пѣть попеременно оба хора. Пѣніе это умиляло и невольно вливало религіозную бодрость. А когда стемнѣло совсѣм, величественный собор начал освѣщаться в разных мѣстах лампадами и свѣчами, а послѣ одиннадцати часов началось бдѣніе, столь утомительное для непривычнаго паломника. Повторяю — утомительное, но в то же время и признаю, что молитвенное чувство не только не ослаблялось в теченіе бдѣнія, а даже, наоборот, все возрастало...

Плавные, точно воздушные экклезіархи, проникновенное полупѣвучее чтеніе почтенными старцами, таинственный полумрак храма и мерцающія пахучія свѣчи — все это создавало особое и проникновенное настроеніе. А, между важнѣйшими моментами бдѣнія, тѣ же неслышные экклезіархи погружали церковь в еще большій мрак. И тогда мерцали лишь лампочки у канонархов и лампады у чудотворной иконы.

Впечатлѣніе глубокое и неизгладимое в душѣ моей оставило чудное пѣніе. И, говоря это, я далек от преувеличенія: кто имѣл счастье слышать это пѣніе и видѣть всю плѣнительную стройность, чинность и благоговѣйность аѳонскаго богослуженія, тот не может не восторгаться им. Я и теперь как бы еще слышу эти чистые высокіе голоса, — свободные и естественные; это неспѣшное, благоговѣйное вниманіе хора к словам канонарха; это ловимое сердцем и износимое из сердца, как хвала или как молитва, повтореніе их... Подобно пѣнію, и чтеніе отличалось точностью правильностью и выразительностью.

Утреня окончилась только послѣ четырех часов утра.

Перед началом праздничной литургіи был один только трезвон. Огромный собор сіял свѣтом и вели-

колѣпіем, а богослуженіе наполняло душу высокою радостію, принятію которой, конечно, не мало содѣйствовало и минувшее бдѣніе, отстранившее от мысли и сердца столько ненужных впечатлѣній... Нарядныя облаченія, чинное и благолѣпное кажденіе дьяконами, торжественные выходы духовенства — и это все усиливало незабываемое настроеніе.

С неизъяснимо сладким чувством покоя в душѣ покидал я этот чудный и тихій скит, сердечно провожаемый игуменом о. Іоанном и свободными от послушанія иноками, среди которых особенною любовью меня окружали мои вѣрные друзья и земляки-монахи о. Рафаил и о. Петр.

Само собою так случилось, что на прощаньи всѣ мы снова говорили о Россіи, о великих испытаніях, выпавших на ея долю. Говорили о том великом злѣ, которое теперь так побѣдоносно разгуливало по земным просторам, взростившим и вскормившим в дѣтскіе годы большинство братьев Свято-Ильинскаго скита.

Вспоминали свою прекрасную родину старцы-молитвенники аѳонскіе. Но вспоминали по своему, по монашески, без всякаго намека на ненависть и злобу против кого-либо...

— Нехай вже буде так... тільки прийде, прийде цей великій день, прийде Воскресеніе! — спокойно и увѣренно сказал один из моих провожатых, старый инок из моего же уѣзда. — Прийде день коли ми під гомин веселих звонів друг друга обнимемо и скажемо: «Христос воскрес и смертію смерть поправ»... Прийде цей день.

И видно было, что в пришествіе этого великаго дня и для Россіи, и для Украины, и для всего міра — непоколебимо твердо вѣрил старый инок из уроженцев Полтавской губерніи и всѣ другіе его братья во главѣ с отцом игуменом.

ПАНДОКРАТОР

Стояло раннее утро и облака бѣлыя, как молоко, залегли между курчавых гряд святогорских предгорій. Они шевелились там, ползли и тѣснились, как проснувшіяся стада овец; раздвигали и задвигали свои туманныя завѣсы, в прорѣзи которых сверкали алмазы и выглядывала таинственная голова далекаго и сѣдого великана — вершины Аѳона.

В это чудное утро, в обществѣ благостнаго іеромонаха о. Николая, спускался я по крутой тропинкѣ к морю. Круто зигзагами, среди густых зарослей, сбѣгала она все ниже и ниже... Но вот и оно — лазурное море, пѣнящимися волнами забѣгающее в узкій рукав залива, над которым замер древній и с виду совершенно пустынный греческій монастырь Пандократор... Высокій утес, омываемый с двух сторон морем, и четырех-угольная стѣна с высокими бойницами, выросшими здѣсь еще в глубинѣ вѣков.

Воздвигали эти стѣны и башни в 13 и 14 в. в. блестящіе царьградскіе сановники и воины, Алексѣй и Іоанн Комнены — стратопедарх и примикирій... Алексѣй Комнен был горячим и самоотверженным защитником византійской независимости и во главѣ своих солдат освободил в 13 вѣкѣ Константинополь от власти латинян. В память этой побѣды он и постановил основать греческій монастырь-крѣпость на Аѳонѣ, дав ему при закладѣ наименованіе «Пандократор», что значит по гречески — Вседержитель.

Было время, когда греческій Пандократор сіял

своим благолѣпіем на весь Аѳон и славился богатством украшенія своих храмов далеко за предѣлами этого славнаго монашескаго царства. Но историческія осложненія и столкновенія народов неодвократно заставляли Пандократор переживать самыя жестокія невзгоды и лишаться своих цѣннѣйших богатств и украшеній. А одною из таких замѣчательных драгоцѣнностей монастыря является и понынѣ знаменитая чудотворная икона Матери Божьей Геронтиссы, с которою связано множество трогательных преданій и чудесных легенд.

«Геронтисса» — по гречески значит СТАРИЦА, женщина прожившая свой вѣк и окруженная, благодаря своей старости, особым почитаніем людей юных и неопытных.

Нам извѣстно, что Матерь Божья послѣ Голгоѳскаго чуда и послѣдовавшаго за ним Вознесенія Своего Божественнаго Сына прожила на землѣ еще длинный ряд лѣт. Слѣдовательно, перед своим успеніем Она достигла подлиннаго возраста старицы в отношеніи своего вида внѣшняго, физическаго. Вот такою старицей или геронтиссой и изобразил в глубинѣ вѣков Богоматерь неизвѣстный греческій художник, принадлежавшій, несомнѣнно, к наиболѣе выдающимся представителям византійскаго искусства своего времени.

Матерь Божія-Старица изображена во весь рост без младенца в руках...

— От этой иконы, силою Самой Царицы Небесной, не раз совершались чудесныя событія! — благоговѣйным шепотом сообщил мнѣ русскій проводник-монах, когда я прикладывался в исполненном тишины храмѣ к знаменитому чудотворному образу. — А сама икона-то, почитай, сто лѣт пролежала в колодцѣ, в водѣ и ничего: всѣ краски цѣлы... Об этом не мало и в книгах написано...

Мой инок-проводник не ошибался.

В исторіи Святой горы и ея насельников неоднократно упоминается о чудесных проявленіях силы и власти Божьей, отмѣчавших исключительную святость иконы Богоматери-Геронтиссы... Когда опустошавшіе Византію сарацины напали на Пандократорскій монастырь и стали его грабить, то, прельщенные богатством ризы иконы Геронтиссы, они сорвали эту ризу, а самую икону бросили в колодезь.. Совершив это святотатство, разбойники двинулись в дальнѣйшій путь по греческим землям для новых грабежей и разбоев. Но послѣдних им совершить уже не удалось: всѣ мусульмане-сарацины, принимавшіе участіе в кощунственном поступкѣ над христіанской святыней, были поражены в дорогѣ слѣпотою... В этом они сами признали кару Божью за свои богопротивныя дѣйствія. И в рубищах слѣпцов-нищих, отстав от своего войска, побрели злосчастные сарацины-святотатцы в свои края, повсюду по пути, среди христіан Византіи, распространяя вѣсть о случившемся... А когда прошли времена жестоких войн и пандократорскіе иноки снова возвратились в свой разрушенный монастыр, — они нашли чудотворную икону в колодцѣ невредимою, несмотря на долгіе годы ея пребыванія в водѣ.

Икона Богоматери Геронтиссы — икона благочестивых старцев. И, в особенности, благочестивых старцев больных, немощных, умирающих. В теченіе столѣтій Она неоднократно изъявляла свою особенную попечительность о таковых. А потому не один старый инок Аѳона, готовясь к переходу через завѣтный смертный рубеж, обращал свои мысли к небесному покровительству -пандократорской Владычицы.

— Однажды было так, что Матерь Божья Сама явилась очередному монаху во время литургіи, —

разсказывал мнѣ проводник. — Монах был самый обыкновенный... служит в порядкѣ монастырскаго послушанія — и вдруг видит: засіяло все в храмѣ и сходит с иконы Сама Богоматерь-старица... «Поспѣши с окончаніем службы и иди с дарами к старцу, что готов испустить душу в братском корпусѣ... Торопись!» — молвит Богоматерь... Поразился смиренный іеромонах, закончил обѣдню, но старца успѣл все же причастить перед смертью...

И много раз проявлялись подобные случаи.

.. ..

Солнце уже склонилось к закату, когда я очутился на одном из высоких балконов монастыря, откуда хотѣл сфотографировать наиболѣе живописные уголки монастыря. И вдруг передо мною предстал нѣсколько робкій и невзрачный на вид молодой монах, с трудом изложившій свою просьбу моему спутнику.

— Просит, чтобы вы зашли с вашей фотографіей к его старцу... Он келейник... А старец-эпитроп готовится к смерти... Послѣдняго издыханія, так сказать, ожидает... И, вот, значит, просит вас сдѣлать с него и келейника фотографію...

Я, конечно, с охотою, но не без смущенія отправился исполнять просимое.

Старый эпитроп, тихо угасавшій от неизлѣчимаго недуга, лежал на своем скромном монашеском одрѣ, в довольно мрачной кельѣ, находившейся внутри стариннаго корпуса. Это была одна из многочисленных келій, расположенных в стѣнах древняго Пандократора и устроенных в глубинѣ вѣков. А умирающій насельник ея уже представлял собою нѣчто среднее между еще живым старым человѣком и полувысохшими мощами, состоявшими из костей и кожи, прикрытыми складками черной монашеской ряски.

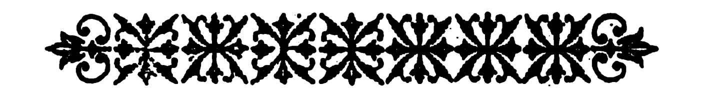
При помощи спутника моего, отца Николая, ке-

лейник облек в схиму умирающаго старца и стал рядом с одром его. А я, сдѣлав снимок, пообѣщал успокоительно, что фотографіи будут присланы немедленно же послѣ их обработки и напечатанія.

— Пожалуйста! — тихо по гречески сказал умирающій. — Да хранит вас Господь Пандократора на всѣх путях ваших... Исполать вам, добрый господин!

И я покинул келью отходившаго в вѣчность инока, унося с собою в суетный мір фильм с его снимком, котораго самому эпитропу уже увидѣть не удалось, так как моя посылка не застала его в живых...

Был трогательно тихій, меланхолическій час, когда мы медленно всходили обратно по крутой тропинкѣ холма, извивавшейся между кустами и деревьями. День умирал во всем своем роскошном уборѣ... Тихо колыхалось море своим безбрежным, радостно волнующимся простором. Высилось над нами неподвижной синевою чистое, южное небо.

КАРПАТОРОСС О. ІАССОН

Опять вокруг меня разстилались зеленые просторы этого чуднаго края. Безмолвныя горы с их крутизнами и густою растительностью, уходящими к голубому небу строгими кипарисами и серебрянным зеркалом моря, синѣющим из-за изумрудной листвы. А там, далеко внизу, в дымкѣ тумана, виднѣлись тихія бухты, острова и мірскіе поселки.

Тропинка вилась среди густых зарослей... И не помню, как я добрел до этого чудеснаго уголка, открывшагося на моем пути как-бы совсѣм случайно, ибо о его существованіи, повидимому, забыл и мой спутник-монах.

— Да здѣсь никак пасѣка Крумицы! — спохватился он, стараясь разсмотрѣть что-то за густою зеленью листвы. — Так и есть... она самая!... Здѣсь отец Іассон спасается и Божьих пчелок обслуживает... Любопытный монах... вот сейчас сами увидите! — закончил мой спутник, іеромонах Харлампій, смѣло сворачивая куда-то в сторону от тропинки.

Минута — и он, отодвинув какой то засов, уже пропускал меня в небольшую калиточку, за которою вилась узенькая тропинка, пробѣгавшая над глубоким оврагом, густо заросшим кустарником и деревьями. А вокруг, казалось, на много километров не было никакого человѣческаго жилья — настолько дикою представлялась вся окружающая мѣстность.

И вдруг мы почти вплотную подошли к малень-

кому домику, в который вели двѣ двери: прямо, повидимому, в жилое помѣщеніе, а по терраскѣ направо — в крошечную церковку, гдѣ мерцали лампадки. И я невольно, сразу же, направился во внутрь этого рѣдкостнаго миніатюрнаго храма, чтобы приложиться к святыням его.

Дѣйствительно, рѣдкостным был этот храм, созданный руками всего лишь одного человѣка и в то же время содержавшійся в исключительном порядкѣ и чистотѣ... Как прохладно было в нем послѣ нашего значительнаго перехода под палящим зноем. И какая пріятная истома овладѣла всѣм тѣлом, когда, помолившись перед закоптѣлым образом, я вышел снова на церковный порог и усѣлся на скромной террaскѣ.

Только тогда, осмотрѣвшись по сторонам, замѣтил я вдали на косогорѣ множество ярко окрашенных ульев, разбросанных, подобно грибам, по большой лужайкѣ. А около одного из ульев увидал фигуру монаха в подрясникѣ и с защитною сѣткою на головѣ.

— Отец Іассон, а... отец Іассон! — прокричал мой спутник, повидимому, предпочитавшій издали сообщить хозяину о нашем приходѣ и не рѣшавшійся переступать завѣтныя границы пасѣки, гдѣ жужжали пчелы. — Бросайте работу, о. Іассон... я вам гостя привел... идите сюда!..

Монах-пасѣчник помахал нам издали рукою в знак своего согласія. И вскорѣ его освѣщенная ярким солнцем фигура стала приближаться к келлейкѣ, гдѣ мы дожидались его на террaскѣ. С невольным любопытством стал я поджидать этого старца-пасѣчника, ибо иной встрѣчи не мог себѣ и представить... Каково же было мое удивленіе, когда вскорѣ на террaску взошел не старец, а еще очень молодой инок, всего нѣсколько лѣт назад вступившій на землю Аѳо-

на простым міряниюм-паломником из Прикарпатской Руси, а затѣм уже навсегда оставшійся для монашеской жизни у подножія Святой горы.

Отцу Іассону на вид было не больше тридцати лѣт. Но какою серьезностью и глубоким пониманіем принятаго на себя суроваго подвига вѣяло от всей его скромной фигуры, облеченной в грубый подрясник! А, вмѣстѣ с этой серьезностью, как-то удивительно сочеталось и дѣтское простодушіе, и искренняя ласка в голосѣ, и способность без всякаго усилія с его стороны вселять в душу своего собесѣдника покой и тишину, чего в мірской обстановкѣ рѣдко можно ожидать и от пожилого человѣка.

Весь этот инок был как бы соткан из умиротворенія и ласковости. И спустя двѣ три минуты послѣ начала нашей с ним бесѣды, я уже чувствовал, что нахожусь всецѣло во власти этого молодого, тихаго и скромнаго инока, несмотря на значительную разницу наших лѣт.

— Рад, очень рад, дорогіе гости, что посѣтили мою пасѣку, — медленно говорил отец Іассон, здороваясь с нами. — Здѣсь у меня хорошо, тихо... никто и не заглядывает сюда подолгу... В сторонѣ от дороги стоит моя пасѣка. Да это и лучше для пчелок... А вы из Сербіи, господин? — спросил он, посмотяѣв на меня чистыми глазами. — Хорошая это страна, Сербія православная... Как там здравствует молодой король и святѣйшій патріарх? Вѣдь это наши дорогіе защитники и покровители... У меня и фотографіи их есть. Вседневно молю о них Бога, дабы Он, Всевышній, дал им силы и духовную мощь для великой работы во славу нашей церкви.

Я едва успѣвал отвѣчать на вопросы монаха-пасѣчника, стараясь в то же время удовлетворить его вполнѣ понятную любознательность.

— Впрочем, что же это я, грѣшник? — снова

спохватился наш любезный хозяин. — Вѣдь вы, вижу, измучились за дорогу под зноем, а я все болтаю и болтаю... Сейчас принесу вам холоденькаго кваску, а вы тѣм временем посидите и отдохните.

И он быстро скрылся для того, чтобы спустя немного времени появиться с кувшином, наполненным холодным и шипящим домашним квасом.

— Рѣдкій человѣк! — замѣтил мой спутник. — Добрый и работящій, и монах замѣчательный этот о. Іассон... Из карпатороссов он... Вот пришел с партіей своих земляков, да так и остался... «Не хочу» — говорит — «больше возвращаться в мір: истина только здѣсь — и нигдѣ больше»... Послушаніе проходил у замѣчательнаго старца-пасѣчника... Постригли его и вот оказался и сам прекрасным пчеловодом, когда схоронил своего старца... Больше ста ульев имѣет теперь, со всѣми ими сам управляется. Цѣлый день на работѣ, а ночью в церкви... Очень строгій подвижник!..

Мы долго сидѣли на маленькой террасѣ отца Іассона, попивая чудесный квас и наслаждаясь ароматным свѣжим медом, цѣлая гора котораго, в янтарных сотах, благоухала перед нами на блюдѣ, любезно поставленном гостепріимным хозяином. А вокруг тихо млѣла под лучами солнца все та же восхитительная природа, дышавшая цвѣтами, медом, воском и кипарисами. Она окончательно погружала душу и тѣло в состояніе безмятежнаго покоя.

— Ну, что же это я... все квас да квас! — спохватился милый хозяин. — Постойте минутку, я сейчас поставлю самоварчик... Ну, как же без горячаго чайку-то обойтись?.. Вѣдь русскіе-то люди ко мнѣ пожаловали, а я все только разговорами их потчую...

И вслѣд за этими словами отец Іассон пригласил

нас перейти во внутреннее помѣщеніе, увѣрив. что там удобнѣе и прохладнѣе.

Через минуту мы уже сидѣли в маленькой и полутемной пріемной келійкѣ, увѣшанной по стѣнам какими то портретами, разсмотрѣть которые мнѣ сначала мѣшала темнота. Но уже вскорѣ, когда привык к ней глаз, я не без удовольствія разсматривал каждое, висѣвшее на стѣнѣ, изображеніе, так как почти всѣ они оказались близкими моему сердцу.

Я увидѣл здѣсь портреты русских государей и цариц; долго смотрѣл на прекрасную литографію отрока-мученика наслѣдника Алексѣя Николаевича, снятаго еще в десятилѣтнем возрастѣ; узнал и величественныя, но грустныя черты страдалицы великой княгини Елизаветы Феодоровны... А рядом с ними находился и портрет покойнаго короля сербскаго Александра, также мученически закончившаго свой славный, но тернистый жизненный путь...

Отец Іассон, повидимому, сразу почуял, какія мысли и настроенія овладѣли мною при созерцаніи этих изображеній и с какою-то удивительною скромностью сказал:

— Любуетесь... что-же, вѣдь и я карпатоpосс, православный, русскій... Никогда ни в Москвѣ, ни в Петербургѣ не был, а все же Россію за свою любимую родину почитаю... Не привел Господь увидѣть — такова Его святая воля, но молиться за всѣх вас и за матушку Россію мы, грѣшные, не перестаем... И придет час... воскреснет она из мертвых... Развѣ может быть иначе?..

— Как вы свыклись здѣсь в одиночествѣ, о. Іассон? — спросил я немного позднѣе, когда на столѣ кипѣл небольшой самоварчик, а на чистой скатерти, вмѣстѣ с медом, красовались и куски чернаго, вкуснаго хлѣба. — Не тоскуете вы по родным мѣстам, по вашим Карпатам, по родным и близким?

Молодой монах спокойно улыбнулся.

— Что же тосковать о них?.. Господь и над ними всѣми и надо мною грѣшным... Если бы я зналъ, что буду о мірѣ вздыхать в монашествѣ — и не шел бы в монахи... По своей вѣдь волѣ остался здѣсь... Да и чего скучать-то о мірѣ: вы сами видите, какая здѣсь у нас благодать... чего-же еще больше человѣку нужно? Только работать и молиться подобает — тогда никакая тоска и в сердце не войдет...Работы здѣсь достаточно: пчелы требуют, чтобы во всякое время года им служить. Но не оставляет меня Господь ни силами физическими, ни милостями духовными... А пчелки... ну, право же, замѣчательное твореніе Господнее, эти пчелы: от них одних чему только поучиться можно...

Отец Іассон замолчал, продолжая смотрѣть на меня с тихою и доброю улыбкой.

Я уже больше не рѣшился безпокоить его ненужными вопросами о его жизни и переживаніях, так как хорошо понимал, что у этого молодого инока был свой опредѣленный и вѣрный кругозор, которому можно было только позавидовать.

КИНОВІИ И ИДІОРИТМЫ

Жизнь монахов на Аѳонѣ издавна отлилась в своеобразныя формы, которыя сохранились в подлинном своем значеніи и в настоящее время. Нынѣ на Аѳонѣ существует 20 больших монастырей еще от времен византійских, удержавших за собою наименованіе царских и ставропигіальных*). Они занимают господствующее положеніе среди других учрежденій (скитов, келлій, калив) Святой горы, независимы друг от друга по своему внутреннему устройству и управленію и вполнѣ самостоятельно распоряжаются на землях и участках, им издревле принадлежащих. А, в зависимости от своего устройства и управленія, эти монастыри раздѣляются на КИНОВІИ (или общежитія) и ИДІОРИТМЫ (или штатные).

Вопросы питанія своего тѣла меньше всего интересуют не только отшельников, но вообще всѣх аѳонских иноков. Уже с первых дней своего пребыванія на Святой горѣ каждый ея монах твердо усваи-

*) Ставропигіальными (или патріаршими) монастырями называются такіе, которые подчинены непосредственно патріарху помимо мѣстной епархіальной власти, хотя и находятся внѣ константинопольской патріархіи, на греческой территоріи. Права патріаршей ставропигіи монастыри получали потому, что патріархи были или сами их основателями, или брали их под защиту от других ктиторов. В том и другом случаѣ, при созданіи монастыря, происходило водруженіе креста — ставропигія — или самим патріархом или его намѣстником.

вает главную афонскую заповѣдь: все — для возвышенія духа и молитвы, и ничего для услажденія и укрѣпленія своего тѣлеснаго естества. И это обстоятельство в значительной степени облегчает их пребываніе в «киновіях» — своего рода отшельнических общинах, замѣчательных весьма строгою и подвижническою жизнью всѣх своих братій.

Строгость жизни в таких киновіях усугубляется и еще одною особенностью, незнакомой даже и одиночным отшельникам. Эта особенность — полнѣйшее отреченіе всякаго инока (киновіота) от своей воли, поступленіе в безграничное распоряженіе своего духовника и настоятеля, становящагося как бы головою одного общаго тѣла, членами котораго являются всѣ младшіе братія киновій... Настоятель направляет каждое дѣйствіе такого брата, назначает его на всѣ работы, опредѣляет время продолжительности послѣдних и по своему усмотрѣнію регулирует и часы отдыха братіи, всегда являющіеся до крайности непродолжительными между молитвою и послушаніем... Ни один из братій киновіальной обители не может выйти без благословенія за ограду монастыря и слѣпо подчинен велѣніям своего духовнаго главы. А он, в свою очередь, несет на своих плечах тяжкій крест отвѣтственности перед Богом за души всѣх спасающихся под его началом.

Поэтому духовнику должны быть извѣстны не только всѣ дѣйствія и поступки ввѣренных ему от Бога братій, но и всѣ их скрытые и сердечные помыслы... И, при дружной совмѣстной работѣ духовника и настоятеля с братіей, — киновійцы всегда достигают замѣчательных духовных результатов. И вся такая киновія бывает овѣяна полною гармоніей духовной жизни, чуждой каких-либо неурядиц и преній, свойственных мірским общежитіям.

Слѣдует отмѣтить, что у киновійцев никогда не

имѣется никакой личной собственности. И в этом — замѣтное отличіе киновійцев от келліотов, которые, как извѣстно, представляют собою тип своеобразнаго аѳонскаго инока-хозяина, не только обладающаго своим имуществом, но даже оставляющаго послѣ себя нѣкоторое наслѣдство наиболѣе достойным своим собратьям и помощникам.

А по строгости жизни, насельники общежительных обителей, очень часто, вполнѣ приближаются к одиночным отшельникам-каливитам. Трапеза в киновіях всегда очень скромная, почти скудная; по понедѣльникам, средам и пятницам, а так же и в теченіе всего поста — киновійцы принимают пищу всего один раз в сутки, не употребляя при этом ни рыбы, ни масла. Ѣсть внѣ трапезы им строго воспрещается, точно так же как и сходиться в келіях для излишних разговоров друг с другом... Благодаря этому, вся жизнь этих людей, достигающих порою глубокой старости, проходит в непрерывных общих молитвах и славословіи Творца, чередующихся тяжелыми послушаніями и работами.

Утреня у киновійцев ежедневно начинается в полночь. За утренею непосредственно слѣдует ранняя литургія, а за нею, послѣ кратчайшаго перерыва, — поздняя. За два часа до захожденія солнца начинается вечерня с повечеріем, а под воскресенье и праздничные дни — всѣ иноки простаивают всенощное бдѣніе в буквальном смыслѣ продолжающееся всю ночь.

И так — изо дня в день, из года в год — течет монашеская жизнь в аѳонских киновіях...

В настоящее время к общежительным или киновіальным монастырям на Аѳонѣ принадлежат слѣдующіе 12: русскій — св. Пантелеимона и болгарскій — Зограф, а также греческіе — Костамонит, Григо-

ріат, Діонисіат, св. Павла, Кутлумуш, Симоно-Петр, Каракалл, Ефсигмен, Ксенофонт и Ставроникита.

В Противоположность киновіям, *идіоритмами* называются монастыри, в которых нѣт ни общей жизни, ни общаго имущества, ни равенства прав, ни власти игумена. Отцы или братія идіоритма раздѣляются на проистаменов или проэстосов (наставников-руководителей) и пангеніонов (простых членов общины).

Проэстосы управляют и руководят жизнью монастыря. Из среды их избирается священное собраніе (синаксис), которое представляет высшую в обители власть и выполняет свое служеніе через посредство двух, избираемых собраніем, эпитропов или довѣренных и одного дикея, дѣйствующих во всем под надзором и руководством синаксиса.

Но, чтобы не был упразднен, освященный издревле, обычай управленія в монастырях при посредствѣ игумена, таковой избирается и в идіоритмах, но, конечно, только из класса проэстосов. Только в идіоритмах игумен не долго остается у власти, даже и номинальной: через нѣсколько дней по избраніи, он канонически отказывается от игуменскаго званія, получает наименованіе проигумена, т. е. бывшаго игумена, и опять вступает в среду проистаменов, к которой принадлежал и до игуменства.

В идіоритмах монахи живут отдѣльно и обособленно друг от друга, не имѣя ни общей трапезы, ни общаго имущества. Здѣсь монахам разрѣшается имѣть и собственное имущество, на доходы с котораго большинство из них и живет. Но только проистамены могут имѣть какую-либо значительную собственность, движимую или недвижимую (сады огогоды). Многіе из них живут в особых монастырских

помѣщеніях, как в собственных домах, имѣя своих послушников... При жизни проистамены могут распоряжаться своим имуществом по личному усмотрѣнію, но послѣ смерти их собственность цѣликом переходит в монастырь.

В настоящее время к идіоритмам принадлежат слѣдующіе 8 монастырей, из коих семь — греческих и только один — сербскій. Греческіе идіоритмы: лавра св. Аѳанасія, Иверскій монастырь, Пандократор, Ватопед, Дохіар, Ксиропотам и Филофей, а также сербскій монастырь — Хилендар.

Послѣ монастырей, второе по значенію мѣсто, в ряду иноческих учрежденій на Святой горѣ Аѳонской, принадлежит СКИТАМ.

Скит есть иноческая община, состоящая из множества монашеских келлій (или аскитирій), расположенных на землѣ какого-либо из больших и древних аѳонскх монастырей. И центром этой общины служит киріакон, т. е. соборный храм и расположенная близ него главная калива скита, в которой живет дикей, то есть настоятель скита, избираемый всѣм братством. Он управляет скитом при помощи двух эпитропов и нѣскольких соборных старцев.

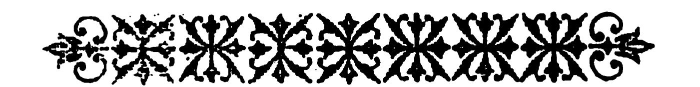
Все это относится к скитам греческим, а русскіе — Андреевскій и Ильинскій — имѣют внутреннее устройство и управленіе по образцу общежительных монастырей.

Но высшее управленіе келліями, а равно и цѣлым скитом, принадлежит тому монастырю, на землѣ котораго скит расположен... Вот в этой зависимости и заключается главное отличіе аѳонских скитов от монастырей. Так, напримѣр, скит имѣет право принимать в состав братства новых членов; но приглашать епископа, для рукоположенія достойных лиц в священныя степени, без разрѣшенія своего монасты-

ря, не имѣет права. Без разрѣшенія того же монастыря, скит не имѣет права ни ремонтировать свои зданія, ни тѣм болѣе производить новыя постройки и вообще какія бы то ни было сооруженія. На своем участкѣ земли, пріобрѣтенном по купчей, скит все же не имѣет права производить ломку камня или рубить деревья, хотя бы и насаженныя своими иноками!.. Монастырь взыскивает с иноков, живущих в скитах на его землѣ, особую плату. Он же признает и утверждает выборы должностных лиц (игумена, эпитропов, дикея), избираемых братством. Монастырь же пользуется правом умиротворять внутренніе раздоры в скитах и рѣшать всякаго рода недоумѣнія и затрудненія. Но, в свою очередь, монастырь обязывается защищать интересы скита, находящагося на его землѣ.

Всѣ взаимныя сношенія и обязательства, всѣ права скита и порядок его внутренней жизни, регулируются спеціальными договорами и грамотами, составленными по соглашенію киріархальнаго господствующаго монастыря с подчиненными ему скитским учрежденіем. Эти грамоты, для большей безопасности и офиціальности, доводятся до свѣдѣнія центральнаго управленія Святой горы и утверждаются константинопольским патріархом.

И скиты по своему устройству раздѣляются на идіоритмы или штатные и киновіи или общежительные. Нынѣ на Аѳонѣ существует 12 скитов, из коих 7 населены греческими монахами; 3 — русскими (Андреевскій, Ильинскій и Ѳиваида); 1 — молдавскій и 1 — болгарскій. Большинство из них принадлежит к идіоритмам, но русскіе скиты всѣ устроены по типу киновій. Из послѣдних, скиты Андреевскій и Ильинскій — по внутреннему своему благоустройству, богатству (до революціи) и обилію иноков — стоят наравнѣ с монастырями, а нѣкоторые даже и превосходят...

КЕЛЛІОТЫ, КАЛИВИТЫ И СИРОМАХИ

«Воля твоего игумена и духовника — должна быть твоею волею!.. Ни одно дѣло, ни одно рѣшеніе не может выходить из предѣлов этой воли!.. Иначе — ты не монах, иначе — будет закрыт для тебя путь к небесному царству!»

Так говорят старцы, наставляющіе будущих иноков.

И эту истину твердо усваивают всѣ, рѣшившіеся на несеніе монашескаго креста, старые и молодые люди, еще задолго до того момента, как им придется повергнуться ниц перед постригающим, держащим в руках символическія ножницы.

Постриженіе совершается — и большинство перешедших эту грань «удостоившихся», впослѣдствіи, довольно легко свыкаются со своим суровым положеніем иноческаго «безволія» и полнѣйшей покорности высшей церковной власти... Случается, однако, что иной постриженец оказывается не всегда подходящим для несенія «креста безволія», несмотря на искреннее стремленіе к подобному подвигу.

Такими «неудачниками» являются, обыкновенно, уже пожилые постриженцы, долгое время обитавшіе в міру и привыкшіе к полной самостоятельности. И, несмотря на глубокую вѣру и стремленіе к молитвѣ, таким людям все же бывает крайне трудно свыкнуть-

ся со строгим формализмом монастырскаго устава. Тогда такой монах впадает в уныніе, переживает сложную внутреннюю борьбу, а затѣм находит выход, дающій ему возможность и в дальнѣйшем «спасаться» на землѣ Святой горы, не подвергаясь всевозможным искушеніям и нашептываніям духа зла, вытекающим из несогласія с трудностями общежительной формалистики.

Обыкновенно такой монах в концѣ концов, с благословенія настоятеля и своего духовника, покидает киновію и идет в «невѣдомую даль» по зеленым просторам Аѳона, отыскивая себѣ мѣсто, гдѣ ему было-бы удобнѣе спасаться в частичном или полном пустынническом уединеніи.

Лучше всего устраиваются тѣ, у кого имѣются кое-какія собственныя деньги, кое-какія сбереженія. Тогда такой искатель уединенія, нѣкоторое время путешествует по разным обителям, знакомясь с их жизнью, а затѣм снимает за опредѣленную плату у какого-либо монастыря клочек земли. А чаще случается, что такой искатель уединенной монашеской жизни, при слабых матеріальных рессурсах, просто заарендовывает старенькую и заброшенную келлейную усадебку, в которой и селится. Если же капитал монаха солидный, — как часто бывало в довоенное время, — то он приступал к постройкѣ на пріобрѣтенном участкѣ собственной келліи, которая нерѣдко представляла цѣлый корпусок, (а чаще и нѣсколько), с отдѣльной церковкой, хозяйственными службами, огородами и виноградником.

Вполнѣ естественно, что, несмотря на искреннее желаніе такого хозяина-келліота самолично трудиться на своем участкѣ, — однѣх рабочих рук самого хозяина все же не может хватать. И тогда такой новый келліот приглашает к себѣ на участок нѣсколько бѣдняков-монахов, тоже стремящихся к созерцатель-

ной жизни за оградами общежительных монастырей... Вскорѣ новый келліот начинает жизнь в своей келліи своеобразною жизнью аѳонскаго хозяина, не переставая, однако, быть в то же время и настоящим примѣрным иноком, преслѣдующим одну главную цѣль: спасеніе своей души и неустанную молитву по всѣм правилам святогорскаго устава. А, приглашенные в келлію, «братья» — поступают в подчиненіе своему старцу, пользуясь попеченіем и заботами его.

Слѣдует отмѣтить, что, несмотря на такой самостоятельный характер возникновенія подобных келлій, в их обиход автоматически проникает, обязательный для всѣх обитателей Аѳона, древній устав, который строго регулирует жизнь и отношенія монахов-насельников. Благодаря этому, хозяин келліи тотчас же становится старшим над всѣми своими собратьями-иноками. При этом он именуется «старцем» и «учителем», не взирая на то, что очень часто этот «старец», по годам и сану, бывает значительно моложе своих собратьев и учеников... Но общему дѣлу и полному согласію такое положеніе ничуть не мѣшает. И старец, и ученики всегда с охотой и рвеніем относятся ко всякой работѣ, твердо преслѣдуя в то же время цѣли общаго спасенія и совмѣстной молитвы.

Каждый из старцев-хозяев, приступая к дѣятельности на пріобрѣтенном или заарендованном земельном участкѣ, тотчас же снабжается монастырем, от котораго получен участок, — особою грамотой, носящей названіе «омологія». В ней точно обозначены права и всѣ детали, касающіяся владѣнія старцем полученною от монастыря землею или келліей. При этом в омологіи означены также и имена иноков-наслѣдников, в руки коих должна перейти келлія послѣ смерти ея старца. И таких наслѣдников в омологіи упоминается двое — первый и второй.

В довоенныя времена, встрѣчались русскіе стар-

цы-келліоты, имѣвшіе до 120 человѣк братіи при очень благоустроенных келліях. И какой порядок был у них в хозяйствѣ, как согласно работали они со своими старцами для процвѣтанія келліи. Ну, право, как пчелы с маткой своею!.. Теперь, конечно, таких многолюдных келлейных обителей уже нѣт на Святой горѣ: тяжесть пореволюціонных лѣт, главным образом, коснулась именно их. И самое большее, что имѣется теперь в больших келліях... это 8-10 человѣк, из коих большинство, как правило теперь, немощные старцы.

При таких условіях, легко себѣ можно представить печальное существованіе нынѣшних аѳонитов-келліотов!..

Таковы, в общих чертах, настроенія и стремленія отдѣльных монахов-келліотов, селившихся отдѣльно от монастырей по соображеніям, изложенным выше...

Но есть ряд святогорских насельников, которых толкают на выход из общежительных обителей настроенія, совсѣм несхожія с настроеніями вышеописанных иноков, которые просто трудно сживались со строгостью устава больших монастырей. Это — отшельники духовнаго порядка, значительно высшаго; это — отшельники, ищущіе полнаго уединенія для болѣе глубокаго молитвеннаго общенія с Богом, Котораго только и желают имѣть своим незримым и постоянным руководителем.

И, исповѣдуя такія убѣжденія, люди эти уходят в свои пустынныя становища, отыскиваемыя не без труда... Дѣло в том, что подобный отшельник, в противоположность келліоту, обыкновено не имѣет никаких денег. И эта категорія, искателей уединенія, является настоящими бѣдняками, не способными на пріобрѣтеніе для себя даже самых необходимых вещей. Но желаніе уединиться и вести пустынническую жизнь по образцу древних отшельников — заставляют их преодолѣвать всѣ препятствія.

Приспособив, кое-как, для своего примитивнаго жилья, какое-либо помѣщеніе, уединившійся обитатель начинал вести образ жизни затворника, не зная никаких помощников, собратьев, сожителей и питаясь только сухарями, получаемыми из милости от ближайшаго монастыря... Иногда у такого старца-отшельника находят пріют и 1-2 ученика, тоже ищущіе уединенія, созерцательной жизни и отшельническаго подвига.

Случается, что такой подвижник забирается и в болѣе отдаленныя и глухія мѣста Святой горы. И там «собирает» себѣ собственными руками каливку, которая обычно мала и убога. Но такой пустынник и не заботится вовсе об удобствѣ и размѣрах своего помѣщенія. Было бы только укрытіе от дождя и непогоды и, что самое существенное, чтобы оно находилось как можно дальше от другого жилья, людей и их голосов, столь мало способствующих дѣлу спасенія души и богомыслія.

Удалившись таким образом от міра, подобный аѳонскій отшельник, обычно, в него уже болѣе и не возвращается. Все это люди, исключительно, большого характера, твердой воли и неугасимой, безграничной вѣры в правоту своего дѣла. И лишь изрѣдка, преимущественно по праздникам, эти отшельники отправляются в ближайшій монастырь или храм келлейной обители для того, чтобы пріобщиться Святых Таин и взять сухарей. Но долго там они не задерживаются, избѣгая лишних разговоров с монастырскими иноками, хотя вовсе не отличаются угрюмостью или мрачностью настроенія. Наоборот!... Но многіе из них считают даже излишним развлеченіем и частыя путешествія в монастыри для присутствія на общих церковных богослуженіях.

— Сходишь в обитель на единый день, а дух и мысли взволновываются на мѣсяц...

Разсуждая так и стремясь к неотлучному пребыванію на мѣстах своего уединенія, сторонники таких стремленій, в прежніе годы, находили и соотвѣтствующій выход из положенія. Часто они располагали свои каливки недалеко одна от другой, в видѣ разбросаннаго селенія по диким горным уступам. А по серединѣ послѣдняго, устраивали особую площадку, на которой, общими усиліями, воздвигали свою собственную соборную церковь. Тотчас же находился в средѣ пустынников священнослужитель, которому и поручалось совершеніе всѣх служб.

Тогда опять получалось нѣчто похожее на монастырь с разбросанными самостоятельными каливами и со всѣми особенностями иноческой жизни, без которых пустынникам крайне трудно было бы придерживаться опредѣленнаго порядка при пользованіи своею церковью. И нельзя уже было обходиться без особаго старшаго (дикея), являвшагося лицом выборным из своей же среды, на обязанности котораго лежала бы забота о чистотѣ и благолѣпіи соборнаго храма и благочиніи служб церковных... А впослѣдствіи такой «дикей» начинал так же вѣдать и общими хозяйственными дѣлами всѣх братьев пустынников своей общины, заботился об их скромном продовольствіи и т. д.

Таким образом, отдѣльные пустынники, постепенно, образовывали уже особый СКИТ из разбросанных калив, впослѣдствіи уже окончательно пріобрѣтавшій всѣ права таковаго.

Так образовались в прежнія времена греческіе скиты... Но всѣ они очень далеки, по своему характеру и устройству, от типа скита русскаго, во всем походящаго на большой общежительный монастырь.

Есть на Святой горѣ Аѳонской и еще один вид отшельников, не подходящих ни к первому, ни ко второму из типов выше представленных. Это тип от-

шельника-странника, вообще не имѣющаго никакого постояннаго убѣжища и всю жизнь паломничающаго из монастыря в монастырь, из келліи в келлію... Аѳонскій полуостров велик для такого пѣшехода. Но, несмотря на это, он пересѣкает его пространства неисчислимое количество раз за время своего подвижничества. Он вѣчно движется по этим пространствам с котомкою за плечами, никуда опредѣленно не стремясь и ничего опредѣленнаго не желая. Если встрѣтится на пути гостепріимный монастырь или такая же келлія, — переночует, отвѣдает трапезы... и бредет себѣ дальше по лѣсам и стремнинам Святой горы.

Я пытался сфотографировать таких «сиромахов», но они не допускали этого...

Что же касается общаго отношенія монастырей к такого рода странствующим пустынникам, то, в большинствѣ случаев, оно является милостивым и снисходительным. Подойдя, обыкновенно, к монастырским воротам, такой странник получает от привратника (портара) положенную милостыню, а иногда снабжается и поношенною ряской или обувью. Снабжают сиромахов монастыри, скиты и келліи также хлѣбом и сухарями. А в до-революціонныя времена, когда по Святой горѣ паломничали толпы благочестивых русских паломников, эти странники-сиромахи всегда обрѣтали запас пропитанія в особо чтимых мѣстах полуострова и, главным образом, у источника св. Аѳанасія... Там, на особых камнях, всегда лежали цѣлыя горы хлѣба, сухарей и других скромных продуктов монашескаго питанія, оставляемых болѣе богатыми паломниками для прохожей святогорской бѣдноты.

Что же касается вообще аѳонских сиромахов, то об их жизни можно было бы написать цѣлыя книги: настолько она разнообразна и полна всевозможными эпизодами.. от умилительно-поэтических и до полных суроваго трагизма.

ЗАСЛУГИ ГРЕКОВ-АѲОНИТОВ

Пусть тѣ из моих читателей, кто случайно пробѣжит эти строки, пребывая в обстановкѣ вѣчно шумящаго и стремительно несущагося к неизвѣстной цѣли матеріально-суетнаго міра, — хотя бы на мгновеніе представит себѣ жизнь аѳонскаго инока, пребывающаго в состояніи высокой религіозной настроенности. Несомнѣнно, душа его неизмѣримо чище и лучше нашей. Несомнѣнно и то, что этой душѣ дано знать многое, навсегда остающееся невѣдомым для самых выдающихся свѣтил матеріальнаго міра, имена которых гремят на обоих полушаріях.

Для того же, чтобы в этом убѣдиться окончательно, лучше всего лично побывать на Аѳонѣ, что для вѣрущаго человѣка все же является дѣлом возможным и выполнимым даже в наше тяжелое время.

Вѣдь слѣдует же людям, не отказавшимся окончательно от понятія о двойственности человѣческой натуры, не забывать о том, что наше существо слагается не только из одного тѣла, но и из души, которой предопредѣлено вѣчное и безсмертное существованіе. И, в особенности, слѣдует теперь помнить об этом нам, православным христіанам, столь много пережившим и перестрадавшим от тлѣтворнаго владычества служителей безбожнаго матеріализма.

Промысел Божій допустил меня лично побывать на Аѳонѣ четыре раза, прожить там продолжительный період времени и основательно ознакомиться с

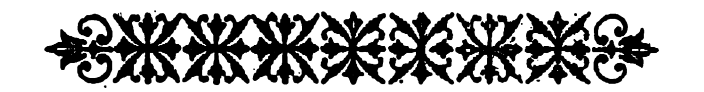
жизнью и бытом насельников этого замѣчательнаго монашескаго царства. И вот, на основаніи своих наблюденій и опыта, мнѣ от всего сердца хочется сказать, что Аѳон поистинѣ является горою Святою... И не только по одному названію и традиціи, но и по удивительным результатам духовных достиженій, какими отличаются ея многочисленные подвижники.

Нигдѣ, рѣшительно нигдѣ в мірѣ, вы не найдете столько душевной ясности и высокой настроенности, столько высочайших и драгоцѣннѣйших нравственных качеств, как именно на Аѳонѣ... Нигдѣ, как только там, вы не столкнетесь с таким великим сонмом истинных и вдохновенных рабов и избранников Божьих, уже окончательно приблизившихся к настоящему подвижничеству в истинно-христіанском значеніи этого слова. И к вершинам этого подвижничества и настоящей святости — всѣ эти свѣтлѣйшіе люди нашего времени доходили по дорогѣ, указанной, исключительно, только православною вѣрой...

Но, говоря о великом значеніи православія, всецѣло создавшаго на землѣ один великій и лучезарный для всего истинно-христіанскаго міра Аѳон, — мы не можем, по справедливости, не отдать должной и заслуженной чести нашим древнѣйшим и коренным учителям вѣры. А таковыми являются с незапамятных вѣков — греки. Именно они, во всѣ времена, оказывались самыми стойкими и ревнивыми блюстителями всѣх православных церковных и отеческих преданій. Благодаря им, в поразительной точности, сохранились до наших дней всѣ монастырскіе и, в особенности, богослужебные уставы.

Весьма возможно, что если-бы главенство на Аѳонѣ принадлежало вѣками не грекам, а каким-либо иным представителям православнаго иночества, — наша вѣра и ея обряды могли бы с теченіем столѣтій подвергнуться весьма существенным измѣненіям. Но

греки проявляли в этом отношеніи удивительную твердость, даже в самые тяжелые періоды чудесной исторіи Святой горы. И, благодаря этому, они и в настоящее время являются для всѣх остальных православных народов, примѣром непоколебимой вѣрности всѣм правилам православной вѣры и церковной самобытности... А если имѣть в виду греков-аѳонитов, то нельзя не отмѣтить, что у них православіе сохранилось в болѣе чистом видѣ — так сказать, ортодоксальнѣе, — чѣм у других православных народов, в разныя эпохи своего существованія, подвергавшихся вліянію западному, иноземному и, что самое главное, неправославному. А потому от греков нельзя отнять заслуги стойких блюстителей православной идеи на Аѳонѣ, за вѣрность которой, они во всѣ вѣка, готовы были претерпѣвать самыя жестокія страданія.

ВСЕЛЕНСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ АѲОНА

Чѣм объяснить, что только здѣсь, на сравнително небольшом полуостровѣ Халкидика, до сих пор совершаются такія удивительныя дѣла и человѣческіе поступки, каковые не имѣют ничего общаго со всею нашею матеріалистическою жизнью текущей бурной эпохи, вообще столь бѣдной всякими духовными подвигами? Чѣм объяснить, что Святая гора Аѳон неудержимо влечет к себѣ людей совсѣм особых настроеній и особаго духовнаго склада, стремящихся к цѣлям, безконечно далеким и чуждым милліонам обыденных жителей суетнаго міра, погрязших в ожесточенной и смертельной борьбѣ за личное благополучіе, преходящія радости и наслажденія?

Нѣт никаких сомнѣній в том, что такое положеніе вытекает из обстоятельств вполнѣ естественных, а не случайных.

При внимательном ознакомленіи с чудесным аѳонским краем и замѣчательным бытом всѣх насельников этого монашескаго царства, всякій вдумчивый наблюдатель тотчас же поймет, почему это царство основалось и просуществовало столько вѣков только здѣсь, а не гдѣ-либо в ином пунктѣ земного шара...

Святая гора Аѳонская, как бы самим Надвѣчным Творцом Вселенной, предназначена для созерцательной жизни тѣх своих смертных избранников — «земных ангелов», как их называли в старину, — каким была уготовлена юдоль подвижничества в цѣлях

истиннаго познанія Его Божественнаго Свѣта... И, по волѣ Творца Вселенной, сама природа пошла навстрѣчу этим людям и в совершенствѣ завершила свое дѣло.

И, дѣйствительно, трудно найти на землѣ уголок, болѣе пригодный для монашеских подвигов и параллельнаго с ними укрѣпленія и развитія духовной жизни, чѣм Аѳон: изолированный от всего міра, огражденный своими скалистыми, малоприступными берегами, — весь этот огромный полуостров сам по себѣ является как бы громадным монастырем, только и пригодным для чисто иноческой жизни.

Когда-то, во тьмѣ вѣков, еще задолго до того момента, когда над Виѳлеемом загорѣлась лучезарная звѣзда Спасителя міра, пробовали на Аѳонѣ селится и строить свои жилища «міряне»,— безпечныя и веселыя дѣти Эллады, чтившія Аполлона и ни о чем не желавшія болѣе думать, как только о полной наслажденія жизни земли... Но вот повѣяло на Аѳон с Востока благоуханным новым вѣтром совершившагося Воскресенія — и как то сами собою, без всякаго реальнаго принужденія со стороны, испарились с святогорской земли всѣ мірскіе насельники. И ушли навсегда с Аѳона эти міряне. Ушли на сѣвер, за высокія горы, считая Аѳон мѣстом, совершенно непригодным для их благоденствія.

Но на смѣну им пришли люди новые, совсѣм не похожіе на своих предшественников. Ими были первые аскеты-христіане, не стремившіеся ни к чему иному, кромѣ познанія прямого пути к царству Бога Истиннаго и отрѣшенія от всѣх благ и наслажденій тѣла. И, поселившись на Аѳонѣ исключительно для жизни уединенной, строго монашеской, эти люди превратили «неблагопріятную» дотолѣ его почву в неисчислимый ряд цвѣтущих и благодатных уголков,

созданных упорным трудом, перемежаемым с молитвой.

Время бѣжало... Сходились к Святой горѣ все новые и новые ея поклонники — и одно за другим возрастали на замѣчательном полуостровѣ прочныя иноческія поселенія, не имѣвшія ничего общаго с селеніями суетнаго міра. Все, что здѣсь возростало и строилось, — строилось только для Бога, для Его прославленія, во имя Христа Распятаго и Воскресшаго. Безкорыстно и любящею рукою воздвигались храмы и жилища иноков-подвижников, расцвѣтали и ширились сады, поразительно быстро вскидывали к чистому южному небу свои вершины каштановыя, орѣховыя и маслиничныя деревья.

И все это совершалось благодаря упорному труду одних только строгих подвижников-мужей, ибо ни единая женская рука не могла прикоснуться к дѣлу аѳонских отшельников...

Прошло еще нѣсколько столѣтій. И уже не было на землѣ уголка, равнаго Аѳону в смыслѣ удобства достиженія тѣх цѣлей, к каким стремились люди, ступившіе на его завѣтный берег по доброй волѣ. Как нельзя больше способствовала этой цѣли и вся природа полуострова. Суровость и грандіозность аѳонских видов, сами собою возбуждают дух к созерцанію и самоуглубленію, а рѣдчайшая красота лѣсных пейзажей и вѣчно зеленые склоны гор, подступающих к морю, так и располагают к восторженному славословію Творца Вселенной.

Историческіе источники свидѣтельствуют, что послѣдняя особенность аѳонской природы была извѣстна еще и в болѣе глубокой древности мудрецам и богоискателям міра до-христіанскаго. Как видно из сказаній о посѣщеніи Святой горы Богоматерью, во времена Ея земной жизни, на Аѳонѣ процвѣтал культ Аполлона, а на самой вершинѣ его стояла и

статуя послѣдняго, обслуживаемая множеством жрецов. И, несомнѣнно, что всѣ эти языческіе жрецы были также склонны к своеобразному богомыслію и созерцательной жизни под вліяніем чудесной природы Аѳона. Тѣ же историческіе источники свидѣтельствуют, что сюда удалялись неоднократно и нѣкоторые греческіе мудрецы, погружавшіеся на Аѳонѣ в глубокія размышленія, которыя впослѣдствіи проводили их к различным философским выводам.

Свѣт евангельской истины, озарившій послѣ Голгоѳскаго событія весь мір, передал Аѳон богомыслителям христіанским. И тогда его языческія капища замѣнились святыми храмами истиннаго Бога, а, гремѣвшія дотолѣ у подножія Святой горы, языческія же игрища и ликованія, — духовными пѣснопѣніями и благолѣпными обрядами православно-монашеских богослуженій.

И опять-же, вѣроятно, самим Провидѣніем было положено так, что только православным подвижникам было суждено утверждаться на Аѳонѣ; только православію удалось свить на нем свое мощное, многовѣковое царство радости Божіей... И сколько величайших орлов духа и истинных угодников Божіих возрастило и воспитало это гнѣздо, столь уединенно стоящее над безкрайной морскою пучиной! Какой длинный ряд по истинѣ великих людей незамѣтно, но вѣрно, воспитывал Аѳон... И какими полезными были эти люди для того міра, который был ими добровольно оставлен.

Уже недалек тот час, когда блестяще оправдается сказанное выше и когда, прошедшій через ряд страшных испытаній, мір по достоинству оцѣнит правоту тѣх, кто был служителем не матеріи, а чистаго Божественнаго Духа. И на первом мѣстѣ таких служителей духа, несомнѣнно, тогда опомнившіеся люди, поставят истинных подвижников православія, в тече-

нію вѣков творившихъ свой подвиг... Вѣдь в теченіе тѣх же вѣков, многія тысячи людей добровольно покидали мір, исключительно, только для того, чтобы приблизиться к Богу и служить Ему по правилам христіанской вѣры, оставаясь чуждыми мелочным интересам міра и всѣм его преходящим событіям, интересам.

И велика была преданность этих людей православію... Умерщвлявшіе неустанно свою плоть и одновременно освобождавшіе свой дух, они закаляли свою волю для служенія завѣтам православія настолько, что отдача земной своей жизни за идею православія — им представлялась событіем пустым и малозначущим...

Таковыми были иноки Аѳона в отдаленныя времена его славной исторіи. Таковыми, несомнѣнно, они являются и теперь, не взирая ни на какія міровыя событія.

В этом громадное значеніе Святой горы и ея насельников.

Величайшим утѣшеніем для всѣх вѣрующих православных людей является так же и еще одно весьма важное обстоятельство: за все время существованія на Аѳонѣ православнаго монашества, ни одна церковь не была превращена в мечеть и ни одно вѣрованіе, кромѣ православнаго, не имѣло здѣсь своей обители!.. Всѣ попытки могущественнаго Рима наложить на Аѳон свою руку, на протяженіи вѣков, тоже оканчивались полною неудачею, несмотря на самыя жестокія средства, примѣнявшіяся воинствующими католиками в отношеніи смиренных исповѣдников чистаго православія... Извѣстно, например, как стойко защищали свои права и свою православную вѣру аѳонскіе монахи от власти того же Рима, от вторженія в стѣны своих монастырей Ліонской и Флорентійской уній!..

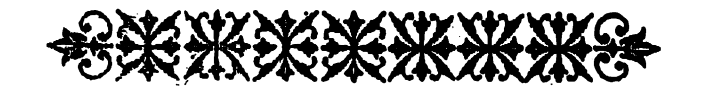
Правда, борьба эта нерѣдко стоила аѳонским инокам самых жестоких страданій и даже жизни. Но ничто так и не могло, ни в одну из тяжких эпох, уничтожить полной гегемоніи православія на Аѳонѣ, или уменьшить стремленіе к Святой горѣ все новых и новых подвижников. Достаточно сказать, что к концу 14-го вѣка число православных монастырей на Аѳонѣ доходило до поистинѣ огромной цифры... 150 монастырей, а общее число иноков, подвизавшихся в них, превышало 50.000.

И никакія внѣшнія потрясенія — и даже вторженія вражьих сил — не могли сокрушить ни силы духа православной вѣры в этих подвижниках, ни чистоты православных обрядов, ни церковнаго благолѣпія древней Византіи.

Был у Аѳона и свой «золотой вѣк». Он продолжался почти четыре столѣтія (10—14 в. в.), когда с существованіем и интересами этого смиреннаго монашескаго царства, должны были считаться даже могучіе императоры и непобѣдимые полководцы.

Нельзя не назвать чудесным проявленіем Божественнаго Промысла и судьбу Аѳона послѣ паденія Царьграда и утвержденія на византійских развалинах власти турецких завоевателей. И, послѣ этой страшной для христіан катастрофы, Святая гора сумѣла сохранить свою независимость и даже явилась надежным убѣжищем для константинопольских греков, пострадавших от мусульманскаго вторженія.

Не мало услуг оказывал Аѳон и христіанскому просвѣщенію, дав міру таких ученых мужей, как митрополит Кипріан, препод. Максим Грек, Іоанн Вишенскій, Аѳанасій Великій и др. Всѣ они, своими переводами священных книг и собственными сочиненіями, оказали не малую услугу и Россіи, не говоря уже о других православных державах.

НУЖДЫ АѲОНА

Заканчивая свое скромное повѣствованіе, не рѣшаюсь обойти молчаніем еще одного вопроса, касающагося современнаго положенія аѳонских святынь, ибо этого требует, совершенно объективная, историческая справедливость.

Различныя политическія перемѣны в жизни европейских государств и народов, а, в особенности, жестокая гроза, разразившаяся над Россіей, — конечно, не могли не отразиться послѣ первой Міровой войны и на теченіи жизни насельников Святой горы. И, дѣйствительно, они неожиданно очутились в весьма тяжелом положеніи, вызываемом чисто внѣшними обстоятельствами.

Тихій быт тысяч истинных Божьих слуг на Аѳонѣ, *в особенности иноков славянских*, измѣнился за послѣдніе тридцать лѣт к худшему до неузнаваемости. Перестала существовать, как таковая, великая покровительница единовѣрных славян — Святая Русь — и это горькое событіе тотчас же отразилось на благоденствіи русских и славянских обителей Аѳона. Прервалась его вѣковая связь с Россіей и прекратился приток щедрых пожертвованій из всѣх ея самых отдаленных уголков, гдѣ, на наших безкрайных россійских просторах славились вѣрующими людьми святыни Аѳона. Прервалась, и в своем теченіи совершенно изсякла, широкая рѣка десятков тысяч русских паломников, ежегодно с безграничной вѣрой притекавших на Святую гору.

И пошатнулось, сдѣлалось невѣроятно тяжелым благосостояніе русских и остальных славянских обителей Аѳона... С каждым годом начали все замѣтнѣе бѣднѣть его обители; быстро уменшалось число насельников, ибо неумолимая смерть уносила престарѣлых иноков, для которых *не приходила смѣна*. А, всего печальнѣе то, что выросли неожиданныя преграды для проникновенія в это монашеское царство новых иноков: славян, а в особенности, русских!... Опустѣли монастырскія гостиницы; все рѣже и рѣже стали курсировать пассажирскіе пароходы. А, изрѣдка заходя, оставляли всего 1-2 паломников.

Повѣяло настоящею бѣдою и холодным матеріализмом эпохи со стороны именно тѣх, кто, казалось бы, призван опекать и благодѣтельствовать Аѳону, — по исторической традиціи от Византіи и... по единовѣрію. А случилось обратное: новая власть, воспріявшая Аѳон послѣ турок, не принесла славянским инокам Святой горы ничего, кромѣ скорбей и лишеній. Не считаясь ни с какими историческими завѣтами и многовѣковыми правами,— эта, матеріалистическим духом пропитанная, власть в 1923 году отобрала у аѳонцев всѣ их монастырскіе «метохи», т. е. имѣнія ВНѢ Аѳонскаго полуострова, отписанныя во времена Византіи в полную собственность или пріобрѣтенныя аѳонцами еще при владычествѣ турок.

Этим актом был нанесен страшный удар, освященному вѣками, укладу жизни хозяйственных общин иноков, сыгравших, как извѣстно, такую видную роль в дѣлѣ созданія и укрѣпленія славнаго монашескаго царства, столь цѣннаго для всего православнаго міра...

Что же касается обителей славянских, то им нанесен был еще большій удар нѣсколько иного свойства... Вопреки Севрскому договору от 18 августа 1920 года, подтвержденному Лозанской конференціей 6

августа 1923 года, — территоріальная власть прекратила выдачу разрѣшеній славянам для пріѣзда на Аѳон с цѣлью поступленія в монашество и несенія подвига православно-христіанскаго подвижничества. Мало того: власть эта всячески затруднила и выдачу разрѣшеній на пріѣзд обычных паломников, а, выдавая только изрѣдка таковыя, весьма ограничила время их пребыванія на Святой горѣ.

А вѣдь у русских, болгарских и сербских насельников есть не только нравственныя права, но и юридическія!.. Поэтому пусть в этом казусѣ разберутся читатели-юристы и международники. А пока ясно лишь одно, что договоры одно, а жизнь... совершенно другое.

Во всяком случаѣ, русскіе и вообще славянскіе обители Аѳона этими жестокими мѣрами в отношеніи вѣрующих и их святынь — приговорены к быстрому вымиранію... Что станется в недалеком будущем с нашими благолѣпными, святогорскими монастырями, скитами, келліями и каливами, цѣликом созданными на русскія деньги, если суровое рѣшеніе единовѣрной власти останется в силѣ и на дальнѣйшіе годы?.. И без того, со смертью древних старцев, быстро уменьшающіяся братства этих обителей, останутся вовсе без «смѣны» и ни один молодой инок не восприимет от искушенных старцев строгих завѣтов аѳонскаго монашества. Да и сами старцы, один за другим, уйдут в тот міръ, к переходу в который они так тщательно готовились в своих святогорских обителях.

Благодаря ужасному для славянскаго Аѳона противодѣйствію властей на въѣзд туда кандидатов иночества, — вѣрною дорогою к полнѣйшей гибели идет теперь еще недавно цвѣтущее, благодатное хозяйство его славянских обителей. И нѣсколько келлій уже пришло в запустѣніе!.. Их насельники, старѣю-

щіе с каждым днем, уже не в силах успѣшно справляться со всѣми хозяйственными работами, необходимыми для нормальнаго существованія их прекрасных обителей. А на помощь им, уже никто не может прійти из числа монахов молодого поколѣнія, так как их стремленіе к подвижничеству на Святой горѣ, рѣзко прервано рукою міра.

С каждым годом, с каждым мѣсяцем, все замѣтнѣе уменьшаются и тают, когда-то многочисленныя братства русских и вообще славянских обителей. А пропорціонально уменьшенію численности этих братств — останавливаются и перестают существовать самыя разнообразныя иноческія начинанія при наших прекрасных обителях, поражавшія ранѣе, каждаго пришельца, своею плодоносностью и пользой. Прекратилась и стала невозможной рубка лѣса, являвшаяся одною из значительных статей дохода, но требующая рабочей силы, которой теперь вовсе нѣт. Все меньше и меньше дают плодов, тоже требующіе рабочих рук, маслиновыя деревья и виноградники. Постепенно ветшают и теряют свой прежній безупречный вид прекрасныя зданія обителей, которые лишены возможности привлечь для своего ремонта сильных и опытных рабочих...

Что же станется с нашими чудесными аѳонскими обителями в недалеком будущем, если не измѣнится их судьба к лучшему в кратчайшій срок? Неужели же русскому монашеству на Аѳонѣ, вмѣстѣ со всѣми его подвигами и длинною исторіей, скоро суждено перейти в область преданій и перестать существовать вовсе?.. Возможно-ли это, допустимо-ли это, не требует-ли такое положеніе немедленнаго вмѣшательства в дѣла ВСЕНАРОДНАГО Аѳона, всѣх православных церквей, за которыми, несмотря на наш безбожный вѣк, все же стоят многіе и многіе милліоны вѣрующих?

Но не достаточно желать одного церковнаго вмѣшательства в это, не терпящее отлагательства, великое и святое дѣло. Необходимо, чтобы в защиту славянских обитателей Аѳона, подали свой громкій и твердый голос, также правительства христіанских государств. Если же не совершится это, то великія и прекрасныя обители на Святой горѣ Аѳонской — русскія и славянскія вообще — будут обречены на полное вымираніе, полное обезмонашеніе, за которым неизбѣжно послѣдует и переход всѣх наших вѣковых, святогорских святынь в чужія руки.

Да поможет нам Владычица Небесная избѣжать этой невзгоды и неизмѣнно встрѣчать в грядущем, у подножія Ея горы Святой, — наших и братских славянских служителей Духа, прославляющих Ея имя во вѣки вѣков!

ОТЪѢЗД С АѲОНА

Близилось к концу время моего пребыванія на Святой горѣ.

Жаркіе и ясные дни становились все рѣже. Чистое небо стало сѣрѣть и от оврагов все чаще подымались и струились в застывшем воздухѣ волны туманов. И самое темя Аѳона очень часто стало одѣваться облаками.

Несмотря на теплоту и блеск солнца, чуялась уже осень... Густая зелень, одѣвавшая еще так недавно чудную гору от одного взморья до другого, стала замѣтно рѣдѣть и желтѣть. Наступили дни южной, тихой осени, ласкающей послѣдней лаской и любящей послѣдней вспышкой...

Двухмѣсячное пребываніе в кругу своих, русских, соединенное с братским радушіем вообще святогорцев и с плѣнительною мѣстностью Святой горы, напоминавшей своими лѣсами далекую родину, — держали меня постоянно в русских обителях Аѳона под тихими и как бы родственными впечатлѣніями дома, нетронутой Руси...

В надеждѣ на возможность в будущем еще побывать на Святой горѣ, я в послѣдній раз вышел из порты нашей огромной обители, напутствуемый благопожеланіями моих старых и вновь пріобрѣтенных друзей-иноков.

Вот отчалила лодка от мола. И я снова под опекой добродушнаго отца Петра и его помощника, симпатичнаго о. Веніамина.

Во мглистую даль уходили пестрые и неправильные корпуса монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона... Таяли в осеннем воздухѣ золотыя главы многочисленных его колоколен. А по склонам горы, как бы прощались со мною знакомыя и плѣнительныя обители...

Мнѣ было очень грустно.

Прошедшее — все как бы осталось по ту сторону, а по эту — зрѣлось одно будущее, предстоявшее возвращенiе к обычному порядку жизни. Но мысль поперемѣнно то забѣгала, то упорно отставала, все еще держась за чарующее имя. И я чувствовал, что в жизненную даль уносил с собою нетлѣнный образ Святой горы Аѳонской на память вѣчную...

Вот откачнулась лодка с таможеными властями и, как легкая скорлупа, отлѣпившаяся от борта парохода, закачалась на синих прозрачных волнах. Как будто запрыгала с гребня на гребень... А, четверть часа спустя, наш пароход уже покидал суровыя скалы Аѳона.

Но долго еще потом стоят перед нами кремнистые хребты священной горы, со слабо обрисовавшимися, позади парохода, сѣро-фiолетовыми ея очертанiями.

Огибаем залив полуострова Лонгоса и круто поворачиваем вправо. Все время берег вьется в виду и только упавшiя на землю сумерки скрывают от нас его причудливый излом.

В рубиновом багрянцѣ тонет почти моментально золотистый диск солнца. Но не успѣл еще потемнѣть горизонт, как уже слабый свѣт полной луны протянул трепетныя тѣни от мачт, набросал прихотливый переплет снастей и веревок на бѣлом досчатом помостѣ. Тронутая серебристыми иглами зарябила тихая гладь моря. И как будто скрытые огни замерцали вдруг в глубинѣ, под тонким изломом хрусталь-

ной, прозрачной воды... Заискрились и разбѣжались снопами огнистых лучей, то вспыхивая, то потухая.

Какая ночь! Стоишь очарованный, перегнувшись через борт, и чувствуешь, что не в силах оторваться от удивительной картины. А свѣжія воспоминанія навѣвают чудесныя видѣнія из аѳонской жизни...

Святая гора Аѳонская осталась далеко, далеко позади... Но забыть эту гору никогда невозможно.

На длинном рядѣ святогорских русских обителей — тѣх обителей, в которых особенно тепло и отрадно русскому человѣку, в которых благодать, почивающая на святом мѣстѣ, особенно ощутительна сердцу, не заглохшему еще для впечатлѣній духовных, — на этих обителях, удивительно оправдалось, глубокое слово перваго писателя русскаго, преподобнаго Нестора лѣтописца: «Много есть монастырей, поставленных от богатства князьями и боярами. Но всѣ они не таковы, как тѣ монастыри, которые утверждены молитвами святых, постом и слезами их»...

Сочувствіем благочестивых людей — вот чѣм росли святыя обители. А ничѣм иным это сочувствіе не пріобрѣтается, как нравственным высоким строем монастыря. Но именно всѣм этим, в изобиліи, богаты наши святыя и священныя обители на Аѳонской горѣ. А потому всякій паломник, удостоившійся посѣтить их, переживает ту яркую отраду, которая бережно сохраняется потом в теченіи всей его жизни.

Только около полуночи задремал я на палубѣ. Но уже проснулся с восходом солнца, когда мы плыли по широкому Салоникскому заливу... Картина была восхитительная... На горизонтѣ виднѣлся синеватый берег Кассандры, мимо которой мы проплыли ночью. А еще дальше обозначался чуть замѣтный и почти слившійся с небом остроконечный пик Аѳона, на котором, будто флаг, стояло бѣлое облачко.

С правой стороны тянулись берега Халкидики,

а с лѣвой — возвышался сорокоглавый Олимп во всей своей величественной красотѣ. Середину его опоясывали бѣлыя облака; а над ними, как бѣлая палатка, возносилась коническая вершина Оссы... Розовыми блестками горѣли, при свѣтѣ восходящаго солнца, его вѣчные снѣга, и я невольно залюбовался на этот гигантскій престол языческаго громовержца.

И, наслаждаясь такою прекрасною картиною, я унесся мыслію к былому классическому величію, когда он, живым воображеніем греков, был заселен богами. Возстала предо мною и тѣнь безсмертнаго Гомера... Прошлая историческая жизнь Македоніи также предносилась в моей мысли и предо мною, поочередно, возставали знаменитые представители различных эпох ея: Александр Великій, св. апостол Павел, равноапостольный Константин, свв. братья Кирилл и Меѳодій.

А в то время, как я уносился мыслію к историческому былому, пароход наш, круто повернувши к сѣверо-востоку, вошел в Салоникскій залив. И пред нами предстал самый город во всем его внѣшнем величіи.

Это древнія Ѳессалоники, родина просвѣтителей славян, свв. братьев Кирилла и Меѳодія...

ОГЛАВЛЕНІЕ

Издание подготовлено Свято-Троицким Ново-Голутвиным женским монастырем

140400, Московская обл., г. Коломна, ул. Лазарева, д. 11а

Расчетный счет №701204 в Коломенском отделении Уникомбанка.

АО „ЧТ" 412—25000

